

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№2 (8)
2013

ISSN 2307-2539

Журнал основан в 2005 г.
Выходит 2 раза в год

Главный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
С.П. Грушин, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин, А.Л. Кунгуров,
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), С.С. Тур, А.В. Харинский,
Ю.С. Худяков, Е.В. Шелепова (отв. секретарь)

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель, Россия),
Д.Дж. Андерсон (Великобритания), А. Бейсенов (Казахстан), А.А. Бондаренко
(Россия), Ван Вэйлинь (Китай), Е.Г. Дэвлет (Россия), Иштван Фодор (Венгрия),
А.А. Ковалев (Россия), И.В. Ковтун (Россия), Л.С. Марсадолов (Россия),
Д.Г. Савинов (Россия), А.Г. Ситдииков (Россия), Такахама Шу (Япония),
Д. Эрдэнэбаатар (Монголия), Ю Чжиюн (Китай)

Утвержден к печати Объединенным научно-техническим советом АлтГУ

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211, телефон: 8 (3852) 298-103.
E-mail: tishkin210@mail.ru

©Алтайский государственный университет, Барнаул

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2013

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
Altai State University

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

**№2 (8)
2013**

ISSN 2307-2539

The journal was founded in 2005
There are 2 times in a year

Editor in chief:

A.A. Tishkin

Editorial staff:

V.V. Gorbunov (deputy editor in chief), S.P. Grushin, Associate member
of the Russian Academy of Sciences N.N. Kradin, A.L. Kungurov,
N.N. Seregin (executive editor), S.S. Tur, A.V. Kharinsky,
Yu.S. Khudyakov, E.V. Shelepova (executive editor)

Associate editors:

Yu.F. Kiryushin (chairman, Russia),
D.D. Anderson (Great Britain); A. Beisenov (Kazakhstan), A.A. Bondarenko (Russia),
Van Vailin (China), E.G. Davlet (Russia), Ishtvan Fodor (Hungary); A.A. Kovalev
(Russia), I.V. Kovtun (Russia), L.S. Marsadolov (Russia), D.G. Savinov (Russia),
A.G. Sitdikov (Russia), Takahama Shu (Japan),
D. Erdenebaatar (Mongolia), Yu. Chzhiyun (China)

Approved for publication by the Joint Scientific
and Technical Council of Altai State University

Address: office 211, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia, tel.: 8 (3852) 298-103,
E-mail: tishkin210@mail.ru

© Altai State University

Barnaul

Altai State University Press
2013

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Савинов Д.Г.</i> О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток	5
<i>Ковтун И.В., Марочкин А.Г.</i> Лодка и пятнадцать «пассажиров»	17
<i>Яценко С.А.</i> О сарматских ограблениях синхронных курганов	25
<i>Соенов В.И., Константинова Е.А.</i> Деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон (Алтай)	42
<i>Руденко К.А.</i> О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане)	58
<i>Тишкин А.А., Серегин Н.Н.</i> Тюркские оградки как одна из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье	75
<i>Горбунов В.В., Тишкин А.А.</i> Тюркские оградки памятника Яломан-VII (Центральный Алтай)	82
<i>Серегин Н.Н.</i> «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация	100
<i>Гребенникова Т.Г., Илюшин А.М., Тишкин А.А.</i> Украшения конского снаряжения из кургана №4 памятника Мусохраново-1 в Кузнецкой котловине	109

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Б.Ч.</i> Каменные сосуды из памятников ранней бронзы долины Буянты (Монгольский Алтай)	117
--	-----

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Марсадолов Л.С., Хаврин С.В., Гук Д.Ю.</i> Проба древнего золота Казахстана и Саяно-Алтая как временной и социальный индикатор	129
Список сокращений	143
Сведения об авторах	144
Правила оформления статей	146

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Savinov D.G.</i> Two ways of spreading bronze products of the Seyma type eastwards	5
<i>Kovtun I.V., Marochkin A.G.</i> A boat and fifteen «passengers»	17
<i>Yatsenko S.A.</i> Synchronous robberies in Sarmatian barrows	25
<i>Soenov V.I., Konstantinova E.A.</i> Wood-working tools from Verkh-Uimon barrow (Altai)	42
<i>Rudenko K.A.</i> Relationships between nomadic Ugrians and settled populations of the middle Volga region in the Migration period (on the materials of the settlement Tetyushskoye II in Tatarstan)	58
<i>Tishkin A.A., Seregin N.N.</i> Turkic mortuary enclosures as one of the forms of erecting cenotaphs in the early Middle Ages	75
<i>Gorbunov V.V., Tishkin A.A.</i> Turkic mortuary enclosures of Yaloman-VII (Central Altai)	82
<i>Seregin N.N.</i> «Single» burials of early middle-ages Turks in the Altai-Sayan region and Central Asia: ethnocultural and social interpretation	100
<i>Grebennikova T.G., Ilyushin A.M., Tishkin A.A.</i> Decorated horse equipment from barrow № 4 at Musokhranovo-1 site, Kuznetsk basin	109

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Tishkin A.A., Grushin S.P., Munkhbayar B.Ch.</i> Stone containers from the sites of early Bronze Age in the Buyant valley (Mongolian Altai)	117
--	-----

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Marsadolov L.S., Khavrin S.V., Guk D.Yu.</i> Cupelling of ancient gold in Kazakhstan and Sayan-Altai as time and social indicator	129
Abbreviations	143
Authors	144
Article submission guidelines	146

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903'1

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

О ДВУХ ПУТЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ СЕЙМИНСКОГО ТИПА НА ВОСТОК

Изучение сейминско-турбинской эпохи (культуры, феномена, традиции) включает множество аспектов. Один из них – распространение бронзовых изделий из первоначальной области формирования сейминско-турбинской металлургии на восток, вследствие чего подобные находки встречаются на обширных пространствах Центральной Азии и Сибири. В Древнем Китае, по мнению большинства исследователей, благодаря этому появились три важнейшие культурные инновации – колесный транспорт, коневодство и металлургия. Свидетельством продвижения носителей сейминской традиции в указанных направлениях, кроме характерных бронзовых изделий, являются наскальные рисунки. Среди них особое значение имеют изображения лошадей, выполненные в характерной сейминско-турбинской традиции – с тяжелой передней частью туловища, постриженной нависающей челкой и длинным, слегка отставленным хвостом. Реже, но в стилистически близкой манере, изображались быки и верблюды. Наибольшее количество таких изображений сейчас известно в петроглифах Центрального и Восточного Казахстана. Зафиксированы они и в других регионах.

В статье приводится широкий спектр мнений по проблеме формирования, развития и распространения яркого культурно-исторического явления древности – сейминско-турбинского феномена.

Ключевые слова: эпоха бронзы, сейминско-турбинская металлургия, бронзолитейное производство, традиция, культура, миграция, Волго-Уральский очаг, Алтай, Барабинская лесостепь, Кузнецкая котловина, Прииртышье, культуругенез, Ростовка, Самусь-IV, наскальные изображения, мелкая пластика, наконечники копий, кельты, ножи.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-01

В работах Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1987, 1989], с учетом всех имеющихся материалов на уровне конца 80-х гг. XX в., была представлена общая концепция развития сейминско-турбинского транскультурного феномена, выделены отдельные группы памятников и соответствующие им очаги бронзолитейного производства. При этом следует признать, что количество находок в восточном ареале распространения сейминско-турбинских бронз все же остается ограниченным, несмотря на столь известные и уже ставшие эталонными памятники – могильник Ростовка около г. Омска [Матющенко, Сеницына, 1988] и поселение Самусь-IV около г. Томска [Косарев, 1981, с. 86–111]. Недавние открытия и публикации двух новых замечательных комплексов сейминско-турбинской металлургии – значительной серии бронзовых изделий (около 130 экз.), найденных на берегу Шайтанского озера около г. Екатеринбурга вместе с керамикой коптяковской культуры [Сериков, Корочкова, Кузьмина, Стефанов, 2008; Корочкова, Стефанов, 2010], и не менее ярких материалов, в том числе великолепных художественных изделий, из разрушенных погребений на Иртыше в окрестностях Омска [Молодин, Нескоров, 2010], актуализируют исследования в этом направлении.

Представление о характере распространения сейминско-турбинских бронзовых изделий на восток во многом зависит от того, как определяется начальная область формирования сейминско-турбинского бронзолитейного производства. Согласно исследованиям Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 251], – это «...районы Рудного Алтая,

бассейна верхнего Иртыша и в меньшей степени Восточного Семиречья». Таким же образом «... в Восточном Казахстане, на Алтае и в Семиречье» локализовала этот район Е.Е. Кузьмина [1992, с. 44; 1994, с. 257–260]. Еще раньше о восточноказахстанском или алтайском очаге сейминско-турбинской металлургии писали С.С. Черников [1960, с. 86, 136 и др.], Ю.С. Гришин и Б.Г. Тихонов [1960, с. 29, 91 и др.]. В представлениях Ю.Ф. Кирюшина [1992, с. 66], «... Алтай понимался вместе с горной и предгорной зонами и прилегающим Рудным Алтаем, входящим ныне в Восточный Казахстан». В дальнейшем именно такое – широкое по фактическому наполнению и подчеркнуто региональное с точки зрения определения места исхода сейминско-турбинской традиции – отношение закрепилось в барнаульской школе археологии [Алтай в системе..., 2006; Грушин, Папин и др., 2009]. Независимо от этих комментариев данная область (в ее широком значении) признается большинством исследователей как первоначальная зона формирования сейминско-турбинской металлургии, откуда происходило ее дальнейшее распространение.

Сказанное отнюдь не снижает значения Волго-Уральского очага культуругене-за, в развитии которого, по мнению В.С. Бочкарева [1995, с. 26], помимо местных традиций, особую организующую роль сыграл «фактор сейминско-турбинский», связанный с приходом «из Сибири сильно вооруженных и хорошо организованных групп», предполагаемых носителей распространения соответствующих традиций на запад. Что касается восточного направления, то здесь важное методическое значение имеет определение в монографии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 271] двух фаз в развитии сейминско-турбинского феномена – фазы передвижения и фазы стабилизации. Это позволяет предполагать, что между районами стабильного обитания носителей сейминско-турбинской традиции в перспективе могут появиться еще неизвестные находки, и тогда пути их распространения будут обозначены более определенно. Или фаза передвижения носила столь скоротечный характер, что археологически неувовима.

История открытия и интерпретации изделий сейминско-турбинского типа на Алтае хорошо изложена С.П. Грушиным [2000, с. 38] в одном предложении: «Нахождение отдельных предметов, относящихся к сейминско-турбинской традиции; предположение о наличии на Алтае одного из очагов сейминско-турбинского производства; появление сейминско-турбинских вещей в закрытых комплексах; предположение об алтайском происхождении некоторых групп предметов сейминско-турбинской традиции... гипотеза о зарождении на Алтае всего сейминско-турбинского феномена». На алтайском материале выделены этапы развития сейминско-турбинской индустрии [Грушин, 2008, рис. 1; Грушин, Папин и др., 2009, с. 127, табл. I]. На основании радиоуглеродных дат высказано предположение, довольно быстро перешедшее в уверенность о зарождении самой ранней, досейминской металлургии на Алтае [Кирюшин, 1992, с. 68; 2002, с. 75–88; Грушин, 2000; Грушин, Папин и др., 2009, с. 125–128].

Между тем следует отметить, что само понятие «Алтай» применительно к местам нахождения сейминско-турбинских бронзовых изделий не столь однозначно. Абсолютное большинство их происходит с территории Западного и Рудного Алтая (или Восточного Казахстана); в северном, степном Алтае, представлявшем, судя по всему, ближайшую периферию первичного очага сейминско-турбинской металлургии, подобные находки встречаются значительно реже. В собственно Горном Алтае их вообще нет. На-

конечник копья из с. Соузга (Майминский район) найден, по сути дела, еще в северных предгорьях Алтая, а ближайший аналог елуниному ножу – нож из Усть-Муты – происходит из другой оконечности Горного Алтая (Усть-Коксинский район, пограничный с Северо-Западной Монголией). Пока трудно сказать, как он там оказался.

Показательно, что после открытия следов бронзолитейного производства на поселении Самусь-IV было высказано предположение о существовании среднеобского центра сейминско-турбинской металлургии [Косарев, 1963]; после раскопок могильника Ростовка на Иртыше был поставлен вопрос о выделении среднеиртышского центра производства сейминско-турбинских бронз [Матющенко, 1978]. Очевидно, в этом ряду следует рассматривать и возможность выделения северо-алтайского (или верхнеобского) очага сейминской металлургии, скорее всего, действительно одного из наиболее ранних, во всяком случае, ближайшего к первоначальной области формирования. Дальнейшее ее распространение на восток пока представляется в самых общих чертах. На этом этапе изучения целесообразно разделить существующих дефиниций с сохранением общей стадиальной основы «сейминская»: сейминско-турбинская – для всего восточноевропейского региона (возможно, с учетом находок на Шайтанском озере, в перспективе коптяковско-сейминская – для Приуралья); самусьско-сейминская – для Западной Сибири; пока просто сейминская – для всех более восточных областей.

Характеризуя региональные группы памятников, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 31] выделяют «...самую восточную и территориально наиболее аморфную» из этих групп, называя ее саяно-алтайской, «...представленную небольшими могильниками на Северном Алтае (Елунино, Цыганкова Сопка-II, Клепиково), а также единичными случайными находками из обширной территории северных предгорий Саяно-Алтайской горной системы, приуроченной к бассейнам по преимуществу верхнего течения рек Иртыш, Обь и Енисей». «Возможно, – отмечают далее авторы, – можно было бы наметить в согласии с этой близостью к основным рекам три группировки, однако нам показалось более целесообразным рассматривать эту группу в целом» [Черных, Кузьминых, 1989, с. 31].

С одной стороны, с этим можно согласиться, а с другой – нет. Действительно, памятники и находки сейминского типа на востоке сравнительно немногочисленны и более дисперсны, чем на западе. Однако, как уже говорилось, именно область верховий Иртыша относится к первичной зоне формирования сейминско-турбинской традиции; верховья Оби, скорее всего, представляют ее ближайшую периферию; а на Енисее такие находки вообще исключительная редкость. Вряд ли их следует рассматривать в рамках одной восточной зоны в целом. Если же конкретизировать известные сейчас находки бронзовых изделий сейминского типа или предметов, служивших для их изготовления, в восточном ареале распространения по отдельным областям, руководствуясь при этом теоретическим положением Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых о двух «фазах» развития сейминской индустрии (передвижения и стабилизации), то картина будет приблизительно следующей. При этом мы намеренно не касаемся вопросов хронологии и не акцентируем внимание на культурной принадлежности носителей сейминской традиции на восток, как наиболее сложные и до сих пор дискуссионные.

Ближайшая после Северного Алтая область стабилизации носителей сейминской традиции в этом направлении – Барабинская лесостепь, где благодаря многолетним исследованиям В.И. Молодина [1985, рис. 28–30] найдены уже довольно многочислен-

ные следы присутствия сейминской металлургии: ножи, орнаментированные кельты, литейные формы для отливки наконечников копий. По своему составу эти находки соответствуют материалам поселения Самусь-IV или Ростовки. Обнаружены и такие специфические памятники, как погребения литейщиков с характерным для них инструментарием и инвентарем [Молодин, 1983], свидетельствующие о том, что подобные изделия не только поступали в готовом виде, но и изготавливались на месте. Отдельную группу предметов образуют бронзовые кинжалы с двухтавровой рукояткой [Молодин, 1993, рис. 1–3, 7], типологически сопоставимые с кинжалами типа Второго Каракольского клада на Тянь-Шане [Винник, Кузьмина, 1981; Молодин, 1993, рис. 8.8–12] и, вероятно, имевшие с ними один источник происхождения. Все подобные находки в Барабе относятся к кротовской культуре, синхронной окуневской культуре на Енисее или самусьской на юге Западной Сибири, т.е. к доандроновской бронзе.

Отдельные находки бронзовых изделий сейминского типа известны в Кузнецкой котловине: два кельта, один наконечник копья, одна литейная форма для отливки богато орнаментированного кельта с поселения Танай-4 [Бобров, 2000, рис. на с. 77]. В связи с раскопками на поселении Танай-4 В.В. Бобров [2000, с. 78] отметил, что в полученных керамических материалах «... среди почти 10 тыс. находок нет ни одного фрагмента андроновской керамики»; при этом приблизительно равным оказывается керамический комплекс самусьской и крохалевской культур. Говорить о какой-либо стабилизации «сейминцев» по этим находкам бронзовых изделий трудно; скорее, они соответствуют «фазе передвижения».

Своеобразное положение складывается в соседней Минусинской котловине, благоприятные условия проживания в которой должны были привлекать (и, как показывает археологическая периодизация, привлекали) носителей разных культурных традиций, в том числе и сейминской. Однако изделий сейминского типа здесь известно немного (практически все они собраны в одной таблице, составленной Н.Л. Членовой [1977, рис. 5.-11–16]): один кельт, один наконечник копья, фигурка стоящей лошади на горизонтальной планке (возможно, обломанное навершие), а также два-три предмета, не поддающиеся точному определению. Уже позже три совместные находки (две из них весьма характерных форм – орнаментированный треугольниками и цепочкой «свисающих» ромбов кельт и небольшой наконечник копья с вильчатым стержнем) – клад? – были обнаружены в с. Верхняя Мульга (Курагинский район Красноярского края) [Леонтьев, 2002]. По условиям нахождения и типологическим особенностям предметов это наиболее «чистый» и, по-видимому, один из ранних комплексов изделий сейминского типа на Енисее. Судя по всему, он представляет крайнюю точку распространения, которой достигли носители сейминской традиции на северо-востоке. Далее в этом направлении подобных находок нет. Путь продвижения их сюда точно не определен, но, скорее всего, это был Ачинско-Мариинский коридор, соединяющий Кузнецкую и Минусинскую котловины. Далее распространение уже могло носить локальный характер.

Присутствие носителей сейминской традиции в Минусинской котловине, помимо отдельных находок, подтверждается и некоторыми изобразительными материалами. В свое время Н.Л. Членовой [1977, с. 106] было высказано предположение о том, что «...окуневской культуре, родственной по керамике и скульптуре с культурами типа Ростовки и Самусь-IV, свойственны бронзы сейминско-турбинского типа, но в силу

особенностей погребального обряда их не клали в могилы». В дальнейшем эта точка зрения никак не подтвердилась, но и не была опровергнута. Между тем уже давно обращает на себя внимание, что на одном из самых известных изображений окуневской культуры на плите из могильника Черновая-VIII (так называемое божество с копьями) показаны наконечники копий, по своим очертаниям более всего напоминающие сейминские [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. ЛП.-114; рис. на обложке]. В характерной сейминско-турбинской изобразительной традиции выполнена фигурка стоящей лошади на плите с изображением эпохи бронзы, использованной в погребении тесинского этапа могильника Есино-III [Савинов, 2000, рис. 1]. Следует отметить, что именно из этих мест (Бейское, Усть-Есь) происходят наиболее характерные из названных выше бронзовых изделий сейминского типа.

Указанные области – Северный Алтай, Барабинская лесостепь, Кузнецкая и Минусинская котловины с прилегающими более северными районами – можно связать под одним общим наименованием: северный путь распространения изделий сейминского типа, где процессы стабилизации, хотя и не в полной мере, более ощутимы, чем «фаза передвижения». Возможность культурной атрибуции данных находок противоречива. С одной стороны, именно в этом ареале – от Северного Алтая через Барабинскую лесостепь до Ачинска и центральной части Минусинской котловины – повсеместно, практически сплошной полосой, распространены памятники андроновской (федоровской) культуры, что может быть использовано как основание для соотнесения с ними бронзовых изделий сейминского типа. С другой стороны, по конкретным условиям нахождения в памятниках выделенных предшествующих культур (елунинской, кротовской, самусьской, окуневской) они относятся к одному культурному горизонту «доандроновской бронзы». При этом все исследователи согласны в том, что каждая из этих культур доживает до андроновского времени, что может обеспечить преемственность передачи сейминских традиций.

Другой – южный – путь, наиболее полно исследованный Е.Е. Кузьминой, проходил от Рудного Алтая (Восточного Казахстана) через Семиречье (места нахождения Каракольских кладов) и Северо-Западную Монголию в сторону Восточного Туркестана и западных провинций Китая. Именно с этим путем, в первую очередь, должна быть связана трансляция важнейших культурных достижений эпохи (колесница, коневодство, металлургия бронзы), сыгравших столь значительную роль в древней истории Китая. Характерных бронзовых изделий сейминского типа (наконечников копий, орнаментированных кельтов, ножей и кинжалов с фигуративными навершиями) на южном пути не обнаружено, но на другом конце этой «цепочки», в Китае, в провинции Циньхай и на поселении Шэньяна (там же) найдены типично сейминские наконечники копий с листовидной формой пера и крюком у основания втулки [Молодин, Комиссаров, 2004, рис. 1.-1–2]. Сам факт нахождения этих копий весьма знаменателен, так как позволяет предполагать возможность обнаружения подобных предметов как в самом Китае, так и на промежуточных участках южного пути и в дальнейшем. При этом «...как своеобразные реминисценции сейминско-турбинской традиции, – отмечают В.И. Молодин и С.А. Комиссаров [2004, с. 51], – могут восприниматься отдельные наконечники копий иньского времени из Аньяна, хотя они заметно отличаются в деталях оформления».

Свидетельством продвижения носителей сейминской традиции в этом направлении являются наскальные изображения лошадей, выполненные в характерной

сейминско-турбинской традиции – с тяжелой передней частью туловища, построенной нависающей челкой и длинным, слегка отставленным хвостом. Реже в стилистически близкой манере изображались быки и верблюды [Пяткин, Миклашевич, 1990, рис. 2]. Наибольшее количество таких изображений представлено в петроглифах Центрального и Восточного Казахстана [Самашев, 1992, рис. 26, 52, 167, 168; Новоженев, 2002, рис. 8; табл. 2.-6, 8; и др.]. Единичные рисунки известны на самой южной оконечности Горного Алтая [Шер, 1980, рис. 53]. Более представительно наличие данного изобразительного пласта в крупных местонахождениях Монгольского Алтая (Бага-Ойгур, Цагаан-Салаа и др.), «открытых» в сторону предполагаемого южного пути [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, №89, 103, 224, 346 и др.]. Среди хорошо изученных тысячных серий наскальных изображений собственно Горного Алтая, Тувы, а также Минусинской котловины (кроме упомянутого выше рисунка на плите из могильника Есино-III) таких рисунков нет. Данное обстоятельство позволяет рассматривать подобные изображения в качестве одного из индикаторов путей распространения носителей сейминской традиции [Савинов, 2007], даже при отсутствии находок соответствующих бронзовых изделий.

Не меньший интерес вызывают некоторые антропоморфные изображения, представляющие стоящие мужские фигуры, иногда парные, вооруженные длинными копьями с наконечниками копий типа сейминских [Кляшторный, Савинов, 2004, рис. 9]. В одном случае (Цаган-Гол) ниже на той же плоскости показаны фигурки лошадей, выполненные в характерном сейминско-турбинском стиле [Новгородова, 1984, рис. 50]. В отличие от большинства других антропоморфных фигур в петроглифах Монгольского и Русского Алтая [Кубарев, 2003, табл. I–IV], цаган-гольские воины изображены с детально проработанными особенностями костюма и экипировки. Показаны туго подпоясанные длинные (до колен) кафтаны, высокие мягкие (кожаные?) сапоги, к поясу сзади подвешен плавно очерченный «хвост», головные уборы – шляпы с округлым верхом, украшенные перьями. Приталенная плотно прилегающая одежда на этих воинах напоминает одеяние известного «конного лыжника» из Ростовки [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 66.-2; Ковтун, 2008, цв. вклейка]. По-видимому, таким же образом были одеты и другие персонажи из этой серии [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, №126, 185, 840, 880 и др.].

Все подобные изображения явно одновременны и показаны достаточно реалистично: или стоящими «подбоченясь» с длинным копьём в левой руке (рис. 1.-1–3); или идущими с какой-то «палкой» с подвешенным к ней круглым предметом (типа «кистень» на длинном ремне?) (рис. 1.-7–9). Одна такая фигура известна и в петроглифах Южной Тувы – Кызыл-Мажалык [Дэвлет, 1992, рис. 3]. Некоторые персонажи изображены в позе «победителя» (одна рука опущена вниз, другая поднята вверх) (рис. 1.-4–6), скорее всего, отражающей определенную мифологему (или эпический образ). Контурные приемы нанесения большинства подобных рисунков, передача вполне узнаваемого вида одежды, типов оружия и поз придают этим изображениям наибольшую историческую достоверность. К ним могут быть «привязаны» и некоторые другие антропоморфные фигуры и сюжетные композиции этого изобразительного пласта. Чисто гипотетически хотелось бы предположить, что это и есть изображения тех носителей сейминских традиций, которые продвигались на восток, по южному пути, вдоль юго-западных и южных склонов Монгольского Алтая.

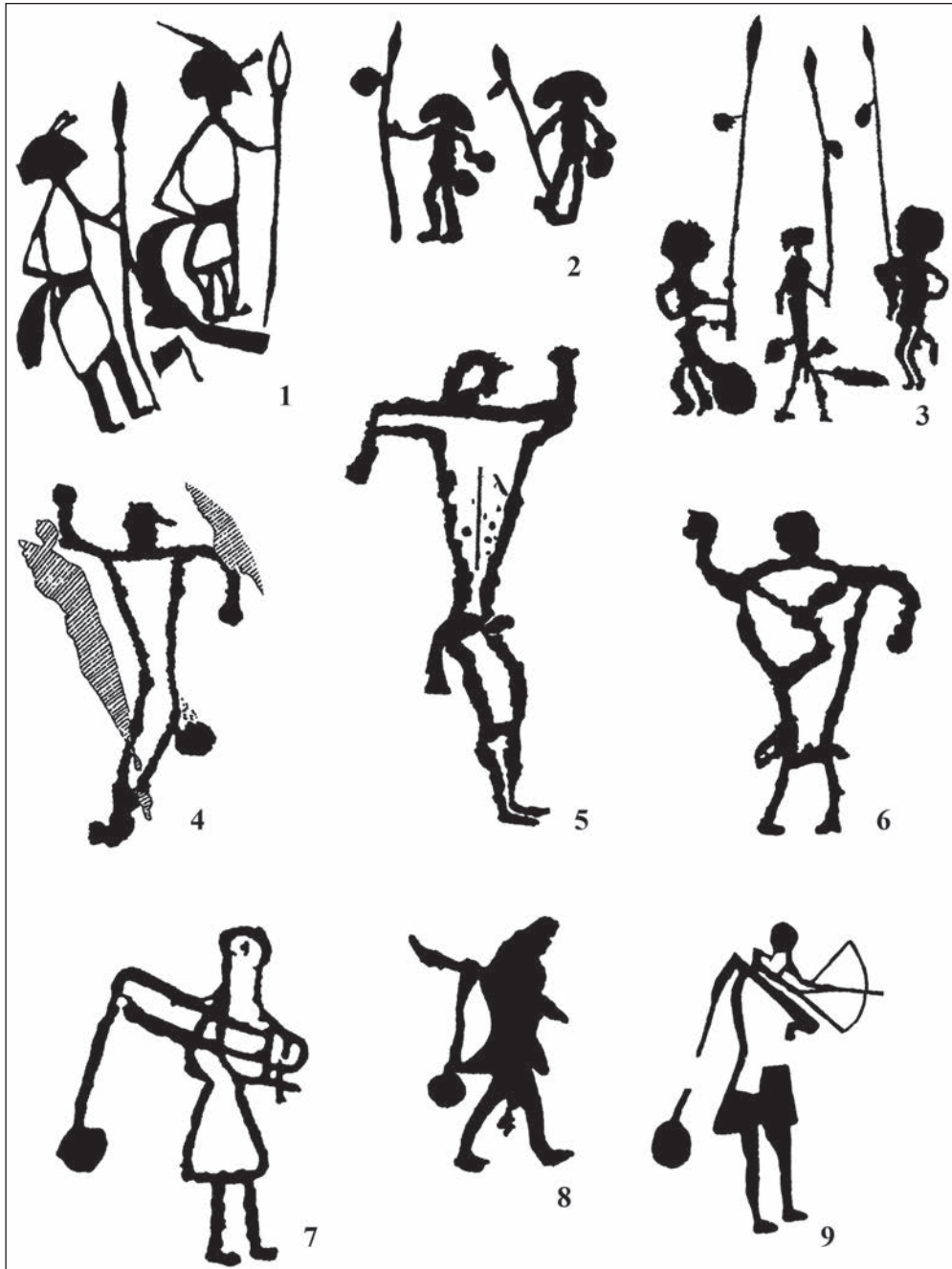

Рис. 1. Изображения предполагаемых носителей сейминской традиции в петроглифах Монголии (1, 3–8), южных районов Горного Алтая (2) и Тувы (9): 1 – Цагаан Гол (по: [Новгородова, 1989]); 2 – р. Чуя (по: [Черемисин, 1990]); 3–4 – Цагаан Гол (по: [Jacobson-Terfer, Kubarev, Tseveendorj, 2006]); 5–6, 8 – Цагаан-Салаа; 7 – Бага-Ойгур (по: [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005]); 9 – Бижигтиг-Хая (по: [Дэвлет, 1992])

Рассмотренные материалы, а количество их, наверное, можно было бы увеличить, показывают, что существовало два пути продвижения носителей сейминской традиции в восточной части Евразийских степей, условно обозначенных как северный и южный. Тот и другой начинались из первичной области формирования сейминско-турбинской металлургии (Верхнее Прииртышье, Западный Алтай и Восточный Казахстан), где имелись наиболее крупные рудные месторождения, но в дальнейшем они протекали по-разному. Северный путь – это лесостепной коридор, на протяжении которого складывается ряд зон относительной стабильности: Северный Алтай – Бараба – Кузнецкая (?) и Минусинская котловины. Продвижение и стабилизация по этой «полосе», вероятно, не были случайными, так как давали возможность носителям сейминской металлургии (а это могли быть и отдельные подвижные отряды специалистов-ремесленников) вступать в тесные контакты с населением как более южных (степных), так и более северных (лесных) территорий. Культурная принадлежность найденных там изделий сейминского типа, начиная от самусьской культуры на юге Западной Сибири до окуневской культуры Минусинской котловины, могла быть различной.

Южный путь – это предгорные области северо-запада Центральной Азии и восточные отроги Тянь-Шаня, где выделяются два основных очага стабилизации – внутренние районы Тянь-Шаня (Семиречье) и Восточный Туркестан (Синьцзян). Последняя область, как и Минусинская котловина на северном пути, вообще служила центром притяжения носителей различных культурных традиций – афанасьевской, андроновской, бегазы-дандыбаевской, карасукской [Заднепровский, 1993; Молодин, Алкин, 1997; Варенов, 1998]. Пространство между ними и далее, где пока нет подобных находок, более соответствует «фазе передвижения». Не исключено, что процессу стабилизации в этих местах препятствовали племена изучаемой А.А. Ковалевым [2007] чемурчекской культуры. Существование различных традиций эпохи бронзы в Хангае и Северо-Западной Монголии демонстрируют каменные изваяния: стилистически очень цельные и в то же время весьма специфические – чемурчекские [Ковалев, 2007, рис. 4–9] и антропоморфные стелы из святилища из Нарийн Хурумта, сопоставленные нами с изображениями мелкой пластики из Прииртышья [Кляшторный, Савинов, 2004, рис. 4–7].

Между этими двумя «путями» – северным и южным – не было и вряд ли вообще были возможны какие-либо осязаемые связи. Там, в горностепных массивах севера Центральной Азии, до сих пор неизвестны изделия сейминского типа, нет там и памятников андроновской культуры. Их нет, как уже говорилось, в Горном Алтае, нет в Туве, Северной Монголии и Забайкалье. В этих обширных, преимущественно горных областях, которые по каким-то причинам обходили как сейминские металлурги, так и носители андроновской культуры, в это время складывается особый – «третий» – мир культур эпохи бронзы [Савинов, 1993]. Возможно, уже тогда или в недалеком будущем там образуется так называемая культура херексуров и «оленных» камней, создатели которой пользовались уже не сейминскими, а карасукскими бронзами.

Отдельные случаи нахождения андроновской керамики в Восточном Туркестане [Молодин, Комиссаров, 2004, рис. 2], по своему происхождению явно не связанной с андроновской культурой Сибири, а также бронзовых изделий андроновского типа [Хаврин, 1992; Бехтер, Хаврин, 2002, рис. 1; Кузьмина, 1994, рис. 54; 2010, рис. 48, 49, 52; и др.] дают возможность предполагать присутствие там «андроновцев», среди

которых могли быть и носители сейминской традиции. Находки практически одинаковых золотых височных колец андроновского типа с фигурками лошадей, выполненных в сейминском стиле: одна из погребения со стелой в с. Чесноково (Северо-Западный Алтай), другая в андроновском могильнике Мыншункур (Семиречье), т.е. на трассе предполагаемого южного пути [Ковтун, 2005, рис. IV.-8–9; Кузьмина, 2010, рис. 18.-11, 13], – наиболее убедительное доказательство этого предположения. Однако с каким этапом развития андроновской культуры (или культурной общности) связаны эти находки, сказать трудно.

Говоря о возможной культурной атрибуции изделий сейминского типа на позднем этапе их развития в Западной Сибири, уместно привести мнение О.Н. Корочковой, высказанное в связи с замечательными находками на берегу Шайтанского озера близ г. Екатеринбурга: «Функционирование данного памятника было связано с культовой практикой населения коптяковской культуры (2-я половина II тыс. до н.э.) горно-лесного Зауралья, в том числе металлургов и кузнецов, наследовавших традиции сейминско-турбинской металлообработки, с одной стороны, и воспринявших многие достижения мастеров петровско-алакульского очага – с другой» [Корочкова, Стефанов, 2010, с. 129]. То же самое можно сказать о многих так называемых андронидных культурах, с представителями которых столкнулись носители сейминско-турбинских традиций на этапе формирования этих культур.

Дальнейшая судьба сейминских бронзовых изделий в более восточных областях сложилась по-разному. На севере Центральной Азии они полностью вытесняются карасукскими бронзами, очевидно, не имеющими с сейминскими ничего общего [Парцингер, 2000, с. 74]. На Северном Алтае в это время продолжают существовать несколько видоизмененные в пропорциях типично сейминские наконечники копий и дротиков [Савинов, 1975, рис. 2.-5–6, 15]. По периодизации сейминско-турбинских древностей Алтая, они относятся к этапу поздней бронзы или даже переходного времени [Грушин и др., 2009, с. 96–97, рис. 10.-2–3; 11.-5–6]. В Китае подобной формы наконечники копий с длинной втулкой и уменьшенным оперением доживают до эпохи Западное Чжоу [Комиссаров, 1988, рис. 51–53]. В Юго-Западной Туве, в относительно изолированном до сих пор Монгун-Тайгинском районе, найден уникальный бронзовый кинжал раннескифского времени с перекрестием-«усиками» (типа аржанских) и с навершием в виде идущих друг за другом животных, как на классическом навершии ножа из Сейминского могильника [Чугунов, 1977, рис. 1]. Также до сакского времени, через периоды, соответствующие андроновской и карасукской культурам, сохраняются основные стилистические особенности наскальных изображений сейминско-турбинской изобразительной традиции [Савинов, 2007, рис. 1–3]. Какие скрытые процессы культурогенеза стоят за этими совпадениями – можно только догадываться.

Библиографический список

Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 172 с.

Бехтер А.Б., Хаврин С.В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 73–78.

Бобров В.В. Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 76–79.

Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Саратов; СПб.: Б.и., 1995. С. 18–29.

Варенов А.В. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1998. №3. С. 60–72.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.Б., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.

Гришин Ю.С., Тихонов Б.Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 208 с. (МИА. №90).

Грушин С.П. Проблема изучения сейминско-турбинского феномена на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд. Омск. ун-та, 2000. С. 37–38.

Грушин С.П. Бронзовый век Алтая: генезис сейминского турбинского комплекса // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2008. Т. 1. С. 392–395.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.

Дэвлет М.А. Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 29–43.

Заднепровский Ю.А. Культурные связи населения эпох бронзы и раннего железа Южной Сибири и Сынцзяна // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб.: Б.и., 1993. С. 99–103.

Кирюшин Ю.Ф. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культуры ранней бронзы в Западной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. К 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд. ИИМК РАН, 1992. С. 66–69.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 45–53.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Святылище Нарийн Хурумта: древние европеоиды в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №3. С. 88–97.

Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен (статья 1999 года) // А.В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 25–76.

Ковтун И.В. Скульптурная группа из Ростовки // Археология Южной Сибири: сб. науч. тр. к 60-летию со дня рождения В.В. Боброва. Кемерово: РИА КемГУ, 2005. Вып. 23. С. 52–58.

Ковтун И.В. Древнейшие скульптурные изображения лошадиных «причесок» в Северной и Центральной Азии // Тропой тысячелетий: сб. науч. тр., посвящ. юбилею М.А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 139–144. (Труды САИПИ. Вып. IV).

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения Древнего Китая: эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.П. Культовый памятник на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // Российская археология. 2010. №4. С. 120–129.

Косарев М.Ф. Среднеобский центр турбино-сейминской металлургии // Советская археология. 1963. №4. С. 20–26.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.

Кубарев В.Л. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. 2003. №11. С. 23–35.

Кубарев В.Л., Цэвээндорж Л., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бога-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 639 с.

Кузьмина Е.Е. Об аньянской линии синхронизации сибирских бронз // Из истории Сибири. 1973. Вып. 7. С. 31–39.

Кузьмина Е.Е. Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности // Северная Евразия от древности до средневековья. К 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд. ИИМК РАН, 1992. С. 43–45.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М.: Вост. лит., 1994. 461 с.

Кузьмина Е.А. Предыстория Великого шелкового пути. Диалог культур Европа – Азия. М.: УРСС–КомКнига, 2010. 240 с.

Леонтьев С.Н. К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. 1. С. 181–183.

Матющенко В.И. Среднеиртышский центр производства сейминско-турбинских бронз // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 22–36.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка близ Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 132 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 96–109.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 4–16.

Молодин В.И., Алкин С.В. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск: Изд. НГУ, 1997. С. 35–38.

Молодин В.И., Комиссаров С.А. Памятники бронзового века северо-западного Китая (в контексте внешних контактов) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2004. С. 50–65.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №3. С. 58–71.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

Новоженков В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы: Министерство образования и науки Республики Казахстан, Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. 125 с.

Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 66–75.

Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, 1990. С. 146–153.

Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 94–100.

Савинов Д.Г. О «третьем мире» культур эпохи бронзы (Центральная Азия) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 107–109.

Савинов Д.Г. Антропоморфная фигура на каменной плите из могильника Есино-III // Мирозрение. Археология. Ритуал. Культура (МАРК). К 60-летию со дня рождения М.Л. Подольского. СПб.: Мир книги, 2000. С. 119–125.

Савинов Д.Г. Сейминская изобразительная традиция в петроглифах Южной Сибири и Казахстана // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию со дня рождения Т.М. Потемкиной. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. С. 98–103.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.

Серигов Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьмина С.В., Стефанов В.И. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: Изд. ИА РАН, 2008. Т. I. С. 341–346.

Хаврин С.В. Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая // Северная Евразия от древности до средневековья. К 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд. ИИМК РАН, 1992. С. 66–69.

Черемисин Д.В. Петроглифы устья р. Чуй (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Изд. ИА АН СССР, 1990. С. 162–165.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 285 с. (МИА №88).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Членова Н.Д. Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами? // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 96–112.

Чугунов К.В. Находка кинжала раннескифской эпохи из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб.: Изд. ИИМК РАН, 1997. С. 81–86

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Jacobson-Tepfer E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du nord-ouest haut Tsagaan Gol. P.: De Boccard, 2006. 444 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; Fasc. 7).

D.G. Savinov

TWO WAYS OF SPREADING BRONZE PRODUCTS OF THE SEYMA TYPE EASTWARDS

The study of the Seyma-Turbino culture covers many aspects. One of those features is the spread eastward of bronze items originally formed in Seyma-Turbino metallurgy; as a result such findings can be found in the enormous territories of Central Asia and Siberia. According to most researchers the following three important cultural innovations – wheeled transport, horse breeding and metallurgy emerged in Ancient China due to this fact. Specific bronze items, as well as petroglyphs, are the evidence of the Seyma traditions spreading eastwards. The most meaningful of these drawings are the representations of horses with a heavy fore-part of the body, cut overhung forelock and a long slightly stuck out tail which were made according to the Seyma-Turbino traditional style. The representations of bulls and camels are made in a similar style, but are not as widely spread. The petroglyphs of Central and Eastern Kazakhstan are known to have many of such representations. They are also characteristic of other regions.

The article gives a wide range of opinions on forming, developing and spreading the Seyma-Turbino traditions which are considered to be a vivid culture-historical phenomenon of the Ancient times.

Keywords: the Bronze Age, Seyma-Turbino metallurgy, bronze casting, tradition, culture, migration, the Volga-Ural area, Altai, Barabinsk forest steppe, the Kuznetsk basin, Priirtyshye (territories adjacent to the middle and lower reaches of the Irtysh), culture genesis, Rostovka, Samus-IV, petroglyphs, figurines, spear points, socketed axes, knives.

УДК 903.27

И.В. Ковтун, А.Г. Марочкин

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово, Россия

ЛОДКА И ПЯТНАДЦАТЬ «ПАССАЖИРОВ»

При исследовании местонахождения Долгая-1, расположенного над основным комплексом Новоромановской писаницы, под культурным слоем на откопанной вертикальной плоскости скального массива было обнаружено изображение лодки с размещенными в ней пятнадцатью «пассажирами». Время создания обнаруженного рисунка, по планиграфии и стратиграфии комплекса, определяется сейминско-турбинским периодом, т.е. не позднее XVII–XV вв. до н.э.

Лодка с «пассажирами», выбитая на автономном от Новоромановской писаницы фризе, на ближайшей к реке периферии стоянки Долгая-1 представляется аллегорическим и функциональным мифокалендарным символом. Сочетание ритуального и утилитарного начала в этом образе новоромановской лодки и ее антропоморфных «пассажиров» представляется уникальным свидетельством генерации мифологического представления, основанного на реальных календарных и гидроклиматических закономерностях.

Ключевые слова: Нижнетомский очаг наскального искусства, Новоромановская писаница, стоянка Долгая-1, изображение лодки, археологическая датировка, реконструкция мировоззрения, мифокалендарная символика.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-02

При исследовании местонахождения Долгая-1, расположенного непосредственно над основным комплексом Новоромановской писаницы, под культурным слоем на откопанной вертикальной плоскости скального массива обнаружилось изображение лодки с размещенными в ней пятнадцатью «пассажирами» (табл. 1–3).

Табл. 1. Скальный фриз со стилизованным изображением лодки с пятнадцатью «пассажирами» (прорисовка)

Особое значение приобретает соотношение этого автономного от писаницы фриза с изображением со стратиграфией и планиграфией разновременных и разнокультурных материалов Долгой-1. Особенности их залегания в слое, стратиграфия, а также хронология по ^{14}C при последовательном рассмотрении позволяют сделать следующие выводы:

Табл. 2. Скальный фриз со стилизованным изображением лодки с пятнадцатью «пассажирами» (микалентная копия)

Табл. 3. Скальный фриз со стилизованным изображением лодки с пятнадцатью «пассажирами» (фото, крупный план)

1. Малочисленные фрагменты развитого неолита (изылинский тип) располагаются стратиграфически не «*in situ*» и хронологическим маркером являться не могут.

Распределение неолитической керамики на площади 20 м² с условным центром, соотносящимся с местонахождением фриза с изображением лодки, диссонирует со стратиграфическим месторасположением более поздних культурных комплексов: поздний неолит–энеолит (кипринско-ирбинско-новокусовский), переходного времени от ранней к развитой бронзе (крохалевская культура), развитой (гребенчато-ямочный комплекс) и поздней бронзы (ирменная культура).

На указанном участке фрагменты неолитической изылинской керамики встречались стратиграфически выше всех перечисленных культурно-хронологических комплексов.

2. На участке 2 м² с условным центром, соотносящимся с местонахождением фриза с изображением лодки, зафиксированы фрагменты:

а) трех сосудов кипринско-ирбинско-новокусовского культурного массива (поздний неолит–энеолит, конец V – начало IV тыс. до н.э.); один из этих сосудов датирован по ¹⁴C 4350–3750 гг. до н.э. или последней третью V – 1-й четвертью IV тыс. до н.э.;

б) одного сосуда игрековского типа (поздний неолит – энеолит, конец V – начало IV тыс. до н.э.);

в) нескольких сосудов крохалевской культуры (конец III – 1-я четверть II тыс. до н.э.);

г) нескольких сосудов с гребенчато-ямочной орнаментацией (развитая бронза);

д) нескольких сосудов ирменной культуры (поздняя бронза).

3. Непосредственно над фризом с изображением, ориентировочно в радиусе не менее 0,5 м, никаких керамических фрагментов не обнаружено (исключение – фрагмент изылинской неолитической керамики, лежавшей в 0,2–0,3 м к западу от фриза, стратиграфически выше фрагментов с гребенчато-ямочной орнаментацией, т.е. не «*in situ*»).

4. Керамика эпохи позднего неолита–энеолита залегала двумя локальными компактными скоплениями, «обтекающими» фриз с южной и северной стороны, стратиграфически почти повторяя профиль рельефа понижающейся скальной поверхности, до 0,15 м над ней. Это отражает процесс археологизации данных материалов, не связанных с областью изображения на фризе, но одновременно своим месторасположением удостоверяющих открытость данной скальной плоскости в период позднего неолита–энеолита.

5. Таким образом, теоретически рисунок лодки мог быть нанесен в эпоху бытования на Долгой-1 кипринско-ирбинско-новокусовского и игрековского комплексов (конец V – начало IV тыс. до н.э.), представляющихся вероятностным *terminus post quem* этого наскального изображения.

6. Покрытие фриза культурным слоем и его задерновка, археологически удостоверяется комплексом гребенчато-ямочной керамики, распространяющейся адекватно общему уклону скальной поверхности, равномерно и без провалов, включая область «ступеньки», образованной фризом с изображением. Западнее фриза, крохалевский и гребенчато-ямочный комплексы имеют адекватное стратиграфическое соотношение, при котором ложнотекстильная крохалевская керамика предшествует гребенчато-ямочной, залегая ниже нее.

7. В области, примыкающей к фризу, фрагменты с гребенчато-ямочной и ложнотекстильной орнаментацией зафиксированы уже на одном уровне, а восточнее фриза – с изображением лодки, один крохалевский фрагмент обнаружен даже стратиграфически выше. Такое распределение не позволяет считать крохалевский комплекс памятника

объективным репером *terminus anti quem* перекрытия изображения лодки, данным общим слоем. Поэтому, учитывая случаи перекрытия крохалевской керамики гребенчато-ямочной и связь процесса задерновки фриза с последней, вероятная верхняя дата изображения синхронна ложнотекстильному крохалевскому комплексу. Он предшествует в целом гребенчато-ямочной керамике, с отложением которой совпадает образование на месте фриза древней поверхности, скрывающей выход этой скальной плоскости.

Все это полностью исключает возможность создания данного изображения позднее середины II тыс. до н.э., а скорее всего, позднее XVII в. до н.э. Такая датировка обусловлена датой по ^{14}C нагара на крохалевском сосуде с Долгой-1 – 2200–1600 гг. до н.э. ($2 \Sigma - 95,4\%$) или 2030–1750 гг. до н.э. ($1 \Sigma - 68,2\%$).

Полагаем, что с этим же сейминско-турбинским периодом, представленным в кузнецком Нижнем Притомье крохалевскими древностями, связано и создание рассматриваемого изображения на скальном фризе Долгой-1. Такая датировка удостоверяется реконструируемой причастностью данного изображения к расположенному в 4 м к запад-северо-западу от фриза с изображением каменному ящику-кенотафу. Ящик впущен в культурный слой и «прорезает» все горизонты до ирбинского. Поэтому нижняя дата его создания близка крохалевскому периоду, поскольку плиты устанавливались («втыкались») в древнюю поверхность и не вкапывались глубоко ввиду своей незначительной величины.

Как уже отмечалось, экспонированная строго на восток «лицевая» стенка ящика нарушает прямоугольность его конструкции, ориентированной длинной осью с востока-юго-востока на запад-северо-запад. Также на восток экспонирован и найденный под слоем фриз с изображением лодки (табл. 4). Этим удостоверяется значимость общего ориентира рисунка и восточной стенки символического захоронения на восход солнца, что позволяет предполагать их хронологическую синхронность.

Табл. 4. Скальный фриз со стилизованным изображением лодки с пятнадцатью «пассажирами» (фото с востока, ориентация плоскости)

Лодка с «пассажирами», выбитая на автономном от Новоромановской писанице фризе, связанным с ближайшей к реке периферией стоянки Долгая-1, представляется аллегорическим, но функциональным мифокалендарным символом. Характер транспортного средства указывает на водный символизм, а число «перевозимых» им антропоморфных фигур – на количественные признаки объекта с подобной символизацией – Луну. Примечательны, казалось бы, далекие от Нижнего Притомья вавилонско/ведийские параллели, отразившиеся и в сибирском шаманизме (см. выше). Вавилонский Бог Луны Син правил водами и уподоблялся лодке: «Когда ты плывешь, как лодка, по водам... чистая река Ефрат наполняется водой до краев...» [Элиаде, 1999, с. 158]. В Ригведе луна также описывается как объект, движущийся по водной стихии:

Месяц в глубине вод:

Прекраснокрылый мчится по небу.

[Ригведа, I. 105. 1]

Пятнадцать – это число дней середины лунного, синодического месяца, составляющего около 29,5 суток. Но поскольку во время новолуния Луна не видна около 1,5 суток, продолжительность ее видимости составляет 28 суток или четыре недели, соответствующие первой четверти, полнолунию, последней четверти и новолунию [Селешников, 1970, с. 166; Климишин, 1985, с. 34, 40]. Например, у кетов считалось, что «...родившийся месяц начинал свой путь низко над землей и каждый вечер поднимался все выше. За первые семь дней он достигал второго круга (мыса) неба, а на *четырнадцатый оказывался на месте своего жительства* – четвертом круге... На втором круге он выглядел уже в виде полукруга, а четвертого достигал круглым. *Пятнадцатый день, считалось, месяц проводил у себя дома*, отдыхал (на земле в этот день должно наступить потепление), а затем начинал обратный спуск, постепенно убавляясь. На двадцать восьмой день он становился почти невидимым... В вариантах пребывания месяца у невесток объяснили три темные ночи в конце месяца» [Алексеев, 1976, с. 83].

Итак, число «пассажиров» лодки с фриза Долгой-1 могло означать середину лунного месяца, т.е. полнолуние. Полнолунию у многих индоевропейских и неиндоевропейских народов придавалось особое значение. Ночь полнолуния у ведийских ариев именовалась «первой достойной жертв» как наиболее благоприятная для такого ритуала:

Полная сзади, а также полная спереди,

(Полная) со середины победила ночь полнолуния.

Живя в ней вместе с богами, с величием,

Пусть наслаждаемся мы подкреплением на спине неба!

Мощному быку полнолуния

Мы приносим жертвы.

Пусть он даст нам непреходящее,

Неисчерпаемое богатство!

...

Ночь полнолуния была первой достойной жертв

Из дней и ночей во время (обрядов), что длиннее ночи.

Кто тебя услаждает жертвами, о достойная жертв,

Те творцы благих деяний отправились на твой небосвод.

[Атхарваведа (Шаунака), VII. 85. 1, 2, 4]

У манси, в культуре которых установлены заимствованные собственно индоарийские архаизмы [Ковтун, 2013, с. 59 и др.], жертвенные покрывала – ялпын, с изображением Мир-сусне-хума (реже его матери Калтащ-эквы или Калтась-ими у хантов, а также «невесты»), одновременно олицетворявшем «седло бога» и его «коня», начинали делать «когда полмесяца», а заканчивали – «когда полная луна» [Гемуев, 1990, с. 35–37]. По записям В.Н. Чернецова о представлениях манси: «В подземном мире луна бывает лишь вполовину, полнолуния там не бывает» [Источники..., 1987, с. 152]. Иначе говоря, полнолунием олицетворялся апогей жизненного цикла, которого в потустороннем мире быть не может. Связь растущей луны с плодородием зафиксирована в представлениях и индоевропейских, и неиндоевропейских народов [Элиаде, 1999, с. 162–163].

Еще одна поздневедийская параллель ассоциирует полнолуние не только с «пассажирами» – пятнадцатью днями до середины лунного месяца, но и с самой лодкой, шестнадцатым объектом – неизменной лунной субстанцией, обуславливающей возникновение жизненного начала: «Этот Праджапати – год, [он состоит] из шестнадцати частей. Его ночи – пятнадцать частей, неизменна его шестнадцатая часть. Благодаря ночам он и растет, и уменьшается. В ночь полнолуния он проникает этой шестнадцатой частью во все, что одушевленно, и рождается на следующее утро...»

«Праджапати из шестнадцати частей. Его имущество – пятнадцать частей, Атман – его шестнадцатая часть. Благодаря имуществу он растет и уменьшается. Этот Атман – ступица колеса – имущество – обод колеса» [Брихадараньяка Упанишада, I. 5. 14, 15].

По мнению А.Я. Сыркина [1992, с. 174], «Праджапати ассоциируется здесь с лунной, которую древнеиндийская традиция также делила на 16 частей. Возрастание и уменьшение его соответственно связано с ростом и убыванием диска луны в течение двух половин лунного месяца – единицы древнеиндийского времячисления». М. Элиаде [1999, с. 174] видит в этом следы собственно индийской восьмиричной системы.

Вышеприведенные ведийские параллели, предположительно, могут восходить к мировоззренческим архаизмам, олицетворяемым рисунком лодки с пятнадцатью антропоморфными персонажами. Но у мифологического представления о луне, полнолунии и лунных циклах, воплощенных в этом изображении, по нашему мнению, относящемуся к финалу III – I-й трети II тыс. до н.э., могла быть и утилитарная подоплека.

Циклические колебания стока рек Северной Азии имеют различную временную продолжительность. При этом одну группу западно- и восточносибирских рек характеризует длительность цикла, кратного числу плывущих в лодке персонажей: «Основными чертами внутризональных колебаний стока рек профиля 4 является четко выраженная смена фаз на западе и востоке. Если, вообще говоря, в первой половине 30-летнего периода на реках западной части этого профиля (Исеть, Омь, Кия) наблюдалась маловодная фаза, а во второй половине – многоводная, то на реках восточной части (Бирюса, Илим, Витим) наоборот» [Кузин, 1970, с. 64].

Согласно другому сравнительно-корреляционному исследованию, стоку южносибирских рек свойственны в основном 10–12 и 14–15-летние циклическости. И именно для Томи, а равно для Тубы, Енисея (кроме района Базаихи), Подкаменной Тунгуски, Витима и левобережных притоков Ангары характерны 14–15-летние циклы [Синюкович, 1999, с. 95].

Это означает максимум половодья на 14–15-й год цикла, при котором вода в Томи во время весеннего паводка полностью затопливала плоскости Новоромановской пи-

саницы, достигая крайней периферии Долгой-1 и доходя почти до уровня площадки с фризом с изображением лодки и ее «пассажиров». Именно такая ситуация зафиксирована здесь 9 мая 2013 г. (табл. 5), впервые за время спорадических наблюдений над разливом вешних вод в этих местах с 1990 до 2004 г. и с периодическим отслеживанием уровня половодий Томи с 2005 г. до настоящего времени.

Табл. 5. Максимум половодья в мае 2013 г. на Новоромановской писанице, отмеченный следами прибойной волны на отвале с «мягкой» землей на уровне расположения фриза с рисунком

Этим удостоверяется функциональность древнего изображения, нанесенного на скальной плоскости, расположенной на границе уровня максимального разлива весеннего половодья каждый 14–15-й год 30-летнего цикла. Именно такая амплитудная величина совпадает с числом антропоморфных субъектов в лодке, одновременно соответствуя и числу дней середины лунного месяца, на которую приходится период полнолуния. Учитывая широкий круг представлений о влиянии луны и полнолуния, как максимальной циклической фазы, на небесные и земные воды [Элиаде, 1999, с. 158–160 и др.], отмеченное сходжение представляется не случайным. Смысловая симметрия между наступающим на пятнадцатый лунный день полнолунием и максимально высоким уровнем паводка р. Томи, приходящимся на 14–15-е годы цикла, соотносится как тридцать дней (29,5 суток) лунного месяца и 30 лет циклического периода колебания речного стока.

Сочетание ритуального и утилитарного начала в этом образе новоромановской лодки и ее антропоморфных «пассажиров» представляется уникальным свидетельством генерации мифологического представления, основанного на реальных календарных и гидроклиматических закономерностях.

Небезынтересно, что ведийский год богов – это тоже тридцатилетний период, но уже в жизни человека, приносящего две жертвы: в новолуние и полнолуние. За первые пятнадцать лет он получает триста шестьдесят ночей, а за следующие пятнадцать – еще и триста шестьдесят дней ($2 \times 12 \times 15 = 360$) (см. по: [Satapatha-Brahmana, XI. 1. 2. 10, 11, 12]).

Библиографический список

- Алексеев Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 262 с.
- Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. / пер., введ., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2005. Т. I, кн. I–VII. 573 с.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы. I–IV. Приложения. М.: Наука, 1989. С. 544–757.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
- Климишин И.А. Календарь и хронология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1985. 320 с.
- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Кузин П.С. Циклические колебания стока рек Северного полушария. Л.: Гидрометеорологическое изд-во, 1970. 179 с.
- Селешников С.И. История календаря и хронология. М.: Наука, 1970. 224 с.
- Синюкович В.Н. Характер и природа синхронных колебаний стока рек юга Сибири // География и природные ресурсы. 1999. № 3. С. 91–97.
- Сыркин А.Я. Комментарии // Упанишады: в 3-х кн. Кн. 1: Брихадараньяка Упанишада. М.: Наука; Ладомир, 1992. С. 161–226.
- Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
- Упанишады: в 3-х кн. Кн. 1: Брихадараньяка Упанишада. М.: Наука; Ладомир, 1992. 239 с.
- The Satapatha-Brahmana. According to the text of the Mādhyandina school. Translated by Julius Eggeling. Part V. Books XI, XII, XIII, and XIV // The sacred books of the east. Translated by various oriental scholars and edited by F. Max Müller. Oxford: At the clarendon press, 1900. Vol. XLIV. 596 + 8 p.

I.V. Kovtun, A.G. Marochkin

A BOAT AND FIFTEEN «PASSENGERS»

The representation of a boat with fifteen «passengers» occupying its seats was found under the occupation layer, on the excavated elevation of the rock mass while examining the site Dolgaya 1 located over the main complex of the Novoromanovo petroglyph site (*pisanitsa*). According to the planigraphy and stratigraphy of the complex this petroglyph dates to the Seyma-Turbino period, i.e. not later than the 17th–15th centuries BC.

The boat was beaten on a frieze separated from the Novoromanovo pisanitsa, on the periphery of the site Dolgaya 1 located in close proximity to the river. This representation serves as an allegoric and functional myphocalendrical symbol. The combination of ritual and utilitarian origin which is characteristic of the representation of the Novoromanovo boat with its anthropo-amorphous «passengers» is considered to be a unique evidence of the generation of mythological interpretation based on real calendar and hydro-climatic patterns.

Keywords: Nizhnetomsk area of rock art, Novoromanovo pisanitsa, site Dolgaya 1, boat representation, archaeological dating, changes of world outlook, myphocalendrical symbolic.

УДК 903.53

С.А. Яценко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

О САРМАТСКИХ ОГРАБЛЕНИЯХ СИНХРОННЫХ КУРГАНОВ*

Статья посвящена сложным вопросам выявления и анализа древних синхронных ограблений курганов с грунтовой насыпью. На примере материалов, полученных при раскопках серии сарматских памятников такого крупного региона, как бассейн реки Дон, рассматриваются зафиксированные ситуации и приводится широкий спектр имеющихся объяснений. Автор не совсем уверен в том, что все примеры разрушений в погребениях, о которых идет речь в статье, – это действительно результат специального ограбления. Но совокупность имеющихся данных делает это предположение на настоящий момент более предпочтительным. Обозначенная версия проверяется разными способами. При этом учитывается половозрастной состав людей в ограбленных могилах. Определяются возможные мотивы осуществленных проникновений в погребения. Делается вывод о том, что в кочевых обществах ситуация подобной практики могла быть иной, чем у оседлых народов. Представленный значительный по объему фактический материал позволяет привлечь внимание к дальнейшей разработке обозначенной проблемы и призвать коллег к более четкой полевой фиксации всех имеющихся моментов при исследовании разрушенных погребений.

Ключевые слова: археология, бассейн Дона, курган, ограбление, сарматская культура, могильник, разрушения, изделия, ритуальные действия, кочевые общества.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-03

В ходе раскопок исследователям постоянно приходится иметь дело со следами разрушения курганов ранних кочевников. Однако наблюдается любопытный парадокс: при, казалось бы, общей и явной заинтересованности дальше декларирования полезности специального изучения деятельности древних раскопщиков могил дело пока не идет. И не удивительно. На этом пути есть много препятствий (связанных с уровнем полевой документации, опытом конкретных археологов и их интересом к подобной проблематике). Вторичные земляные лазы зачастую фиксируются и публикуются весьма небрежно, отсутствуют их классификации; приемы разрушения (характер «работы» с костями и погребальными приношениями), следы «бытовой» деятельности предполагаемых грабителей в кургане (вероятные рабочие инструменты, следы их питания, освещения и т.п.), трупы грабителей-неудачников специально не анализируются. Дело обычно ограничивается *догадками о мотивах* разрушения кочевых курганов: осквернение врагами-иногородцами (ср., например: [Herod. Hist. IV. 127]); случайное повреждение старых могил при рытье свежих (см., например: [Хазанов, Черненко, 1979]); простая добыча материальных ценностей и даже, якобы, ритуально обставленное изъятие у «эксплуататоров» того, что накопил родовой коллектив [Гаврилова, 1996, с. 100–101]; магические действия, отмеченные этнографами (в частности, во время засухи [Яценко, 1998, с. 71]), ритуальное разрушение представителями общины трупов «особых» умерших (зловредных колдунов, людей, умерших «неправильной» смертью, и т.п.).

В последние годы некоторых российских исследователей привлекает тема предполагаемых «поспогребальных обрядов» с трупами [Флеров, 2007], «вторичных экс-

* Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ. Программа для обработки материала по данной теме была составлена в марте 2013 г. Выражаю благодарность за консультации по ряду вопросов М.Г. Мошковой (Москва), Н.Н. Крадину (Владивосток), Е.В. Вдовченкову (Ростов-на-Дону), за предоставление рукописи будущей коллективной монографии А.М. Обломскому (Москва).

гумаций» [Васильев, 2006, с. 266–273]*, «парциальных и вторичных» «погребений с нарушенной анатомической целостностью» [Зайцева, 2005]. Однако все выявленные яркие серии *возможных* примеров последних относятся не к ранним кочевникам, а к оседлым позднеантичным и раннесредневековым этносам (племена черняховской культуры [Сымонович, Кравченко, 1983], население Верхнего Дона гуннского времени [Обломский, в печати], кавказские аланы**; амурские чжурчжэни), и к изучаемым здесь комплексам выводы на основе их анализа, как увидит читатель, малоприменимы***. Разумеется, сейчас нельзя быть уверенным в том, что *все* примеры разрушений в погребениях, о которых пойдет речь ниже, – действительно результат *ограбления*. Но совокупность данных на настоящий момент делает эту версию предпочтительной****, и в дальнейшем мы попробуем проверить это предположение. Более того, именно постоянная угроза ограблений, несомненно, приводила к особым формам маскировки как могилы (небольшие размеры большинства богатых курганов, в начале позднесарматского периода – смещение основного погребения от центра или засыпание могилы грунтами в обратном порядке), так и наиболее ценных погребальных приношений (тайники в стенках или дне могилы в среднесарматское время, замаскированные под материковый грунт). Так риск ограблений стал важным фактором эволюции погребального обряда.

В ряде случаев не вполне ясно, что именно из ныне найденного забирали и что приносили с собой грабители или родственники*****. В древнеиранской традиции кур-

* У амурских чжурчжэней Ю.М. Васильев допускает пять мотивов эксгумаций: 1) ограбления; 2) раскрытие могил врагами (по разным соображениям); 3) разрушение могил новым пришлым населением; 4) вскрытие могилы с целью обезвреживания покойника; 5) наличие второго этапа погребального обряда, завершающего биографию погребенного. Безусловно, имели место и естественные гидродинамические процессы: Г.Е. Афанасьев отмечает перемещение костей в результате заполнения погребальной камеры грунтом.

** Опираясь на интересные случаи вторичного перемещения костей в одном из могильников кавказских аланов – Клин-Яр-III (правда, для однозначной трактовки всего массива разрушенных костяков как ритуального расчленения еще нет серьезных оснований [Афанасьев, 2012, с. 124–125]), В.С. Флеров предполагает, что ограбления в древних и средневековых некрополях в целом были редкостью, а хищения в могилах людей рядовых и среднего достатка вряд ли были целесообразны. Между тем уже в древнейших в мире уголовных делах на эту тему в Египте эпохи Нового Царства, судя по многочисленным протоколам допросов грабителей [Лурье, 1960, с. 220–286], группы от пяти до 15 человек проникали не только в гробницы царской фамилии, но и в могилы чиновников. Причем у грабителей были многократно конфискованы отнюдь не только драгоценные металлы, медная посуда, парадные одежды, рулоны дорогих тканей и изделия из импортной древесины, но и дешевые простыни, клубки ниток и даже долго хранящиеся сладости. Соглашаясь с мнением В.С. Флерова, что рядовые погребения в некрополях традиционных обществ обычно не подвергались *повальным ограблениям*, отметим, что таковых мы почти не встречаем и у сарматов.

*** Исключением являются ценные наблюдения А.М. Обломского. Он, отказавшись от своих прежних выводов, убедительно аргументирует, что первичны были именно ограбления, а отдельные моменты «защитных» ритуальных действий грабителей – вторичны.

**** Изредка авторы раскопок сарматских курганов допускают «ритуальное разрушение» могилы, в частности, – в случае частичной разборки верхней части скелетов и явно с изъятием при этом части сопровождающих вещей (см.: Кичкинский-I, курган №1 [Глебов, Парусимов, 2001, с. 57]; Высочино-V, курган №10-8: [Беспальи, Лукьяшко, 2008, с. 73]), но без аргументации. Однако большинство коллег в типологически сходных ситуациях разрушения никаких ритуальных действий не усматривают.

***** Так, иногда утверждается, что в могилы знати периодически спускались люди для совершения поминальных обрядов, и они там, якобы, забывали свои ритуальные атрибуты [Савинов, 1996, с. 110–111].

ган, естественно, воспринимался как вход в иной мир, и даже отдыхать на нем подчас считалось небезопасным (см. об этом в нартском эпосе осетин [Нарты, 1989, с. 260]). Вместе с тем суеверия грабителей и степень их смелости на границе мира мертвых (охраняемой, впрочем, и живыми родственниками умерших) остаются в ряде ситуаций невыясненными. Дело осложняется тем, что для успешного анализа «труда» грабителей нам *необходимы весьма точные сведения о поле и возрасте «обираемых» ими умерших* (увы, даже в отчетах и публикациях опытных полевиков, привлекающих антропологов, такую информацию бывает встретить нелегко!), не говоря уже об уточнении датировок конкретных могил и т.п.

Цель этой статьи – продемонстрировать ряд возможностей «археологии древних ограблений» на примере сравнительного анализа серии степных курганных могильников одного крупного региона. Примеры для такого сопоставления берутся на территории бассейна реки Дон (от устья до верховьев) и его притоков – территории, очень важной в истории сарматского мира, находящейся на стыке как с Боспорским царством, так и с племенами Лесостепи. Хронологический диапазон – второй этап раннесарматского периода (начало–середина II – середина I в. до н.э.), среднесарматская (2-я половина I в. до н.э. – середина II в. н.э.)^{*} и первый этап позднесарматской культуры (середина II – середина III в.). Естественно, в рамках статьи мы ограничимся лишь некой представительной выборкой в основном опубликованных материалов^{**}.

Начнем с тех могильников, по которым делались детальные антропологические определения костных остатков в поврежденных курганах, в частности – с курганов бассейна Сала и Маныча в книге Л.С. Ильюкова и М.В. Власкина [1992]^{***} и с курганов бассейна реки Иловли, раскопанных И.В. Сергацковым [2000].

Возникает вопрос: «Как отличить друг от друга следы деятельности нарушителей могил, действовавших в сарматских курганах в разные эпохи?» В целом *постсарматские* ограбления сарматских курганов Подонья могут отличаться от синхронных или почти синхронных погребений по разным критериям: более рыхлым заполнением грабительского лаза и его следам в виде впадины на поверхности кургана, оригинальными методами ограбления (так, иногда в верхнедонских могильниках Писаревка и Чертовичский-I небольшой шурф шел поперек центра могилы), по характеру оставляемых вещей и т.д. Часто ограбления именно в *древности* отмечаются самими исследователями конкретных могильников – опытными полевиками. Однако в ряде случаев вопрос о времени нарушения конкретной сарматской могилы остается неясным. Для

^{*} Мы условно поддерживаем выделение В.П. Глебовым «раннего периода среднесарматской культуры» около 2-й пол. I в. до н.э. – начала I в. н.э. и *более позднего*, в частности, в материалах могильника Новый и соседних (см., например: [Глебов, 2004]). Комплексы могильника Новый разделяются на две группы, связанные с традициями раннесарматской и среднесарматской культур. Существовали ли эти группы в разное время или это две сосуществующие, но разнокультурные группировки – не совсем ясно.

^{**} За пределами нашего внимания остаются материалы по некрополям оседлых поселений у устья Дона. Эти памятники заслуживают отдельного исследования, в том числе потому, что здесь сарматская часть населения находилась в тесном взаимодействии с носителями греко-римской и мезотской культур.

^{***} В последнее время определения возраста погребенных из могильников на Сале были несколько уточнены Е.Ф. Батиевой [2011, с. 98–104]: в ряде случаев возраст взрослых она увеличивает примерно на пять лет, что в нашем конкретном случае оказывается не принципиальным.

всех ограбленных погребений мы, увы, никогда не сможем установить это с точностью (в том числе из-за разной квалификации полевых исследователей, различной степени их внимания к следам ограблений и др.).

Далее мы хотим *проверить следующую гипотезу*. Если выяснится, что в том или ином сарматском могильнике общая картина подавляющего большинства ограблений такова, что грабители явно знали очень многое о половозрастном и социальном статусе практически каждого умершего и поэтому действовали весьма избирательно, то они были *современниками* погребальных обрядов, а небольшим процентом предполагаемых более поздних (но не выявляемых определенно) ограблений можно пренебречь. Ниже мы надеемся показать, что для подавляющего числа основной массы приведенных могильников картина явно была именно такой.

1. Половозрастное распределение ограблений и характер оставляемых грабителями вещей. Погребения и кенотафы курганов Сала и Маньча (в первую очередь, известный могильник у хут. Новый) в названной публикации имеют сквозную нумерацию, с указанием комплексов [Илюков, Власкин, 1992, с. 170, 230], которые сегодня В.П. Глебовым [2004]* практически все определяются как *среднесарматские*. Разрушение одной сарматской могилы другой известно лишь однажды (Новый, **курган №115-4**)**. Из списка 197 могил***, по Илюкову/Власкину (с учетом пяти, изъятых Глебовым), ограблено 74, т.е. 38%. *Очевидны специфичные предпочтения грабителей*. Так, ими были вскрыты *все* могилы пары женщин (4) и почти все (5 из 6) могилы 1–2 мужчины+женщина, но *все* семь могил старух уцелели, как и все три могилы старуха+ребенок (единственная могила старик+ребенок ограблена), а среди стариков доля разрушений 28% (7 из 25). Доля поврежденных могил молодых мужчин близка к половине (23 из 50), как из могил молодая женщина+ребенок (8 из 16), близка к ним и доля молодых женщин (16 из 40). Низкий процент ограблений детей (21%, 6 из 29, причем уцелели обе могилы с 2–3 детьми) понятен.

Сравним теперь, *что именно оставляли грабители в целом (неразбитом) виде* в могильниках более раннего и более позднего этапов среднесарматской культуры (на дне или в заполнении могил). Так, *только в ранних комплексах* грабители иногда не трогали оружие (не слишком парадное). Это короткие мечи (Новый, курганы №31-3; 67-4; 70-5; 97-1), три кинжала (курган №85-4 – двое мужчин и женщина), боевой нож (курган №70-5). При разрушении более поздних могил среднесарматского времени таких «промашек» никогда не допускали! Это же касается и крупных золотых вещей (вроде литой пряжки в «зверином стиле» у мужчин из ранних курганов №46-4 и 70-5); в более поздний период грабители могли позволить себе «пропустить» разве что серебряный перстенок (молодая женщина из кургана №71-1). Еще одно отличие: в комплексах позднего периода забирали все пряжки, даже самые простые (исключение – молодой

* Исключение – курганы №80-3 и 121-3 в Новом. Напротив, из списка ранне- и среднесарматских у Илюкова/Власкина Глебовым исключены курганы №19-1, 20-2, 60-2 в Новом, курганы №7-3 и 8-1 в Арбузовском.

** Здесь и далее для краткости мы используем сокращения в следующем виде: в Высочино, «гр. V, кург. 10-12» означает «курганная группа V, курган №10, погребение 12».

*** В этой серии из одиночных могил 50 молодых мужчин, 40 молодых женщин, 35 детей, 25 стариков и 7 старух. Поскольку средняя продолжительность жизни сарматов обоих полов на Сале-Маньче колебалась в пределах 31–33 лет [Багиева, 2011, с. 38], то мы *условно* называем лиц *моложе* 30 с небольшим лет «молодыми», а тех, кто жил *дольше* этой нормы – «стариками».

мужчина из кургана №125-1); напротив, в могилах предшествующего периода грабители многократно «забывали» разные пряжки (из золота, серебра, бронзы и железа). В могилах *обоих этапов* грабители иногда оставляли целыми упряжь (просто оформленную), сероглиняный гончарный кувшин, лепной горшок, курильницу, деревянную чашу (подчас с металлическими деталями, у обоих полов), нож (у обоих полов), оселок (у мужчин) или терочник (у женщин). Однако в *поздних* могилах непрошенные визитеры оставляли много и другой разнотипной нетронутой посуды (неоднократно у женщин – канфары, миски и алебастровые сосудики, у мужчины из кургана №6-2 в Московском-I – серолощенная кружка).

Обратимся теперь к ряду могильников ранней *позднесарматской* культуры в том же районе. В могильнике Терновский-II [Ильюков, Власин, 1992, с. 258–261] среди таких могил примерно поровну мужских и женских (*только моложе 35 лет*), ограблено 50% из них. Там уцелели лишь курильница и пряслице (у молодой дамы) и серолощенный кувшинчик. В некрополях Кировский-I и III, Кирсановский-IV на левобережье Сала [Ильюков, 2000] представлены примерно поровну *только старые* мужчины и женщины (!), и доля ограбленных могил там около 43%. Однако при этом почти все находки нетронутых вещей касаются лишь *мужских* могил (меч, удила, серп, керамические горшок и курильница), в то время как женские ограблены гораздо основательнее (в одной из них найден лишь терочник на заплечиках). В могильнике Кичкинский-I на речке Амта [Глебов, Парусимов, 2001], с нетипичным для того времени господством вещей северокавказского производства, ограблено 60% могил (женских среди них – всего 20%!), причем разорены (весьма осторожно и выборочно) обе могилы мужчин в сопровождении двух детей каждый. Оставленные целыми вещи довольно многочисленные, но они по какой-то причине не имели для грабителей особой материальной ценности (сероглиняная миска, а также кинжал, копье, удила, несколько железных пряжек (из-за коррозии металла?) у мужчин; зеркальце, пряжка-сюльгама и игольник с иглой у женщины). В относящемся к *финальной* стадии позднесарматской культуры могильнике Козинка-VIII на правобережье Маныча [Безуглов, Глебов, 2001] в мужских могилах грабители оставляли только *пряжки* (в кургане №15-1 она была полусеребряной, со стеклянными вставками).

Следующий район, привлекающий наше внимание, – *большая излучина Дона*, у его сближения с Волгой, в первую очередь, – хорошо документированные антропологами материалы раскопок И.В. Сергацкова [2000] **на р. Иловля**. Там представлены могилы трех периодов. В *раннесарматской* серии ограблено всего 19% умерших, примерно поровну обоих полов. Выясняется, что *грабители при этом никогда не трогали могилы некоторых половозрастных категорий умерших* (притом, что внешне и по конструкции их курганные насыпи практически не отличались). Не разрушались могилы старух (шесть, в том числе две могилы с младенцем или молодым мужчиной), стариков (три), молодых женщин с детьми (три), подростков (две) и, наконец, собственно детей (десять). В *среднесарматской* группе, напротив, очень высок процент ограблений (81%, 25 из 31 могилы)*. Грабили поровну (по 12 могил) взрослых мужчин и женщин, но при этом среди уцелевших нет ни одного мужского. Грабились все могилы старых мужчин (7), а среди старых женщин таких была лишь половина; не трога-

* Одну из детских могил (Желтухин, курган №1-2) предлагается датировать не средне-, а раннесарматским временем [Гугуев, Глебов, 2002, с. 95–96].

ли детские погребения. Иными словами, грабителями отдавалось явное предпочтение могилам старых мужчин. *Позднесарматская* группа отличается полным отсутствием детских захоронений и высокой долей могил старых мужчин (12 из 26, половина из них ограблена). Здесь доля нарушенных могил в целом – 58%, причем чаще всего грабили женские (75%).

Очень интересен небольшой могильник Аксай-I на р. Есауловский Аксай [Дьяченко и др., 1999]. Там изучены 10 сарматских могил (четыре среднесарматских и шесть позднесарматских). Однако если *все* среднесарматские могилы были нетронутыми, то *все* более поздние могилы разграблены!

Рассмотрим, что именно оставляли грабители в могилах разных периодов. Интересной особенностью данного района в разные периоды было то, что часто оставляли нетронутой один из углов погребения или даже половину его. Естественно, в таких случаях список нетронутых артефактов резко возрастает*. При этом все три периода на месте иногда оставляли бронзовый котелок**. Если исключить эти интересные случаи, то при «обычных» ограблениях картина будет следующей. В *раннесарматских* погребениях (притом, что доля их ограбления низкая) брали или разрушали практически все. В *среднесарматской* серии список оставленных целыми вещей, напротив, достаточно велик. В женских и предполагаемых парных могилах грабители неоднократно оставляли изделия из драгоценных металлов***. Кувшин и пряжки встречены у обоих полов. У женщин документируется лепной кувшинчик (Барановка-I, курган №18), у мужчин – фибула. Простые ножи, однако, не оставляли целыми ни разу. В *позднесарматской* серии уцелевшие вещи малочисленны (бронзовая пряжка и два ножа у мужчин; глиняная курильница у женщин, а в Барановке-I, курган №14, наконечник топора-тесла остался на ступеньке у верхнего края разграбленной могилы вместе с железным ковшиком)****.

* *Раннесарматское* – Писаревка, курган №1-3 (мужчина), у стенки – бронзовый котелок, кинжал, гончарный кувшинчик и нож; *среднесарматские*: Лебяжье, курган №1 (женщина), в северо-восточном углу – бронзовый котелок, чернолощеный кувшин, гипсовая чашечка с зооморфными ручками, оселок, зеркало, камышовая коробочка с румянами; Большая Ивановка, курган №7 (женщина?), в восточной части – сероглиняная кружка, гончарные кувшин и горшочек, железные ножницы и пряжка; *позднесарматское*: Камышевский-I, курган №8 (мужчина) [Житников, 1991, с. 14–15], в западной части – меч с декорированной золотом рукоятью и нефритовой скобой, серебряный уздечный набор, крупный оселок, серебряные флакон (в полихромном стиле), пряжка и два наконечника ремней, бронзовая фибула, серебряный ковш, сероглиняная миска и деревянная чаша.

** Писаревка, курган №1-3 (мужчина); Лебяжье, курган №1 (женщина); Желтухин, курган №2 (мужчина?).

*** Так, в кургане №4 Барановки-I был похищен меч с богатым золотым декором ножен (осталась одна накладка), но в центре ямы были оставлены массивный золотой браслет и часть лент от упряжи, в южном углу – пара золотых подвесок, в заполнении – золотые обкладки деревянной чаши. В соседнем кургане №3 сохранились две пары золотых височных подвесок, в центре ямы – золотой кулон, в южной части – несколько золотых бляшек, в засыпи – золотые обкладки деревянной чаши; найдена также халцедоновая вставка перстня. В кургане №6 в Бердии на дне сохранилось 40 золотых бляшек. См. также золотую сережку в полихромном стиле рядом с выкинутым черепом в кургане №4-1 Первомайского-IX [Матаев, 1911, с. 141].

**** Из самых поздних (середина III – IV в.) погребений этого района показателен курган №1-1 некрополя Ивановка-I [Мамонтов, 1999, с. 84–85], где при весьма «чистой» работе грабители оставили золотой наконечник ножен, пару серебряных портупейных пряжек и железные (с содранной золотой плакировкой) бляхи узды.

Следующий из анализируемых районов – **устье Дона** по обоим его берегам. Прежде всего, это могильники левобережных групп **Высочино** недалеко от г. Азова, у р. Кагальник [Беспалый, Лукьяшко, 2008], а на правом берегу – **Валовый-I** [Беспалый, 1987; Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009].

В группах Высочино представлены могилы среднесарматского и раннего позднесарматского периодов. В *среднесарматской* серии ограблено 84% могил (16 из 19). При этом среди поврежденных явно преобладают женские и предположительно женские (девять). Мужских в три раза меньше, а две могилы – парные. Единственная детская могила оказалась нетронутой. Лишь в одном случае неопытные или, скорее, спешившие грабители не заметили нишу-тайник в стенке женской могилы, с недорогой бронзовой посудой внутри (Высочино-V, курган №26-1). В *позднесарматской* серии процент ограблений заметно меньше (50%, 10 из 20). Отчасти это объясняется особым типом маскировки могил этого времени, когда при засыпании ямы вынутые грунты помещали в обратном порядке, создавая имитацию непотревоженной почвы. Как в уцелевших, так и в ограбленных сериях преобладают могилы женщин разных возрастов (соответственно – 5 и 5), два из трех детских погребений уцелели. В соседнем Новоалександровка-I [Беспалый, 1990] из шести позднесарматских могил ограблены две (33%); обе из них – женские (притом, что мужских и женских погребений было поровну).

Уцелевшие вещи в могилах распределяются в Высочино следующим образом. В *среднесарматских* погребениях (где такие случаи обычно отмечены для мужчин) иногда встречается нетронутой гончарная керамика: два сосуда с округлым дном (у женщины, гр. II, курган №1-1), одиночные серолощенный кувшин (у мужчины) и миска. Из мужских вещей в единичных случаях уцелели два оселка, шило, бритва и пряжка, в парной могиле – простая фибула. В *позднесарматских* могилах (в них уцелевшие вещи обычно происходят из женских комплексов) из керамики представлены парами красноглиняные кувшины и курильницы; найдены также аксессуары костюма (фибула и пряжка; золотая сережка из гр. II, курган №12-1). В могилах *обеих* культур здесь сохранились целыми одиночные кинжалы, бронзовые пряжки и фибулы, кувшинчики. В отличие от других групп, целые ножи грабители здесь не оставили ни разу. Интересно сравнить полученную картину с могилами в том же Высочино, грабленными *в другие эпохи**. В обеих позднесарматских могилах Александровки-I из очень богатого содержимого в них уцелел лишь ритуальный набор из 20 бараньих астрагалов, единичные золотые бляшки и пронизки.

На *Правобережье* показательно женское среднесарматское погребение в кургане №1 Рясного-II [Власкин, Ларенок, 1991, с. 66–67], где целыми остались на дне (кроме множества бус) нож (с костями коровы) и деревянная чаша, а в заполнении – фибула. У мужчины из кургана №64 в Царском [Власкин, 1990, с. 64–68] в основательно разграбленной могиле грабители не тронули только железную уздечку с золотой насечкой (видимо, во многом потому, что ее крупные детали были оформлены в виде специфици-

* Так, *скифская* могила, ограбленная современниками (гр. V, курган №27-2) и лишенная какой-либо маскировки, содержала в себе ряд ценных для того времени вещей (два котла, много золотых бляшек), а кроме того, красноглиняный флакон, бронзовые колокольчики и каменные амулеты. Среднесарматская могила (гр. I, курган №4-1) была ограблена *в период Золотой Орды* столь основательно, что в огромной яме не осталось буквально ничего, кроме кабаньего клыка. В позднесарматской женской могиле (гр. IV, курган №1-2) «*счастливицы*» XIX в. оставили серию целых форм «ненужной» керамики: светлоглиняную амфору, краснолаковую миску и кувшин.

ческой клановой тамги). В Валовом-I раннего периода позднесарматской культуры ограблена 1/3 могил (две из шести, обе предположительно мужские). Из множества вещей в обеих сохранилось лишь по серебряной пряжке, в одной (курган №4) – простая уздечка с частичной золотой плакировкой. Все женские могилы при этом остались нетронутыми.

Последний район нашего рассмотрения – могильники лесостепной зоны **Верхне-го Дона**. К сожалению, особенности почв, действий грабителей, а в позднесарматское время и могильных конструкций (могилу не засыпали, а перекрывали деревянными плахами [Медведев, 2008, с. 93]) привели к тому, что кости умерших сохранились в виде мелких фрагментов или тлена, или же (в позднесарматских комплексах) не сохранились вообще. Рассмотрим вначале три могильника *среднесарматского* времени. Два из них (Чертовицкие-I и II) расположены непосредственно у Чертовицкого-III и Животинного городища, заселенных зависимыми оседлыми туземцами, но с включением доли сарматов. Похоже, однако, это не сказалось сколько-нибудь заметно на особенностях ограблений. К счастью, для могильников региона очень отчетлива специфика набора сопровождающих вещей в зависимости от пола [Медведев, 2008, с. 95]. В Чертовицком-II (где господствует инвентарь, характерный для женских могил) нарушено 54% погребений (шесть из 11). Но в Чертовицком-I (где, напротив, из 30 курганных и грунтовых могил 16 имеют инвентарь, характерный для мужчин-воинов, возможно, дружинников) ограблена в древности, как ни странно, лишь одна могила (3%; курган №10/14 ограблен относительно недавно). Для раннего этапа *позднесарматской* культуры высокого процента ограблений мы не обнаруживаем. В Ново-Никольском (где преобладают могилы с мужским инвентарем) в раскопках А.П. Медведева 1980 г. из 23 могил нарушенных в древности вообще *нет* (недавними шурфами ограблены курганы №55 и 63), в Вязово, где больше женских могил [Медведев, 1990, с. 161], – 19%, в Сасовке – 29%. Интересно, что преимущественно воинские могильники почти не грабили. Оставляемые там нетронутыми вещи редки и малочисленны. В *среднесарматских* комплексах у женщин (Чертовицкий-II) – это каменное блюдо (курган №15) и скромное ожерелье у черепа (курган №3); у предполагаемых мужчин – пряжка, а также 1–2 ножа, в *позднесарматских* (Вязово) – только пряжки.

Показательно отношение грабителей сарматских курганов к *клинковому оружию*. Хорошо сохранившиеся богато оформленные мечи и кинжалы в дорогих ножнах изымали (подчас на дне остаются их отпечатки или фрагменты золотых обкладок: Барановка-I, курган №4; Высочино-V, курган №14-1), а более ветхие (дольше пролежавшие в земле) часто оказываются разбитыми на куски и, возможно, даже специально разбросанными; реже дешевые короткие мечи и кинжалы оставляли в могиле (в ряде случаев, видимо, из-за заметной коррозии).

Лишь на *Сале* и *Маныче* мечи, как правило, оказывались разбитыми на мелкие части даже тогда, когда в могиле (раннего периода среднесарматской культуры) оставляли целыми несколько кинжалов (Новый, курган №81-1); лишь в одном случае (курган №31-1) сохранилось полклинка*. Сильно фрагментированы в Новом (курган №96-2)

* Интересно, что в Новом, где сохранились разбитые грабителями *фрагменты* мечей, в могилах раннего периода среднесарматской культуры они выявлены у *молодых* мужчин (курганы №31-1, 74-1, 79-9, 85-4, 112-1) или женщин (курган №63-1), тогда как в более поздних они документированы лишь для *стариков* (курганы №16-1, 64-3, 90-1) или мужчин около 30 лет (курган №125-1).

и Московском-I (курган №16-3) кинжалы и единственное копье (Новый, курган №92-2) (последние два случая относятся к комплексам более позднего периода). В группах *Высочины* у устья Дона целые кинжалы изредка оставляли лишь в женских и парных могилах (гр. V, курганы №6-2 и 31-1). В мужских же погребениях целые изделия не оставляли никогда, а обломки их встречаются очень редко (среднесарматские – гр. V, курганы №4-2 и 29-3; позднесарматский – гр. IV, курган №5-1). На р. *Иловля* (гораздо более удаленной от крупных производственных центров) клинковое оружие также в подавляющем большинстве случаев забиралось (до того, как оно успевало сильно проржаветь). Обломки кинжала и меча встречены в среднесарматское время в некрополе Бердия (курганы №3 и 6), кинжала – в позднесарматском кургане №26 Авиловского-II. У женщины из раннесарматского кургана №1-1 в Желтухине грабители оставили кинжал на месте, поскольку он уже был сломан пополам и лишен рукояти (возможно, они невольно сделали это сами). На Иловле и обычные ножи почти всегда находили лишь фрагментами. В позднесарматских рядовых мужских могилах Абганерово-II на той же большой излучине Дона [Дьяченко, Блохин, Шинкарь, 1995] грабители проделывали немалую работу фактически только ради того, чтобы взять единственный дешевый меч (ничего иного ценного для них в уцелевших могилах не было: курганы №3 и 8).

При всех различиях в половозрастной принадлежности ограбленных могил в разных группах могильников разных районов и в разные периоды в отношении грабителей к оставляемым целыми вещам есть *много общего*. Их часто явно специально не интересовали стрелы с наконечниками из колчанов, и их нередко находят скоплениями в десятки штук. Их не привлекали деревянные чаши (если только они не имели золотых накладок), косметическая тара (коробочки и т.п. из дешевых материалов), обычные бусы и бисер, зачастую они оставляли пряжки и фибулы, ножи, оселки, пряслица веретен, каменные терочки и кремневые кресала. Из керамики они чаще всего не трогали серолощенные кувшинчики, лепные горшки и курильницы (во многих случаях – одну из двух), реже – миски и кружки. Изредка они оставляли простую железную узду, бронзовые котелки и алебастровые сосудики. К несчастью грабителей, к моменту их проникновения в могилу железное клинковое оружие (от мечей и кинжалов до копий и боевых ножей) часто становилось ломким. В изучаемые периоды для сарматских могил (прежде всего – женских и детских) характерно большое число разнообразных амулетов (в составе ожерелий, реже – подвесок к поясу, узде или оружию); однако грабители почти всегда явно забирали их с собой. *В целом они преследовали сугубо материальные цели*, и (судя по изъятым вещам, по сравнению с не ограбленными комплексами) их явно больше всего интересовали крупные или массивные золотые и серебряные изделия, металлическая посуда и по возможности – парадное оружие.

Вместе с тем из этого общего правила есть интересные исключения. Таково разрушение квадратной могилы среднесарматского кургана №14 в Сладковке (Тацинский район на Правобережье) [Максименко, 1978, с. 21–19]. Здесь при наличии двух грабительских лазов (с северо-западной и юго-западной стороны) проникшие в могилу аристократки вскоре после похорон сохранили немало ритуально значимых вещей и символов социального ранга. Во втором лазе сохранились руки трупа в непотревоженном виде (вспомним о необычных ритуалах с руками именно у знатных женщин этого времени – их отрубание, помещение в серебряные сосуды и т.п.); *in situ* на дне остались только нижние части ног, череп был выброшен наверх лаза. При этом на дне

оставили целиком нетронутым расшитый множеством золотых бляшек пояс, особое с редкими крупными амулетами ожерелье, массивное золотое кольцо с фигурами грифонов, золотые серьги и перстень, много целых сосудов (два кувшина, один из которых краснолаковый, кружку, три стеклянных сосуда и деревянную чашу), две курильницы, средства для косметики и воскурений, бронзовые фибулы, нож и т.п. В лазе обнаружена каменная булава-скипетр из центральной части молота эпохи бронзы. Документировано, что грабители унесли бронзовую посуду и разорвали сшитые множеством золотых бляшек и пронизок одежды (сохранилась небольшая их часть).

В чем же причина столь «деликатного» и избирательного отношения грабителей к данной могиле? Дело в том, что сладковское погребение мы включаем в оригинальную группу могил знатных дам среднесарматского (и отчасти – начала позднесарматского) времени, соотносимых с частью жен аристократов второго (после царских родов) ранга – «скипетроносцев». Для могил этой группы* характерна высокая насыщенность ритуальными предметами, подчас, видимо, «обладавшими» большой магической силой, для них выявлено не менее 11 особенностей культового характера – следов различных ритуальных действий, определенного подбора изобразительных сюжетов и т.п. [Яценко, 2007, с. 58–66]. В отличие от женщин 1-го (царского) ранга**, их могилы весьма часто вообще не грабили, а если и грабили, то, как и в Сладковке, оставляли много оригинальных и дорогих, но «опасных» вещей***.

*Создается впечатление, что грабители в одних случаях (сравнительно редких) присутствовали на похоронах и знали, кто, где и с чем похоронен, в других же случаях (по прошествии многих лет) они могли отчасти ориентироваться по каким-то внешним (не сохранившимся позже) признакам или по устной информации****. В одних курганах перемещенные кости умерших в были в значительной мере крупными и цельными, в том числе в сочленениях, в других же (в большинстве таких ситуаций) – сплошь сильно фрагментированными (а клинковое оружие при доставании из грунта сравнительно легко ломалось). Похоже, чаще всего ограбления происходили спустя 1–2 поколения после похорон – тогда, когда родственники переставали навещать курган (подобно ограблению некоторых забытых могил на многих современных кладбищах).*

2. Методы работы грабителей

Формы грабительских лазов в курганы сарматов (в большинстве случаев довольно точно «попадавших» в могилу) были разнообразны, и они по-разному соотносились с контурами могильных ям. Часто грабители рыли лаз несколько шире, чем моги-

* Ср.: Соколова Могила, погр. 3; Большой Армавирский кург; Песчаный, курган №1-10; Алитуб, курган №26-1; Тифлисская, курган №20; Усть-Альминский, склеп 595; Чугуно-Крепинка, курган №2-1; Валовый-1, курган №33-1.

** Ср. в бассейне Дона: Хохлач; Мигулинская; Кобяково, курган №10; Высочино-VII, курган №28 (парное?); Тузлуки, курган №2-1.

*** Ср. другое ограбленное погребение этой группы в кургане №20 в Тифлисской на «Золотом кладбище» [ОАК, 1904, с. 73–74; Гущина, Засецкая, 1994, с. 61–62]: наверх двух скипетров, детали ожерелья (?) с различными амулетами, римский красноглиняный сосудик в форме женской головы, фаллический идолчик, курильница, более 120 разнотипных бляшек от разорванных богатых одежд и т.п.

**** То, что мы знаем о сарматских грабителях, не позволяет отнести к их работе, например, в позднесарматском кургане №20 Новоалександровки-1, круглый лаз около 3 м в диаметре, не дошедший буквально по несколько сантиметров до обеих могил [Беспалый, 1990, рис. 3.-1].

ла (видимо, для поиска тайников в стенах), подчас это делали не сразу (Высочино-II, курган №12-1 у Азова), реже он точно соответствовал контурам ямы (Чертовицкий-II, курган №8 на Верхнем Дону). В редких случаях грабительская яма имела ступеньки (Лебяжье, курган №8-1 на Иловле). При этом они могли не разбирать идущий к камере коридор-дромос (Новый, курган №102-2 на Сале). Характерно, что если лаз, чаще круглый или овальный по форме, бывал (при любом типе могильной конструкции) «пристроен» в могиле с одной стороны, то он прилегал либо преимущественно с севера, либо преимущественно с запада. Это можно объяснить желанием при работе в утренние часы или во второй половине дня использовать лучи солнца, светящего в эти часы с противоположной стороны. Иногда грабители, видимо, работали и при слабом естественном освещении. Так, они могли развести небольшой костер перед ограбленной затем стеной нишей с посудой (Новый, курган №40-2) или освещать один из углов могилы (маленькое кострище на заплечиках у верхнего края ямы (там же, курганы №64-3 и 107-3) или просто в углу – в стороне от трупа и вещей (Высочино-V, курган №28-1)*.

В определенных ситуациях могилы *разграблены «чисто»* (когда не оставляли сколько-нибудь целыми на дне и в заполнении ямы даже мелких ненужных предметов и удаляли почти все или все кости). Увы, датировать такие ограбления бывает трудно. На Сале и Маньче в среднесарматских комплексах таких «чисто грабленных» могил раннего этапа 14% (шесть из 44; за одним исключением, они женские). В более поздних комплексах доля таких погребений такая же – 13% (четыре из 30, поровну мужских и женских). На р. Иловля число «чисто» грабленных могил в некрополях каждого последующего периода растет: из раннесарматских 14% (одна из 7), из среднесарматских 32% (восемь из 25, примерно поровну обоих полов), из позднесарматских 47% (семь из 15, причем все они мужские). В близком позднесарматском Абганерово-II так ограблено 75% (три из четырех). В Жутово (суммарно) подобных ограблений 11 (20%). В Высочино таких погребений для среднесарматского времени 25% (четыре из 16), для позднесарматского – 20% (две из 10). На Верхнем Дону, в среднесарматском Чертовицком-II их 75% (четыре из шести), в позднесарматском Вязово – 50% (три из шести). Подобный тип ограбления мог быть результатом как известных грабителям особенностей и богатства конкретных могил, так и «старательности» отдельных групп работников. В очень бедных позднесарматских курганах Абганерово-II грабители могли специально прокапывать дно входной ямы и юго-западную стенку подбоя в надежде найти тайники с металлическими изделиями (курганы №9 и 12).

Однако известны и совершенно иные примеры куда менее тщательного ограбления. В Высочино (гр. I, среднесарматская могила кургана №1-1) не разобрали половину деревянного настила на дне. В бассейне Иловли, как уже отмечалось, подчас оставляли нетронутыми целый угол могильной ямы или даже около половины погребения. Иногда там трупы помещались на специальные решетчатые носилки (ранние среднесарматские мужские могилы курганов №67-4 и 70-5 в Новом); тогда грабители не разбирали часть таких носилок и оставляли вещи вокруг них.

* Подобные случаи не стоит путать с ритуальным разжиганием небольшого костра в самой могиле на похоронах. Помимо других вариантов, у осетин недавно даже поджигали порох в верхней части трупа, чтобы «согреть» покойника [Яценко, 1998, с. 68]; ср. в Новом (курган №125-1) – остатки небольшого костра в головах умершего.

Были у грабителей и объекты, можно сказать, излюбленные, куда вторгались многократно. Яркий пример такого рода – могила кургана №52-3 могильника Садовый-II на Правобережье у г. Аксай, которая грабилась пять раз ходами разных конфигураций [Алейников, 2010, с. 112–114, рис. 1] (рис. 1)*. Самый удачный (ранний, юго-западный) лаз имел длину 16 м. Возможно, об этом месте долго ходили интригующие предания. Судя по тому, что в двух лазах найдены фрагменты амфор рубежа I–II вв., видимо, вначале здесь могла быть богатая могила среднесарматского времени. После ограбления ее с юго-запада камера долго стояла открытой. Затем ее остатки, вероятно, после середины III в. н.э. стали основой для Т-образной катакомбы глубиной около 8 м. Ее тоже вскоре ограбили юго-восточным лазом длиной 11 м (в нем представлены находки III в.). Два небольших лаза, вероятно, были еще более поздними.

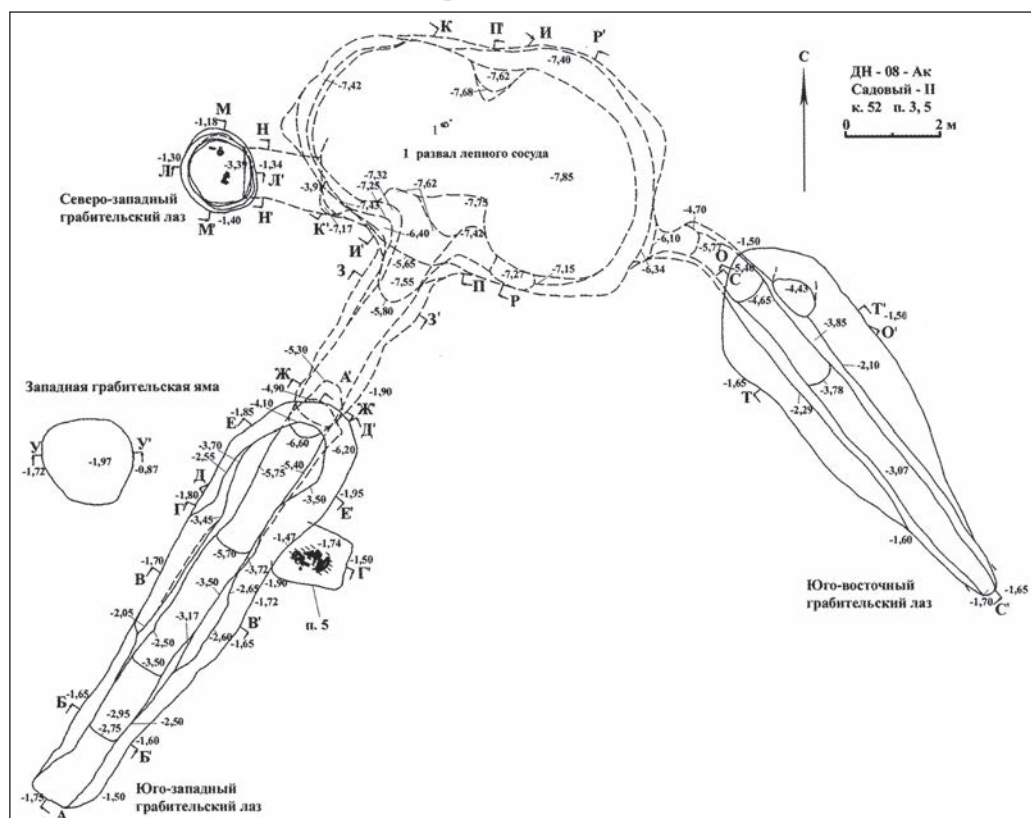

Рис. 1. Схемы пяти ограблений в могиле 3 кургана №52 некрополя Садовый-II у г. Аксай (по: [Алейников, 2010])

Очевидно, что разорители могил в рассмотренных курганных некрополях степной зоны не просеивали специально землю в поисках драгоценных мелочей. Иначе трудно объяснить во множестве могил сохранение на дне и в засыпи золотых бляшек от одежды (от одной до нескольких десятков, бывших малой частью первоначального числа) и мелких золотых вещиц, вроде височных подвесок. Совершенно иную картину

* На этот комплекс любезно обратил мое внимание Е.В. Вдовченков.

видим в лесостепных верхнедонских могильниках. Там в ограбленных курганах нет ни одного мельчайшего золотого изделия (как и крупных предметов из любых металлов).

С трупами умерших могли поступать также совершенно по-разному. Чаще всего их разбирали на дне ямы, затем при перекапывании грунта фрагментированные кости оказывались в разных частях заполнения ямы, большую часть их старались выбросить из нее. В *Высоchino* иногда обломки костей оказывались весьма равномерно распределены по заполнению могилы (женщина в среднесарматском кургане №26-1 группы V; в позднесарматском кургане №3-1 группы IV найден практически полный скелет, кроме черепа, который выбросили из могилы); изредка их разбирали в верхней части ямы (мужчины из среднесарматского кургана №14-1 группы V). Могли также смещать в сторону большую часть костей (мужчина из позднесарматского кургана №5-1 группы IV) или лишь черепа и кости ног (в парной могиле среднесарматского кургана №13-2 гр. II), или же разрушать только верхнюю часть трупа (женщина из позднесарматского кургана №10-12 группы V).

В районе *большой излучины Дона* в ряде случаев ограничивались «разборкой» верхней части трупа (так поступили в среднесарматском кургане №1 Абагнерово-II и с обоими детьми в тройном позднесарматском захоронении кургана №1-1 Кичкинского-I: у центрального мужчины череп откатили в угол, а обе руки, согнутые в локтях, переложили отдельно). Иногда основные кости в позднесарматских погребениях перекладывали кучкой в сторону (в кургане №2-2 некрополя Кировский-III); такая кучка могла быть очень аккуратной (курган №9 Абагнерово-II). В комплексах средне- и позднесарматского времени в последнем могильнике (где похоронены только мужчины, в основном старые) нетронутыми оставляли только нижнюю часть ног (курганы №4–6). На *Верхнем Дону* в одном случае череп лежал в одном конце могилы, остальные кости сдвинули в другой (Вязово, курган №10).

Существуют ли какие-либо *тенденции в сохранении «in situ» тех или иных костей скелета* на дне ямы? Попытаемся ответить на этот вопрос (понимая, что часть ограблений остается хронологически неопределимой). В среднесарматских курганах на *Сале* и *Маньче* в более ранних могилах обычно сохранялись на месте ноги (три случая – мужчины, ребенок) и бедра (два случая – мужчины). В более поздних комплексах случаев частичной сохранности скелета – по одному для мужчины и женщины с ребенком. Для могильников на *р. Иловля* характерны сравнительно сложные варианты очажной сохранности с участием черепа: в ранних могилах сохранились *«in situ»* (у женщин) по одному случаю ноги+череп; в среднесарматских – по два случая (для обоих полов) сохранения череп+рука или лишь левой кисти руки; в позднесарматских – это ноги и локтевая кость (у двух мужчин), череп+нога у женщины. В *Высоchino* такая сохранность отдельных костей документирована в двух случаях у женщин: это район бедер (среднесарматское время) или ноги (позднесарматский в гр. V, курган №10-12). На *Верхнем Дону* в среднесарматском кургане №3 Чертовицкого-II на месте оказался череп женщины (?), в позднесарматском Вязово верхняя часть скелета (женщина?) или, напротив, ноги+таз. В целом чаще сохранялись (у обоих полов) на месте кости ног или района бедер, что отражает в ряде случаев меньшую ценность связанных с ними вещей для грабителей (на Иловле и в верховьях Дона это касалось и черепа). Весьма интересно подчас особое отношение грабителей к *черепу* умершего обоих полов, видимо, связанное с суеверием: в ряде случаев его явно старались максимально

отдалить от остальных костей, чтобы покойник не мог эффективно «повредить» пришельцам. В одном случае только он остался *«in situ»* (Чертовичский-II, курган №3), в другом, напротив, из всего скелета лишь его выбросили из могилы (Высочино-IV, курган №3-1); эти ситуации могут подразумевать отдельное «захоронение» черепа. В позднесарматских могилах его подчас откатывали в противоположную сторону ямы от остальных костей (Кичкинский-I, курган №1-1; Вязово, курган №10). В Жутово (курган №82-1) череп найден в тайнике в западном углу погребальной ямы.

Действия грабителей во всех изучаемых районах и хронологических группах, безусловно, нельзя считать сознательным и массовым «осквернением» вражеских этнических могил. Ведь погребения, как мы показали, грабили очень избирательно и умело, часто – небольшую их долю и явно имея сведения (даже спустя много лет) о содержимом конкретных могил*. С другой стороны, например, в Авиловском-II, в курганах с №82 по 87 в Новом, в кургане №10 Барановки-I и кургане №4 Петрунино-IV (серии впускных), бедные могилы, похоже, сознательно не трогали. Случаи, когда к трудоемкой маскировке с особой засыпкой грунта (во II–III вв. н.э.) приходилось прибегать для вполне рядовых могил, единичны (женская из Высочино-V, курган №2-2). Однако отмеченная ранее для некоторых районов высокая избирательность и неплохая информированность о конкретных могилах позволяют допустить, что грабители в ряде случаев стремились повредить своими действиями интересам *кровников* или *просто недружественных семей*.

На степень ограбленности могил современниками в конкретной местности теоретически могли влиять близость к родовым курганным некрополям кочевых стойбищ и продолжительность обживания последних, острота межплеменных и межклановых отношений, наличие обнищавших в результате неудачных войн или падежа скота семей. Возникает важный вопрос: *«Влияло ли на этот процесс состояние экологии степной зоны, в частности, наступление очередного засушливого периода?»* По последним данным палеопочвоведов, очередной период засухи в европейской Степи начался в позднесарматское время [Демкин и др., 2010, с. 102]. На первый взгляд, в результате возникших в обществе проблем мы должны наблюдать рост ограблений могил. Однако в действительности все обстоит как раз наоборот: в районах, где мы могли сравнить материалы позднесарматских ограблений с более ранними (большая излучина Дона, междуречье Дона-Кагальника, Верхний Дон), процент ограбленных могил в это время в основном *заметно снижается*, и там основным объектом ограблений становятся женские комплексы (а не богатые серебряными и полихромными упряжью и поясами могилы знатных воинов). Возможно, дело в том, что население многих микрорайонов Степи в тот период уменьшилось, и оно сконцентрировалось в наиболее хозяйственно

* Показательно, что А.М. Ждановский [1979, с. 43], имея вначале ограниченный опыт рассматривания разрушений в погребениях, считал, что могилы повелителей Прикубанья на «Золотом кладбище» грабили подчиненные ими туземцы-земледельцы (их городища находились в 300–400 м от курганов), и эмоционально замечал: «...картина больше похожа на акт мести, надругательства над покойным, чем обыкновенный грабеж». Однако уже пять лет спустя, давая более детальную характеристику этим некрополям, он ничего похожего не пишет [Ждановский, 1984, с. 72, 95]; не возникла подобная драматическая картина и у других исследователей «Золотого кладбища» [Гушина, Засецкая, 1994, с. 7, 36]. На деле же появление нескольких впускных могил зависимых меотв начала позднесарматского времени на краю одного из курганов в *продолжавшем действовать* некрополе кочевой дружины вряд ли было возможно без согласия господ.

благоприятных и безопасных местах (в менее благоприятных районах, вроде речки Есауловский Аксай на Большой излучине – Аксай-I и Абганерово-II – грабили либо все курганы без разбору, как в первом, или основательно обирали бедные могилы ради сравнительно дешевого меча, как в последнем).

3. Быт древних грабителей сарматских курганов

Об удовлетворении бытовых запросов грабителей во время их «работы» в курганах сведений у нас пока немного. Так, в среднесарматском кургане №29-3 гр. V в Высочино работники жарили на дне ямы мелкую рыбу, оставив там кости и много чешуи [Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 102]. Что касается питья, то в том же Высочино грабители золотоордынской эпохи оставили в яме кувшин, произведенный в соседнем г. Азак, а их «коллеги» XIX в. – разбитую бутылку из-под водки [Беспалый, Лукьяшко, с. 15, 55]. В раннесарматском кургане №6-4 Барановки-I на р. Иловля в заполнении у верхнего края разграбленной ямы вертикально стоял лепной кувшинчик, который нам кажется возможным связать именно с грабителями-современниками [Сергацков, 2000, с. 27]*.

Особенно интересен вопрос *об инструментах для копки земли и зачистки деталей, которыми пользовались грабители. Прежде всего отметим, что почти все изделия такого рода найдены лишь в могилах, которые подверглись ограблению***. Кроме того, в среднесарматских второго этапа могилах это *фрагментированные* металлические насадки (которые логично бросить в яму после поломки), и они обнаружены к тому же в могилах лиц обоих полов. Это делает весьма вероятным использование части найденных сломанных орудий (кельтов и тесел) именно грабителями. В среднесарматских погребениях они представлены обломками тесла (Высочино-V, курган №13-1), кельта (Новый, курганы №38-1 и 71-1), целым кельтом (Новый, курган №100-3). Куда труднее видеть орудия грабителей в находимых в разграбленных могилах двулезвийных топорах-теслах (позднесарматский комплекс Барановка-I, курган №14), особенно в сравнении с соседними регионами***.

Итак, мы попытались привлечь внимание к «археологии древних ограблений». Анализ связанных с нею материалов (в целом пока непривычный и, увы, часто сопровождаемый хронологической неопределенностью для ряда конкретных комплексов) в дальнейшем позволит полнее представить некоторые важные стороны общественной жизни кочевых сарматских группировок. В то же время *социальный портрет «типичного» сарматского грабителя могил* от нас пока ускользает. Если в оседлых земледельческих государствах (вроде Египта и Китая) ограблением могил занимались бедняки и профессиональные бандиты, то в кочевом обществе с его, в среднем, противоположным отношением к насилию и грабежам ситуация могла быть иной (так, *вдохновителя-*

* Поскольку грабители действовали вскоре после похорон, то приносимые ими с собой посуда и инструменты, естественно, современны оставленным в могиле и отличить одно от другого не всегда возможно.

** См. исключение: кельт у мужчины в кургане №88-2 в Новом. Речь не идет о случаях, когда землеройные инструменты в одном экземпляре помещали *в тризну в насыпи кургана*. Так, на Сале и Маныче это связано с женскими могилами среднесарматского (Новый, кург. №26-1) и позднесарматского (Кировский I, кург. №7-1, кельт) времени (в последнем случае это был лишь *фрагмент* мотыги вместе с опрокинутым горшком).

*** В Барановке, как и, например, на кубанском «Золотом кладбище» в кургане №4 у Тифлисской и №43 у Усть-Лабинской [Гущина, Засецкая, 1994], эти инструменты всегда целые, в то время как у тесла в кургане №4 у Тифлисской обломан рабочий край.

ми ограблений вполне можно представить себе состоятельных людей или же популярных, но оказавшихся в материальных затруднениях воинов; однако трудно допустить, чтобы они сами занимались не престижной для кочевников работой с землей*).

Библиографический список

- Алейников В.В. Исследования курганных могильников «Садовый-II» и «II курганный могильник у Аксайского поворота» // ИАИАНД в 2007–2008 гг. 2010. Вып. 24. С. 111–115.
- Афанасьев Г.Е. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // Российская археология. 2012. №2. С. 113–126.
- Батиева Е.Ф. Кочевники Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. 159 с.
- Безуглов С.И. Курганные погребения позднеармавского времени из могильника Козинка-VIII // ИАИАНД за 2001 г. 2002. Вып. 18. С. 288–301.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднеармавские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый-I). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. 128 с.
- Беспалый Е.И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в Ростовской области. 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №12382.
- Беспалый Е.И. Погребения позднеармавского времени у г. Азова // Советская археология. 1990. №1. С. 213–223.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 1: Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону, 2008. ЮНЦ РАН, 2009. 226 с.
- Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н.э.). Владивосток: Дальнаука, 2006. 372 с.
- Власкин М.В. Уздечный набор с тамгообразными псалями из могильника «Царского» // ИАИАНД в 1989 г. 1990. Вып. 9. С. 64–68.
- Власкин М.В., Ларенок П.А. Сарматские курганы в Северо-Восточном Приазовье // ИАИАНД в 1990 г. 1991. Вып. 10. С. 65–70.
- Гаврилова А.А. Пятый Пазырыкский курган: дополнение к раскопчному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: ВИЧИ, 1996. С. 89–102.
- Глебов В.П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: докл. к V междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: КГУ, 2004. Т. 2. С. 127–133.
- Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднеармавский могильник Кичкинский-I // ИАИАНД в 1999–2000 гг. Вып. 17. С. 55–72.
- Гугуев Ю.К., Глебов В.П. Рец.: И.В. Сергацков. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000 // Донская археология. 2002. №1–2. С. 93–98.
- Гущина И.И. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
- Демкин В.А., Демкина Т.С., Золотарева Б.Н., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н. Почвенный покров и климат Азиатской Сарматии // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 92–113.
- Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А. Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград: Перемена, 1995. С. 83–139.
- Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. 1999. Вып. 2. С. 93–126.
- Житников В.Г. Раскопки в Цимлянском районе // ИАИАНД в 1990 г. 1991. Вып. 10. С. 14–15.
- Ждановский А.М. Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотого кладбища» // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1979. С. 38–44.
- Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

* Характерно, что все наиболее престижные изделия ранних эпох из разрушенных сарматами могил всегда оказывались в могилах сарматской аристократии [Яценко, 2009].

Ильюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 100–140.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского ун-та, 1992. 288 с.

Лурье И.М. Очерки древнеегипетского права XVI–X вв. до н.э. Л.: Гос. Эрмитаж, 1960. 355 с.

Максименко В.Е. Отчет о раскопках Сладковского курганного могильника в Тацинском районе Ростовской области в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7094.

Мамонтов В.И. Материалы из раскопок курганов у с. Ивановка // НАВ. 1999. Вып. 2. С. 84–92.

Матаев В.В. Материалы из погребений могильника Первомайский-IX // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 139–146.

Медведев А.П. Сарматы и Лесостепь. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 220 с.

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.

Нарты: осетинский героический эпос. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 492 с.

ОАК за 1902 г. СПб.: Акад. наук, 1904. 240 с.

Обломский А.М. Расчлененные погребения гуннского времени в Верхнем Подонье: ритуал или ограбление // Острая Лука Дона в древности. Комплекс археологических памятников гуннского времени у с. Ксизово / под ред. А.М. Обломского). М. (в печати).

Савинов Д.Г. Об обряде погребения больших пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: ВИЧИ, 1996. С. 107–111.

Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 270 с.

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры. М.: Наука, 1963. 126 с. (САИ. Вып. Д1-22).

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М.: Таус, 2007. 196 с. (Труды Клин-Ярской экспедиции. Вып. III).

Хазанов А.М., Черненко Е.В. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. Київ, 1979. Вип. 30.

Яценко С.А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // Российская археология. 1998. №3. С. 67–74

Яценко С.А. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. – II в. н.э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2007. Вып. 1. С. 58–66.

Яценко С.А. Древние орудия в культуре сарматов и поздних скифов // НАВ. 2008. Вып. 9. С. 117–126.

S.A. Yatsenko

SYNCHRONOUS ROBBERIES IN SARMATIAN BARROWS

The article deals with the problem of revealing and analyzing ancient synchronous robberies of the barrows based on the materials recorded in the course of the excavation work of a number of the Sarmatian burial mounds in a large area of the Don basin. The article refers to particular cases of robbery and offers a wide range of available explanations. The author cannot in complete assurance say that all cases of destruction in the graves referred to in the article are the result of any particular robbery. However, the available data makes this assumption more reasonable for now. The given version has been verified in different ways: it takes into account the age and gender composition of the remains in the graves that were robbed; identifies possible methods used for intrusion into a burial and concludes that, in nomadic societies, the practice of such activities could be different than in settled groups of population.

It also presents a significant volume of factual material which brings attention to the further development of the designated problem and urges colleagues to commit to clearer field recording while examining the destroyed barrows.

Keywords: archaeology, the Don basin, barrow, robbery, the Sarmatian culture, burial mound, destruction, products, ritual actions, nomadic communities.

УДК 903.21:903.5

В.И. Соенов, Е.А. Константинова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЕРХ-УЙМОН (Алтай)*

Данной статьей вводится в научный оборот серия железных деревообрабатывающих инструментов из могильника Верх-Уймон в контексте оценки уровня развития ремесла у населения булан-кобинской культуры Алтая гунно-сарматского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.). Публикуемая серия изделий представлена рубящими (теслами), режущо-поворачивающим (шилом), режущо-строгающими (ножами и стамесками) инструментами. Находки на памятнике специализированного инструментария (радиусная стамеска и клюкарза) являются важнейшим и неоспоримым показателем развитого вида деревообрабатывающей ремесленной деятельности у носителей булан-кобинской культуры. Использование таких инструментов подтверждается находками в погребениях глубокой деревянной посуды типа кружкообразных сосудов с круглым дном, кувшинов, чаш, ковшей и др. По мнению авторов, наличие узкоспециализированных стамесок у «булан-кобинцев» отражает процесс выделения деревообрабатывающего ремесла в самостоятельную сферу деятельности. Об этом свидетельствует также разнообразие полифункциональных лезвийных инструментов, орудий для их заточки и изделий со следами обработки.

Ключевые слова: Алтай, гунно-сарматское время, Верх-Уймон, могильник, булан-кобинская культура, ремесло, деревообработка, инструментарий.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-04

Введение

Деревообработка относится к древнейшим индустриям: первоначальные приемы и способы изготовления деревянных изделий, а также первые каменные орудия, пригодные для обработки древесины, были изобретены человеком еще в палеолите. Наиболее яркие свидетельства развитой деревообработки на Алтае были получены при раскопках памятников скифоидной пазырыкской культуры середины – 2-й половины I тыс. до н.э. В курганах пазырыкской знати благодаря мерзлоте, а также значительной глубине ям рядовых курганов и особым условиям алтайского высокогорья хорошо сохранились древесина и другие органические материалы. Результаты изучения таких пазырыкских предметов отражены в большом количестве научных трудов [Радлов, 1989; Грязнов, 1950; Киселев, 1951; Руденко, 1953, 1960; Семенов, 1956; Кубарев, 1987, 1990, 1992; Мыльников, 1999, 2008; Полосьмак, 2001; Феномен..., 2000; Самашев, Мыльников, 2004; Молодин и др., 2012; и мн. др.].

Реконструкции деревообработки последующего за пазырыкским гунно-сарматского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) уделено значительно меньше внимания со стороны исследователей. Это связано, в первую очередь, со слабой степенью сохранности древесины в памятниках из-за отсутствия в них особых условий. Кроме того, грандиозность погребальных конструкций и пышность погребального обряда культуры «пазырыкцев» сменяются более умеренными погребальными традициями носителей булан-кобинской культуры, из-за чего найденные деревянные изделия этого периода не отличаются большим количеством и разнообразием форм. Но эти проблемы не мешали освещению в научной литературе вопросов деревообработки 1-й половины I тыс. н.э. на примерах отдельных памятников.

* Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011) госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации.

Так, в статье А.И. Семенова [1995, с. 147–149] изложены результаты ксилотомического анализа древков стрел и деталей лука из пещерного погребения Камтыттукем. По анатомическому строению использованного дерева все древки определены как березовые, причем в качестве заготовок использовалась взрослая древесина, а не прутики. Все диагностированные детали лука были изготовлены из тополя. Ксилотомические диагнозы редки даже для коллекций с хорошей сохранностью дерева, поэтому полученная исследователем серия диагнозов дала хорошую возможность историко-культурной и биологической характеристики региона в гунно-сарматское время.

Статьи А.А. Тишкина и В.П. Мыльникова [2007, с. 159–165; 2008, с. 93–102] посвящены изучению деревянных предметов из кургана №31 памятника Яломан-П. Рассматривая морфологические особенности предметов, исследователи уделяют внимание изучению следов от орудий на изделиях. Авторы заключают, что деревообработка в целом по этому периоду носит характер домашнего ремесла и лишь изделия повышенной сложности выполняются опытными мастерами.

Предварительные результаты ксилотомических исследований археологических находок из того же памятника опубликованы А.А. Тишкиным [2009, с. 330–332]. Им отмечено, что в гунно-сарматское время древки стрел изготавливались из березы, также из нее делали посуду, детали колчана, жестких седел и т.д. Применялась и древесина кедра, тополя, ивы, крушины ломкой и пр. Зафиксирована импортная древесина – палисандр, произрастающий на территории Китая.

Отдельные вопросы древней деревообработки и деревообрабатывающие инструменты из памятников Алтая V в. до н.э. – V в. н.э. рассматривались Е.А. Штанаковой [2009, с. 153–154; 2010, с. 289–290]. В ее работах отмечено, что выбор инструментария и определенной породы дерева (и даже использование его конкретной части) для изготовления предмета зависел от категории предмета и его назначения.

Статья В.И. Соенова и Е.А. Штанаковой [2011а, с. 177–186] посвящена результатам исследования деревянной посуды из могильника гунно-сарматского времени Курайка. В частности, рассматривались два миниатюрных блюдца-столика и фрагменты пиалы. Были определены породы дерева, использовавшегося для изготовления посуды, и обозначен инструментарий, необходимый для производства данной посуды. В заключение авторами отмечено, что, несмотря на свою простоту и вотивность, курайские изделия демонстрируют многоступенчатость и разнообразие технологического процесса обработки дерева в гунно-сарматское время.

Важнейшим и неоспоримым показателем уровня деревообработки как вида ремесленной деятельности являются находки деревообрабатывающего инструментария в памятниках. Поэтому в продолжение исследований в области деревообработки населения Алтая гунно-сарматского времени мы вводим в научный оборот серию деревообрабатывающих инструментов, найденных при исследовании могильника Верх-Уймон.

Могильник Верх-Уймон расположен на западной окраине одноименного села Усть-Коксинского района Республики Алтай. На памятнике раскопано около четырех десятков курганов, относящихся к булан-кобинской культуре [Суразаков, 1985, с. 26–27; Соенов, Эбель, 1992, с. 19–27; 1996, с. 157–158; Соенов, 1997; 2000а, с. 48–62; 2000б, с. 201–202; 2003а, с. 15–16; 2003б, с. 30–36; 2005а, с. 24–28; 2005б, с. 486–487; Соенов и др., 2005, с. 169–171]. По элементам погребального обряда и составу инвентаря верх-уймонские погребения были датированы в рамках III–V в. н.э.

Полученная серия деревообрабатывающих инструментов была разделена на три категории, критерием для выделения которых послужил способ их воздействия на материал. Первая категория – рубящие инструменты – представлена теслами. Вторая – режуще-строгающие инструменты – ножами и стамесками. Третья – режуще-поворачивающие инструменты – шилом.

Описание изделий

Рубящие инструменты. Железное тесло (рис. 1.-3) найдено в погребении кургана №37, около костей кисти правой руки. Оно имеет подпрямоугольный вид и закругленную заднюю стенку. Ширина лезвия и ширина несомкнутой втулки равноразмерны. Сечение лезвия имеет асимметричную форму. Длина тесла – 12,5 см, ширина лезвия – 4,5 см, высота закраин втулки – 6 см.

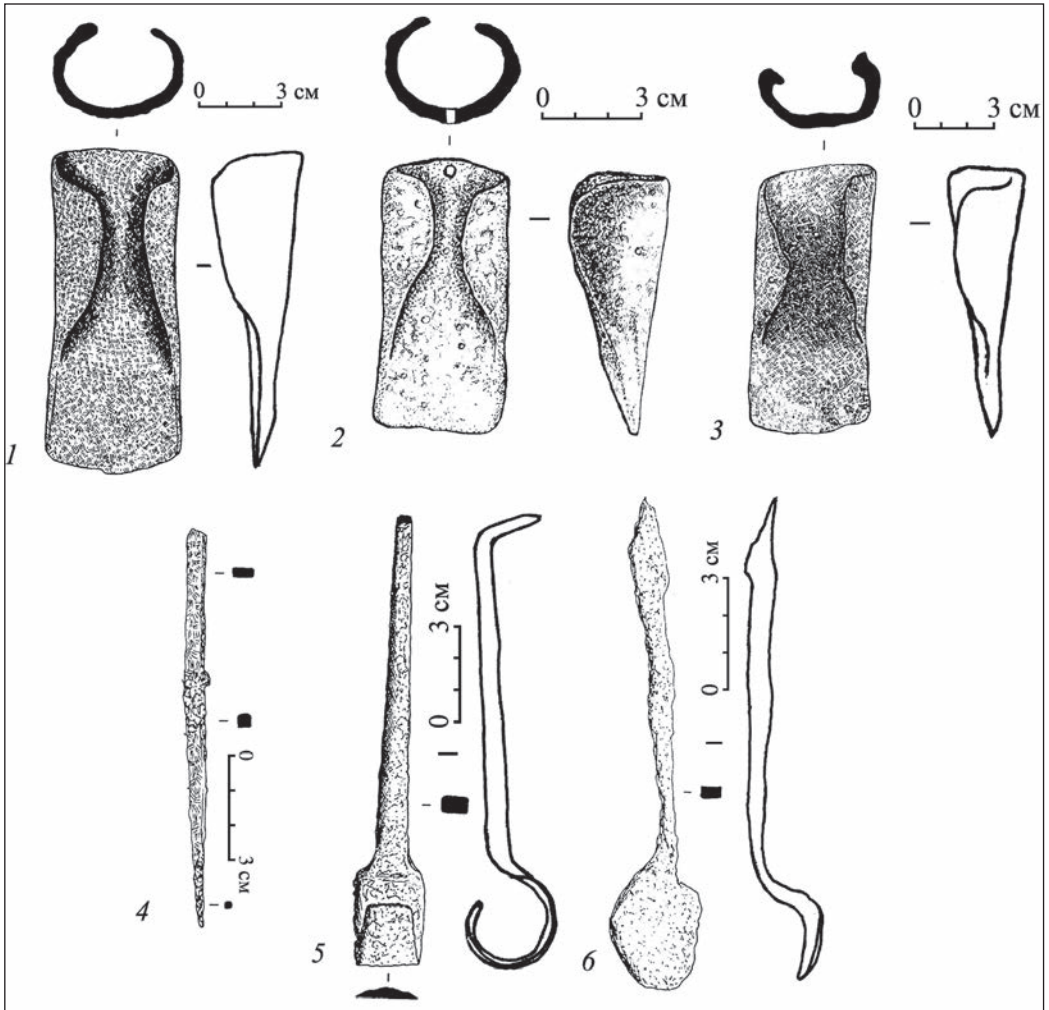

Рис. 1. Железные деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон: 1-3 – тесла (1 – курган №33; 2 – курган №38; 3 – курган №37); 4 – шило (курган №37); 5 – стамеска радиусная (курган №20); 6 – стамеска-клюкарза (курган №15)

Железное тесло (рис. 1.-2) найдено в погребении кургана №33, справа от тазовых костей. Инструмент имеет подпрямоугольный вид и закругленную заднюю стенку с отверстием для крепления к рукояти. Ширина лезвия и ширина несомкнутой втулки имеют равную величину. Сечение лезвия асимметрично. Длина тесла – 8,5 см, ширина лезвия – 4 см, высота закраин втулки равна 6 см.

Железное тесло (рис. 1.-3) найдено в погребении кургана №38, на костях левой ступни, где также зафиксированы остатки рукояти в виде древесного тлена. Оно имеет подпрямоугольный вид и слегка округлую заднюю стенку. Ширина лезвия и ширина несомкнутой втулки равноразмерны. Сечение лезвия имеет асимметричную форму. Длина тесла – 10 см, ширина лезвия – 4,5 см, высота закраин втулки – 6 см.

Режущие-строгающие инструменты

Ножи. Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника лежал в кургане №5, на левой стороне груди погребенного. Изделие неполной сохранности и состоит из пяти фрагментов. Фрагментарность изделия затрудняет точное определение его формы и размеров. Зафиксированная общая длина ножа составляет 11,5 см, длина клинка – 8,8 см, длина черешка – 2,7 см, максимальная ширина клинка – 1,2 см, максимальная ширина черешка – 1 см (рис. 2.-8).

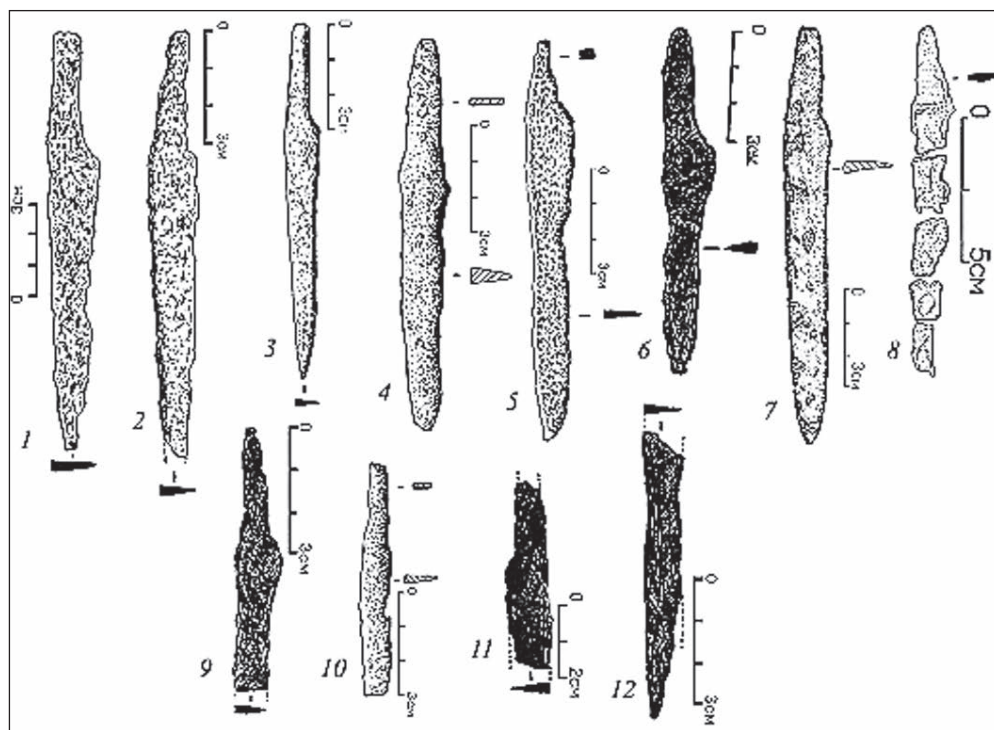

Рис. 2. Бытовые ножи из могильника Верх-Уймон: 1 – курган №11; 2 – курган №19; 3 – курган №20; 4, 10 – курган №33; 5 – курган №32; 6 – курган №30; 7 – курган №37; 8 – курган №5; 9 – курган №28; 11 – курган №31; 12 – курган №29

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника был обнаружен в кургане №11 (кенотаф) среди прочего инвентаря. Общая длина ножа – 13,5 см, длина

клинка – 9,5 см, длина черешка – 4 см, максимальная ширина клинка – 1,5 см, максимальная ширина черешка – 1,3 см (рис. 2.-1).

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника найден в кургане №19, в области правого локтя погребенной. Изделие неполной сохранности (обломано острие клинка). Общая длина изделия – 11,4 см, длина сохранившейся части клинка – 8,4 см, длина черешка – 3 см, максимальная ширина клинка – 1,2 см, максимальная ширина черешка – 1 см (рис. 2.-2).

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника найден в кургане №20, справа от черепа погребенного. Общая длина изделия – 10 см, длина клинка – 7 см, длина черешка – 3 см, максимальная ширина клинка – 1 см, максимальная ширина черешка – 0,7 см (рис. 2.-3).

Железный нож во фрагментах с сечением клинка в виде высокого треугольника обнаружен в кургане №28 (кенотаф?), в яме. Изделие неполной сохранности: клинок сломан. Размеры сохранившегося фрагмента следующие: общая длина – 6,4 см, длина сохранившейся части клинка – 3,7 см, длина черешка – 2,7 см, максимальная ширина клинка – 1 см, максимальная ширина черешка – 0,7 см (рис. 2.-9).

Следующий железный нож представлен фрагментом клинка с сечением в виде высокого треугольника. Он найден в кургане №29, в районе пояса погребенного. Длина сохранившейся части клинка – 6,8 см, максимальная ширина – 1 см (рис. 2.-12).

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника обнаружен в кургане №30 в районе тазовых костей погребенного. Общая длина ножа – 9,7 см, длина клинка – 6,7 см, длина черешка – 3 см, максимальная ширина клинка – 1,5 см, максимальная ширина черешка – 0,8 см (рис. 2.-6).

Железный нож во фрагментах происходит из кургана №31. Найден в районе левой ноги погребенного. Длина сохранившегося фрагмента – 5 см, длина сохранившейся части клинка – 3 см, длина сохранившейся части черешка – 2 см, максимальная ширина клинка – 1 см, максимальная ширина черешка – 0,8 см (рис. 2.-11).

Железный нож зачищен в погребении кургана №32, у изголовья погребенного на каменной плите среди костей животного (овцы?). Общая длина изделия – 12 см, длина клинка – 10,5 см, длина черешка – 1,5 см, максимальная ширина клинка – 1,5 см, максимальная ширина черешка – 0,8 см (рис. 2.-5).

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника обнаружен в кургане №33, справа от тазовых костей погребенного. Общая длина ножа – 11,5 см, длина клинка – 7,5 см, длина черешка – 4 см, максимальная ширина клинка – 1,2 см, максимальная ширина черешка – 1 см (рис. 2.-4).

Железный нож с сечением клинка в виде высокого треугольника был зафиксирован в том же кургане №33, в области левого плеча погребенного. Нож неполной сохранности: острие клинка сломано, изделие сильно коррозировано. Размеры сохранившегося фрагмента следующие: общая длина – 6,8 см, длина сохранившейся части клинка – 5,3 см, длина черешка – 1,5 см, максимальная ширина клинка – 1 см, максимальная ширина черешка – 0,7 см (рис. 2.-10).

Железный нож найден в кургане №37, между кистью правой руки и тазовыми костями погребенного. Общая длина изделия – 13 см, длина клинка – 10,4 см, длина черешка – 2,6 см, максимальная ширина клинка – 1,4 см, максимальная ширина черешка – 1 см (рис. 2.-7).

Стамески. Железная стамеска (рис. 1.-5; фото 1.-1) обнаружена под насыпью кургана №20. Изготовлена из четырехгранного железного прута. Один из концов, оформленный лезвием, выглядит как несомкнутая петля из сильно расплющенного и заточенного по краю прута (1/3 от размера предмета). Ширина лезвия – 2 см. Лезвие должно замкнуть круг диаметром – 2,5 см. Другой конец прута согнут и образует угол 100°. Длина инструмента – 14 см. Размеры стержня стамески в сечении составляют примерно 0,8x0,5 см. Орудие относится к радиусным стамескам [Категории резцов стамесок...].

Фото 1. Стамески из могильника Верх-Уймон:
1 – радиусная стамеска; 2 – стамеска-клюкарза

Железная стамеска (рис. 1.-6; фото 1.-2) обнаружена в погребении кургана №15. В основе она также имела четырехгранный прут. Один конец согнут, расплющен и оформлен округлым плоским лезвием. Второй конец сохранился не полностью. Размеры рабочего края – 3x2,5 см. Длина инструмента – 13,5 см. Размеры сечения стержня стамески – 0,6x0,3 см. Орудие относится к стамескам-клюкарзам [Категории резцов стамесок...].

Режущие-проворачивающие инструменты

Железное шило найдено в погребении кургана №37, под костями таза. Длина инструмента – 12,5 см. В сечении шило имеет размеры: 0,7x0,3 см – в районе предполагаемой рукояти; 0,5x0,5 см – в центральной части; 0,1x0,1 см – в районе острия (рис. 1.-4). Изделие имеет ровные и четкие грани. На более широком конце прослеживаются остатки дерева (от рукояти?).

Обсуждение материалов

Полученные на могильнике Верх-Уймон инструменты, независимо от того, к какой из выделенных категорий они относятся, делятся на универсальные (или полифункциональные) и специализированные. Универсальные орудия представлены двенадцатью ножами и шилом. К специализированным инструментам относятся все остальные – три тесла и две стамески.

Ножи – одна из самых массовых категорий погребального инвентаря. Они имеются как в мужских, так и в женских погребениях. Всего при исследовании верх-уймонских погребений было обнаружено около 30 экз. железных ножей и их фрагментов различных размеров. В данную публикацию вошли ножи предположительно бытового назначения. Конкретные размеры для данного типа изделий установить сложно, поэтому мы сочли возможным отнести к ним верх-уймонские ножи, размеры которых колеблются в пределах 13 см, исходя из того, что к боевым ножам оружейведы относят экземпляры, длина клинка которых не короче 13 см, а толщина – не менее 0,3 см [Горелик, 2003, с. 11; Горбунов, 2006, с. 75].

Верх-уймонские бытовые ножи однотипны: железные, однолезвийные, черешковые, с острым окончанием, без перекрестья, с уступом со стороны лезвия. Большая часть ножей с наклонной рукоятью и выпуклым обушком.

Практически все экземпляры были обнаружены в непосредственной близости с остатками погребальной пищи. В силу своей полифункциональности ножи могли использоваться в различных отраслях производства. Для обработки древесины служили небольшие ножи, преимущественно с узким обушком и острым лезвием, об этом свидетельствуют данные трасологического анализа деревянных изделий из памятников пазырыкской культуры [Мильников, 2008, с. 30].

Всего нами было учтено на Алтае свыше 150 экз. железных черешковых ножей гунно-сарматского времени предположительно бытового назначения [Захаров, 1926; Сорокин, 1977; Глоба, 1983; Мамадаков, 1985; Кубарев и др., 1990; Худяков и др., 1990; Тетерин, 1991; Соенов, Эбель, 1992; Кирюшин и др., 1992; Соенов, Эбель, 1992; Деревянко, Молодин, 1994; Мамадаков, 1995; Кочеев, Суразаков, 2003; Бобров и др., 2003; Соенов, 2003; 2005; Худяков, 2005а–б; Тишкин, Горбунов, 2005; Соенов, 2011; Кирюшин и др., 2011; Суразаков, 1980–1982; 1984–1988; 1990; 1991].

Железный четырехгранный и заостренный стержень из кургана №37, очевидно, являлся шилом. Изделие имело деревянную рукоять, о чем свидетельствуют остатки дерева на конце. В гунно-сарматское время железные шилья имеют почти одинаковые внешние признаки – четырехгранный стержень, заостренный на конце и имеющий деревянную рукоять.

Шило, как и ножи, относится к полифункциональным орудиям, хотя количество направлений его использования значительно меньше. В современном мире шило – игла с рукоятью – используется, например, закройщиками и мастерами по обуви для прокалывания плотных материалов (кожи). Применяется также столярами и плотниками [Шило: Википедия...].

Аналогичное верх-уймонскому изделие было обнаружено на поселении Майма-I. Оно не опубликовано и хранится в г. Горно-Алтайске, в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (инв. №11693/5). Три железных четырехгранных заостренных стержня происходят из слоев гунно-сарматского времени Денисовой пещеры [Деревянко, Молодин, 1994, с. 101, рис. 15.-1–3]. Очевидно, они представляют собой шилья. Железное граненое шило обнаружено в кургане №4 могильника Усть-Бийке [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 58]. Еще один экземпляр был найден при исследовании погребений памятника Яломан-II. Шило было, вероятно, аналогичной формы, но полностью сохранилась только деревянная рукоять. Противоположная часть шила утрачена [Тишкин, 2011, с. 174].

Раннее средневековье	VIII–X вв.								
	VI–VIII вв.								
Гуно-сарматское время									
Ранний железный век									
Эпоха бронзы									

Таблица 1. Эволюция тесел на Алтае: 1 – курган у с. Озерное (по: Кубарев, 2009); 2, 3 – коллекция Н.С. Гуляева (по: [Абдулганеев, 1982]); 4 – с. Уожан (по: [Киреев, 2008]); 5 – пер. Кузюяк (по: [Кудрявцев, 1993]); 6–9 – коллекция Горно-Алтайского республиканского музея (по: [Суразаков, 1997]); 10 – ур. Карасук (по: [Кудрявцев, 1993]); 11 – фонды Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея (по: [Соенов, 2001]); 12 – Майма-I (по: [Абдулганеев, 1998]); 13–15 – Верх-Уймон (к. №38, 33, 37); 16 – Балык-Соок-I, к. 11 (по: [Кубарев, 2005]); 17 – Барбургазы-I, к. №20 (по: [Кубарев, 2005]); 18 – Юстыд-I, к. №8 (по: [Кубарев, 2005]); 19 – Курай-III, к. №1 (по: [Гаврилова, 1965]); 20, 21 – Бике-III, к. №9, 12 (по: [Кубарев, 2005]); 22 – Барбургазы-III, к. №7 (по: [Кубарев, 2005]); 23 – Катанда-II, к. №2 (по: [Гаврилова, 1965]); 24 – Чобурак-I, к. №2, погр. 1 (по: [Бородовский, 1994])

Тесла считаются плотницкими инструментами, применяющимися для выдалбливания различных изделий из дерева (например, корыт, лодок и др.) и вырубки пазов [Тесло: Википедия...]. В археологических памятниках встречаются в мужских погребениях. В научной литературе отражено мнение, согласно которому эти орудия, кроме деревообрабатывающей функции, могли выполнять функцию оружия [Соловьев, 1987, с. 90; Худяков, 1981, с. 120]. Часть исследователей считают тесло универсальным орудием хозяйственных занятий [Могильников, 1981, с. 195; Кызласов, 1969, с. 103; Киселев, 1951, с. 516; Кубарев, 2005, с. 74]. Положение тесел в мужских погребениях связано, вероятно, с профессиональной деятельностью погребенных. Мастер-деревообработчик одинаково профессионально использовал тесло для обработки как крупных деревянных конструкций (погребальных колод, бревен и пр.), так и небольших предметов (посуды), что доказывают исследования следов на votивной погребальной посуде из могильника Курайка [Соенов, Штанакова, 2011а, с. 178–181].

Все верх-уймонские тесла относятся к группе узколезвийных, типу – с несомкнутой втулкой. В памятниках Алтая гунно-сарматского времени аналогичное тесло известно в материалах поселения Майма-I [Абдулганеев, 1998, с. 167, рис. 1.-1]. В научной литературе также имеются упоминания о находках железных тесел среди материалов могильника Степушка-I [Кирюшин и др., 2010, с. 94]. По мнению исследователей, такие тесла бытовали по всей Западной Сибири с I в. до н.э. по IV в. н.э. [Чиндина, 1984, с. 58–59]. Им предшествовали разнообразные бронзовые тесла кельтообразной формы – кельты-лопатки, кельты-тесла с пещеркой, с двумя боковыми ушками, с одним ушком на лицевой части, с петельками и т.д. (табл. 1), которые продолжали существовать на Алтае на протяжении всего I тыс. до н.э. В зависимости от способа насада на рукоять они могли использоваться как тесла или как топоры [Бобков, 1985].

Знакомство населения Алтая с железом, главным образом, как материалом для изготовления предметов вооружения и орудий труда произошло еще в I тыс. до н.э., а почти полный переход от бронзолитейного производства к железоделательному произошел в начале I тыс. н.э. [Худяков, 1989, с. 35]. С широким распространением железа на смену бронзовым кельтам-теслам приходят железные тесла и топоры. Железные узколезвийные тесла с несомкнутой втулкой, появившиеся в предтюрокское время, продолжают встречаться и в памятниках раннего средневековья (VI–VIII вв.) как Алтая (табл. 1), так и его предгорий и лесостепи, Тувы и Минусинской котловины [Кубарев, 2005, с. 72; Нестеров, 1981, с. 168–172]. Примерно с VIII в. н.э. форма железных тесел несколько изменяется [Нестеров, 1981, с. 171–172], что было связано, по всей видимости, с упрощением технологии их изготовления.

Наибольший интерес представляют две верх-уймонские специализированные стамески из курганов №15 и 20: радиусная стамеска и плоская стамеска-клюкарза с характерным ступенчатым изгибом (рис. 1.-5–6). Обе разновидности стамесок считаются ложкорезами и применяются в основном для производства различных элементов столовой посуды и ложек. В функциональном отношении радиусная стамеска предназначена для выборки углублений в посуде. Стамеска-клюкарза применялась для оформления, более тщательной проработки внутренней части дна глубокой посуды. Ступенчатое устройство лезвия клюкарзы позволяло производить более качественную подработку. В технологической последовательности применяется после работы радиусной стамеской [Категории резцов стамесок...]. Деревянные изделия, при изготовлении которых

могли применяться такие инструменты, фиксируются в погребальных памятниках Алтая. Так, в кургане №227 могильника Балыктыюль (за черепом погребенного и в бронзовом котле) обнаружен деревянный кувшин, вырезанный из нароста и имеющий яйцевидный корпус, слегка вогнутое дно и на середине высоты небольшую вертикальную ручку. Там же находился обломок боковины деревянной чаши [Сорокин, 1977, с. 58]. В погребении кургана №35 могильника Булан-Кобы-IV найдены остатки деревянной чашки диаметром 6 см [Мамадаков, 1985, с. 178]. В кургане №100 могильника Курайка выявлены фрагменты чашки-пиалы [Соенов, Эбель, 1998, с. 116; Соенов, Штанакова, 2011а, с. 180–181]. При изучении погребения 5 могильника Бош-Туу-1 в изголовье был обнаружен вырезанный из цельного куска дерева сосуд с боковой кольцевидной ручкой [Могильников, Суразаков, 1995, с. 63]. В кургане №31 могильника Яломан-II был обнаружен деревянный сосуд из березового нароста – деревянная кружка [Тишкин, 2011, с. 174].

Однако сами ложкорезы пока не имеют аналогий в памятниках Алтая и сопредельных регионов гунно-сарматского времени*. Ближайшим по хронологии экземпляром является ложкорез, относящийся к мазунинской культуре Прикамья и датируемый III–V вв. н.э. [Останина, 1997, с. 284] (рис. 3.-6). Наиболее ранний ложкорез, найденный в Западной Сибири, отнесен исследователями к саргатской культуре и датирован V–III вв. до н.э. (рис. 3.-1) [Степная полоса Азиатской части СССР..., 1992, с. 473, табл. 123]. Но основные аналогии ложкорезам имеются в более поздних памятниках Евразии, относящихся к культурам раннего средневековья (V–X вв. н.э.): бахмутинской (рис. 3.-3) [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 116], восточно-славянской (рис. 3.-5, 7) [Седов, 1982, с. 239], салтово-маяцкой (рис. 3.-4) [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 149].

Характеризуя комплекс деревообрабатывающих орудий населения Горного Алтая гунно-сарматского времени, стоит опираться на две группы источников – инструменты и следы их воздействия на изделия. Первая группа источников позволяет говорить, что в арсенале деревообработчика были лезвийные орудия, очевидно, ножи; орудия для их заточки – точильные бруски [Захаров, 1926, с. 79; Соенов, Эбель, 1998, с. 115; Кочеев, Суразаков, 2003, с. 71; Бобров и др., 2003, с. 176; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 58; Акимова (Вдовина), 2008, с. 42; Соенов и др., 2011, с. 54]; напильники [Древние культуры..., 1994, с. 104, рис. 95, 1]; тесла; разновидности узкоспециализированных стамесок; шилья. Данные по второй группе источников подтверждают использование таких орудий при обработке древесины.

Сравнительный анализ деревообрабатывающего инструментария в скифское и гунно-сарматское время затруднен отсутствием находок инструментов в памятниках пазырыкской культуры. Поэтому важную роль в определении состава деревообрабатывающего инструментария сыграли данные трасологии [Семенов, 1956; Мыльников, 1999, 2008]. Деревообработка «пазырыкцев» была на довольно высоком уровне. Помимо широко используемых тесел, топоров, долот, шильев и шлифовальных орудий, исследователи отмечают применение сверл-перок и коловорота [Семенов, 1956]. Применение последних в гунно-сарматское время в деревообработке пока не отмечалось исследователями, что связано, скорее всего, с плохой сохранностью деревянных изделий. Свидетельства использования встречного сверления в тот период мы довольно часто встре-

* Когда статья была уже подготовлена к публикации нам стало известно, что в 2010 г. на могильнике булан-кобинской культуры Степушка-1 на Урсуле барнаульскими коллегами была раскопана могила с набором ремесленного инструментария, среди которых были железные стамески. Благодарим А.А. Тишкина и С.С. Матренина за предоставленную информацию о неопубликованных материалах.

чаем на изделиях из других, более долговечных, материалов: кость, зубы, когти [Соенов, Штанакова, 2011б, с. 197–211; Соенов и др., 2011, с. 52–54; Кубарев и др., 1990, с. 43–93; Соенов, Эбель, 1992, с. 19–27; Худяков, 2005, с. 480–484; Глоба, 1983, с. 116–121].

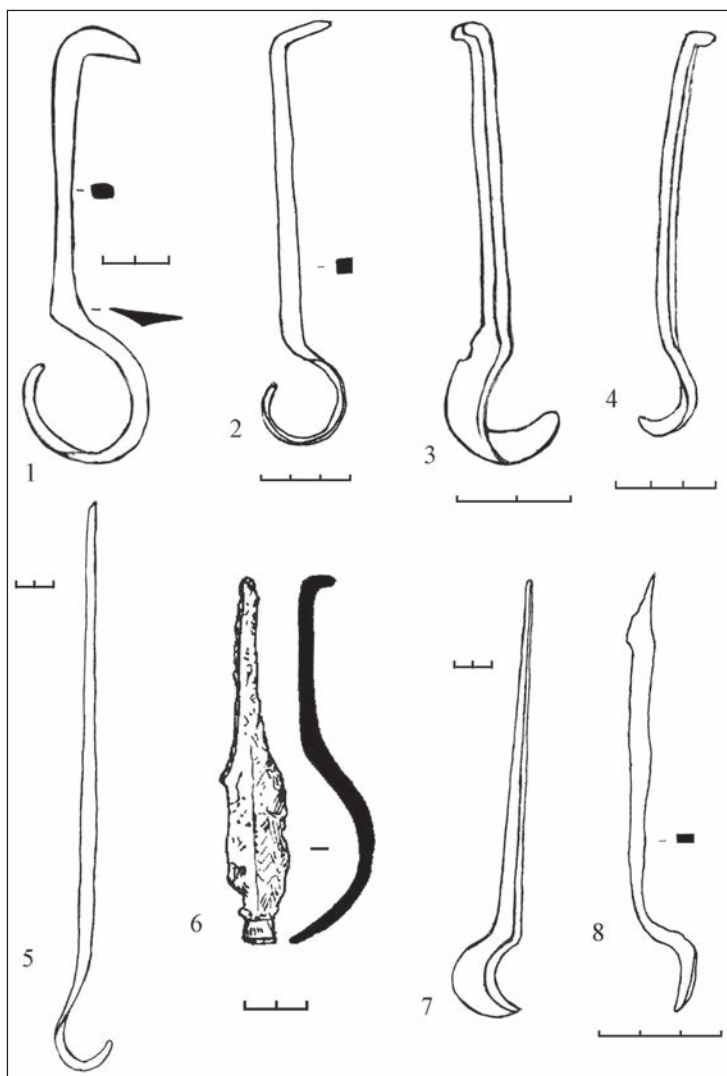

Рис. 3. Стамески из археологических памятников: 1 – саргатская культура (по: [Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992]); 2, 8 – булан-кобинская культура; 3 – бахмутинская культура (по: [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981]); 4 – салтово-маяцкая культура (по: [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981]); 5, 7 – роменско-борщевская культура (по: [Седов, 1982]); 6 – мазунинская культура (по: [Останина, 1997])

Таким образом, в гунно-сарматское время происходит изменение форм орудий (тесла с несомкнутой втулкой) и появление узкоспециализированных инструментов (для производства посуды и, возможно, других емкостей), позволяющих при последо-

вательном использовании довести изделие до совершенства. Во всяком случае, такие инструменты в предшествующей пазырыкской культуре пока не зафиксированы, хотя похожие булан-кобинским формы сосудов в погребениях «пазырыкцев» встречаются. Одним из главных изменений деревообрабатывающего инструментария в гунно-сарматское время становится материал для их изготовления – железо. Подтверждения использования железных орудий в пазырыкский период пока нет, все случайно найденные инструменты для обработки дерева изготовлены из бронзы.

Заключение

В начале I тыс. н.э. техника и технология деревообработки продолжают изменяться и совершенствоваться. Исследователями отмечается появление и распространение гуннской традиции в обработке дерева, что могло быть вызвано такими причинами, как пребывание на Алтае одной из групп хунну либо населения, испытавшего на себе их влияние, а также возможным попаданием Алтая под политическое влияние государства хунну [Мыльников, 2008, с. 63; Молодин, Мыльников, 1999, с. 452]. Традиции обработки дерева гунно-сарматского времени отражены в технико-технологических особенностях погребальных сооружений [Мыльников, 2008, с. 63]. Все эти изменения в традициях обработки дерева, главным образом, связаны с качественными изменениями в составе инструментария. В это время не происходит появления новых орудий, но уже имеющиеся были значительно усовершенствованы. Это касается, в первую очередь, широкого распространения железа в производстве орудий труда. Изменяется и форма инструментов. В частности, появляется тесло с несомкнутой втулкой (ранее были известны только бронзовые кельты-тесла) и узкоспециализированные лезвийные орудия (стамески), предназначенные для производства конкретных разновидностей предметов, в нашем случае, глубокой посуды. Использование таких инструментов подтверждается находками в погребениях глубокой деревянной посуды типа кружкообразных сосудов с круглым дном, кувшинов, чаш, ковшей и пр.

Узкоспециализированные инструменты появляются только при развитом ремесленном производстве. Деревообработка на Алтае в гунно-сарматское время, возможно, еще не выделяется в самостоятельное ремесленное производство, а продолжает в какой-то мере существовать в рамках домашних производств [Тишкин, Мыльников, 2007, с. 165]. Но произошедшие трансформации в составе орудий, появление узкой специализации в деревообрабатывающем инструментарии отражают процесс выделения деревообрабатывающего ремесла в самостоятельную сферу деятельности.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 52–77.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 165–171.

Акимова (Вдовина) Т.А. Поселение Урлу-Аспак-1 в Майминском районе Республики Алтай // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. Вып. 7. С. 37–42.

Бобков В.А. Способы крепления кельтов-топоров в скифское время // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд. КемГУ, 1985. С. 51–58.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

- Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Варенов А.В. Кельты-лопатки Сибири, Китая и восточного Туркестана и возможные истоки сейминской металлургии // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 18–21.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 113 с.
- Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: Изд. ГАНИИИЯЛ. 1983. С. 116–126.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. Л.: Государственный Эрмитаж, 1950. 90 с.
- Дервянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1994. 260 с.
- Дьяконова В.П. Некоторые палеоэтнографические черты в традиционной культуре тувинцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 198–212.
- Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 1. С. 71–106.
- Категории резцов стамесок. Древпортал: пиломатериалы деревообработка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dre.vportal.ru/stolyar/public/22/>.
- Киреев С.М. Случайные находки археологических предметов из Горной и предгорной зон Алтая // Анохинские чтения: мат. V науч. конф., посвящ. 90-летию НМРА. Горно-Алтайск: Изд. НМРА, 2008. С. 36–49.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катуні // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд. БГПИ, 1992. С. 125–130.
- Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г.: мат. VII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаборатории исторического краеведения. Барнаул: Изд. АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 92–98.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.
- Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2003. №10. С. 70–83.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 219 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 201 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1990. 190 с.
- Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Киреев С.М. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кудрявцев П.И. Новые случайные находки бронзовых кельтов в Горном Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. I. С. 144–146.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 210 с.
- Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки на могильнике Катанда-3 // Проблемы охраны, использования и изучения культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 125–131.
- Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–189.

- Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 194–200.
- Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.: Наука, 1995. С. 62–74.
- Молодин В.И., Мыльников В.П. Верх-Кальджин-2 и проблемы деревообработки у носителей пазырыкской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. Т. V. С. 446–453.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: Триумф принт, 2012. 566 с.
- Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 364 с.
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 232 с.
- Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 168–172.
- Останина Т.И. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
- Полосьяк Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 336 с.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника / пер. с нем. К.Д. Цивиной и Б.Е. Чистовой. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 350 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.
- Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана №11, могильника Берел). Алматы: БЕРЕЛ, 2003. 312 с.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Семёнов А.И. Ксилотомические анализы материалов гуннского облика из пещеры Камтыттукем // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 147–149.
- Семенов А.И. Обработка дерева на древнем Алтае // Советская археология. 1956. Т. 26. С. 204–230.
- Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2003а. 159 с.
- Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Чемальском, Шебалинском, Онгудайском, Кош-Агачском, Улаганском, Усть-Канском районах Республики Алтай и раскопки на могильнике Верх-Уймон в 2003 году. Горно-Алтайск, 2003б // Архив ИА РАН.
- Соенов В.И. Новое поступление бронзовых изделий в фонды ГАРКМ // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2001. №7. С. 54–56.
- Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Чемальском, Майминском, Улаганском, Кош-Агачском, Усть-Канском районах Республики Алтай и раскопки на могильнике Верх-Уймон в 2004 году. Горно-Алтайск, 2005 // Архив ИА РАН.
- Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных раскопках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году. Горно-Алтайск, 2011 // Архив ИА РАН.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 157–158.
- Соенов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 22 с.
- Соенов В.И. Продолжение охранных раскопок на могильнике Верх-Уймон в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 201–202.
- Соенов В.И. Разведки в Горном Алтае и раскопки на могильнике Верх-Уймон // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 486–487.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2000. №5. С. 48–62.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 169–171.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2011. 228 с.

Соенов В.И., Штанакова Е.А. Деревянная посуда из погребений могильника Курайка // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011а. Вып. 6. С. 177–186.

Соенов В.И., Штанакова Е.А. Косторезное дело населения городища Нижний Чепош-3 (Горный Алтай) // European social science journal (Европейский журнал социальных наук). 2011б. №4. С. 197–211.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 114 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 157–158.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1998. №3. С. 113–135.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 192 с.

Сорокин С.С. Погребения «эпохи великого переселения народов» в районе Пазырыка // АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Степи Евразии в эпоху средневековья / под ред. С.А. Плетневой. М.: Наука, 1981. 305 с. (Археология СССР).

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / под ред. М.Г. Мошковой. М.: Наука, 1992. 496 с. (Археология СССР).

Столярная мастерская [Электронный ресурс] // <http://www.drevportal.ru/stolyar/public/22/>.

Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1997. №2. С. 85–93.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1980 года. Горно-Алтайск, 1980 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1982 г. Горно-Алтайск, 1991 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1984 года. Горно-Алтайск, 1984 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1985 г. Горно-Алтайск, 1985 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1986 г. Горно-Алтайск, 1986 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1987 г. Горно-Алтайск, 1987 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1988 г. Горно-Алтайск, 1988 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1989 г. Горно-Алтайск, 1990 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Суразаков А.С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1990 г. Горно-Алтайск, 1991 // Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова.

Тесло: Википедия [Электронный ресурс] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E5%F1%EB%E6>.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян новый памятник предтюрокского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 155–157.

Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 195–201.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана №31 памятника Яломан-II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №1(33). С. 93–102.

Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II (Горный Алтай) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.

Тишкин А.А. Программа ксилотомических исследований археологических находок из древних и средневековых памятников Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 330–332.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Начало изучения комплекса деревянных изделий булан-кобинской культуры Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история изучения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 159–165.

Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 115–132.

Худяков Ю.С. Процесс перехода от бронзолитейной к железоделательной технологии в оружейном производстве в Западной и Южной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд. ТюмГУ, 1989. С. 25–41.

Худяков Ю.С. Могила изгоя в урочище Улуг-Чолтух // Природа. 2005а. №5. С. 63–66.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2005 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005б. Т. XI, ч. I. С. 480–484.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Шило: Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D8%E8%EB%E8>.

V.I. Soenov, E.A. Konstantinova
WOOD-WORKING TOOLS
FROM VERKH-UIMON BARROW (Altai)

The article evaluates the level of crafts development among the population of the Bulan-Koba culture of Altai during the Gunno-Sarmat period (2nd century BC – 5th century AD) and considers a range of iron wood-working tools found in the Verkh-Uimon barrow. These tools are represented by adzes, cutter-crank awls, cutter-chipper knives and chisels. The findings of specialized tools (radius chisel and spoon chisel) serve as an important and definite indicator of the developed wood-working handicrafts among the population of the Bulan-Koba culture. The uses of these tools can be supported by the following findings from the barrows: hollow woodenware such as cup-shaped containers with round bottoms, jars, bowls, scoops etc. In the opinion of the authors the use of specialist chisels by the Bulan-Koba people makes wood-working handicrafts a separate sphere of activity. Various polyfunctional edge tools, instruments for their sharpening and items with the traces left from processing are also characteristic of developed wood-working handicrafts.

Keywords: Altai, the Gunno-Sarmat period, Verkh-Uimon, barrow, the Bulan-Koba culture, crafts, wood-working, tools.

УДК 904:397

К.А. Руденко

Государственный университет культуры и искусств, Казань, Россия

**О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОЧЕВЫХ УГРОВ
И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
«В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ»
(по материалам Тетюшского II городища в Татарстане)**

Археологическая культура кочевых угров была выделена в 1960–1970-е гг. в Южном Приуралье и Среднем Поволжье. Это кушнаренковская и чияликская археологические культуры. К «эпохе Великого переселения народов» относится кушнаренковская археологическая культура. Датируется она VI–VII вв. н.э. Основной ареал распространения кушнаренковской культуры – Южный Урал. Считалось, что угорские кочевники дошли в VII в. только до Волги. Раскопки на Тетюшском II городище в Республике Татарстан в 2007–2013 гг. дали новые материалы, относящиеся к периоду «Великого переселения народов» и изменившие эту гипотезу. Тетюшское II городище расположено на северной окраине г. Тетюши Тетюшского района Татарстана. В 2007–2013 гг. там была раскопана площадь в 444 кв. м. Культурный слой имеет мощность в 1,5–2 м. Раскопки показали, что поселение на этом месте возникло в эпоху позднего бронзового века – начале раннего железного века (в IX–VIII вв. до н.э.). Своего расцвета поселение достигло в VI–VII вв. Этот период представлен материалами именьковской археологической культуры. Важные результаты получены при тщательном изучении стратиграфии этого археологического объекта. Выделено шесть стратиграфических слоев, из них три слоя относятся к VI–VIII вв. н.э. Кушнаренковская керамика (около 50 артефактов) была найдена на раскопах I, V, VII, VIII и IX в стратиграфических слоях, относящихся к периоду именьковской культуры. Для исследования были взяты 20 фрагментов кушнаренковской керамики с характерным орнаментом. Установлено, что керамика угров попала в культурный слой в VII в. Доказано, что кочевники-угры в VII в. продвинулись не только до Волги, но и пересекли ее. Они мирно жили вместе с аборигенным населением именьковской культуры. Ранее считалось, что они разрушили поселения аборигенов. Раскопки Тетюшского II городища показали, что появление кочевников не изменило жизни его обитателей до начала VIII в.

Ключевые слова: Тетюши, Татарстан, Урал, угры, раннее средневековье, археология, кушнаренковская культура, именьковская культура, миграция, кочевники.

DOI: 10.14258/traï(2013)2(8).-05

Вопрос о роли угров в истории Волго-Камья и их археологическом выражении волнует научную общественность не первое десятилетие [ПАДИУ, 1972]. Накопилась обширная историография этого вопроса (см.: [Казаков, 2007]), которая требует отдельного исследования. Однако особенно бурные дискуссии и повышенное внимание к этой проблеме вызвали недавняя публикация коллективной монографии, посвященной истории и материальной культуре южноуральских угров [Белавин и др., 2009], и открывшаяся полемика по ряду высказанных в ней положений [Мельничук, Чагин, 2010; Никитина, 2010, с. 234–247; Белавин, Иванов, 2011, с. 173–180; Пастушенко, 2011, с. 144–150].

В настоящее время с угорским этносом в Приуралье в эпоху средневековья связываются кушнаренковская (караякуповская) [Иванов, 2008, с. 149] и чияликская культуры. Причем последнюю из них, ранее датированную преимущественно золотоордынским временем [Казаков, 1978], сейчас относят к XI–XV вв. [Гарустович, 1998]. Считалось, что основной ареал распространения материалов, связанный с этими культурами, приходится на Южный Урал, а западной границей находок является Икско-Бельское междуречье. Исследования последних лет на Тетюшском II городище, расположенном на правом берегу Волги вне зоны распространения находок кушна-

ренковского круга, дали достаточно представительную коллекцию кушнаренковской керамики и предметов кушнаренковского комплекса, что позволило взглянуть по-иному на данную проблему.

Тетюшское II городище расположено на северной окраине г. Тетюши Тетюшского района Татарстана. Раскопки 2007–2013 гг. (вскрыта площадь 444 кв. м) показали, что поселение на этом месте возникло в период поздней бронзы – начале раннего железа, но своего расцвета достигло в другую эпоху – в VI–VII вв. Это время представлено на городище материалами преимущественно именьковской культуры. Обитаемо оно было и позже – в XI–XIV вв. В XV–XVI вв. там функционировал небольшой некрополь, а с XVII в. это место уже не застраивалось и не использовалось под хозяйственные нужды. В отличие от многих памятников именьковской культуры, городище имеет помимо культурного слоя, достигающего мощности 1,5–2 м, еще и четкую стратиграфию (выделено шесть стратиграфических слоев, из которых три относятся к VI–VIII вв. н.э.: III, IV ранний (IVр) и IV поздний (IVп)) [Руденко, 2010, с. 83–104]. Последний фактор дает возможность анализировать не только общую выборку артефактов, но и учитывать слои, в котором они залегают, и соответствующий археологический контекст.

Фрагменты керамики кушнаренковской культуры (около 50 экз.) были зафиксированы на раскопах I, V, VII, VIII и IX [Руденко, 2010, с. 94, илл. 122; 2011, с. 121] (рис. 1; 2) преимущественно в слоях, относящихся к именьковскому времени. Для анализа были взяты 20 фрагментов орнаментированных венчиков (приложение).

На раскопе I (рис. 2) найдены два фрагмента таких сосудов (приложение, №4–5) (рис. 3.-1–2). Они связаны с верхней частью заполнения ямы №4, датированной VII в. н.э. по находке бронзовой сьюльгамы и крупной бусины из раковины морского моллюска [Руденко, 2010, с. 40, 28, 96, илл. 45, 55; 56, рис. 27.-3–4]. Еще два фрагмента обнаружены на раскопе V (приложение, №19, 20) (рис. 3.-3–4). Причем один фрагмент найден в верхней части заполнения ямы №1 [Руденко, 2011а, с. 127, 128, рис. 36.-1, №21; 37.-1, №2; 2], датированной по серебряной накладке концом VI – 1-й третью VII в. [Руденко, 2010, с. 97].

Больше всех фрагментов кушнаренковских сосудов приходится на VII раскоп (9 экз.) (приложение, №6–14) (рис. 4). Они происходят из нижнего горизонта III слоя – темно-серой рыхлой супеси, за исключением фрагмента с участка 8 (рис. 4.-2), где он находился в слое серой супеси (IVп слой). Причем на участках 2 и 7 фрагменты кушнаренковской керамики перекрывают верхнюю часть заполнения ямы №4 этого раскопа (датированную предварительно VI – началом VII в.) и в силу естественного проседания грунта в яме зафиксированы на большей глубине. Находки кушнаренковской керамики с раскопа VII следует рассматривать в данном случае как единовременные, что косвенно подтверждается тем, что на уровне третьего пласта не обнаружено ни одного такого артефакта.

На раскопе VIII (рис. 2) найдены четыре фрагмента кушнаренковской керамики (приложение, №15–18) (рис. 5.-1–2, 6–7). Они происходят из III стратиграфического слоя. На раскопе IX было обнаружено три фрагмента кушнаренковской керамики и подражений ей (приложение, №1–3) (рис. 5.-3–5). Они зафиксированы на глубинах от –50 и до –80 см (с учетом естественного перепада высот на раскопе) в слое серой и светло-серой супеси. Это соответствует III слою и границе III–IVп стратиграфических слоев. Данные артефакты могут быть датированы VI–VII в. – временем формирования этих отложений.

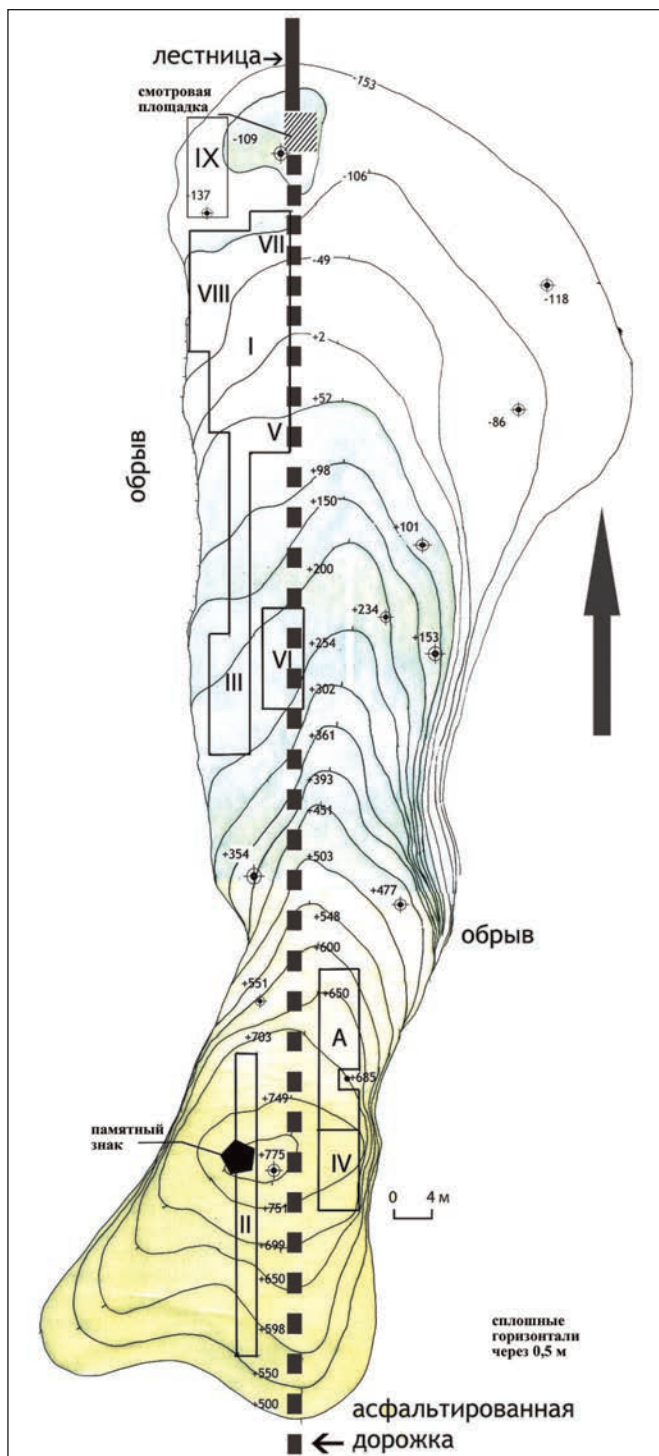

Рис. 1. Тетюшское II городище. Расположение раскопов I–IX

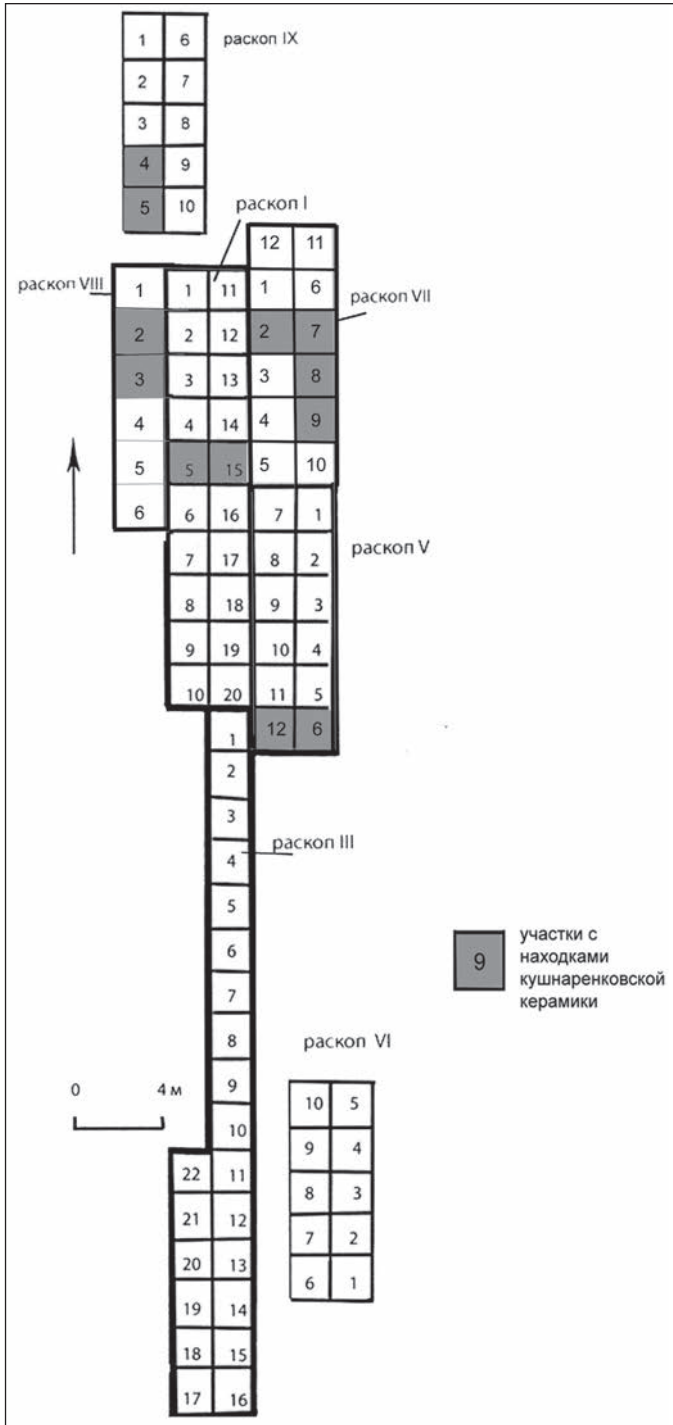

Рис. 2. Схема расположения раскопов на Тетюшском II городище с обозначением участков, где были найдены фрагменты кушнаренковской керамики

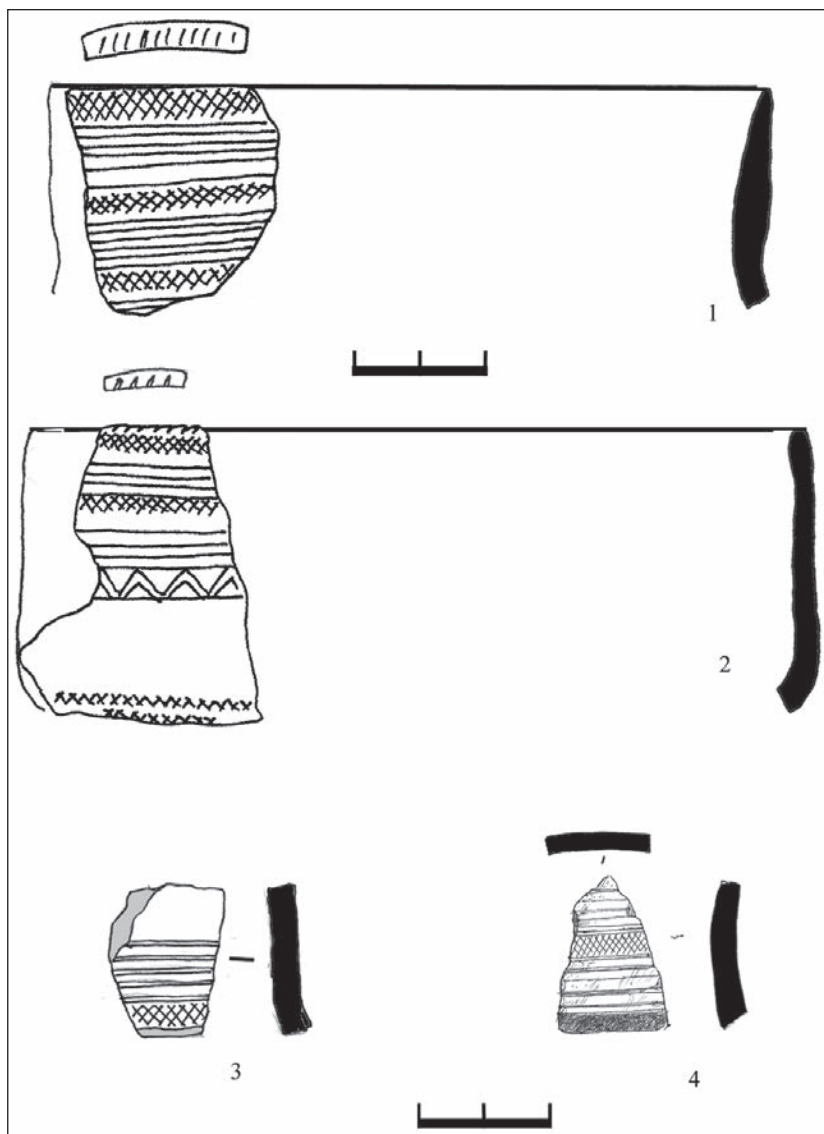

Рис. 3. Тетюшское II городище. Кушнаренковская керамика. 1 – р. I, уч. 5, пласт 3; 2 – р. I, уч. 15, пласт 2; 3 – р. V, уч. 6, пласт 2; 4 – р. V, уч. 12, пласт 3, №21, –56 см

Наблюдения над планиграфией и стратиграфией находок кушнаренковской керамики на раскопах показывают, что на площади городища (по материалам исследованных его участков), фрагменты кушнаренковской керамики встречены преимущественно в северо-западной части памятника (рис. 2). Как правило, они относятся к III стратиграфическому слою, сформировавшемуся в конце VI – VIII в. [Руденко, 2010, с. 93–94]. Учитывая контекст залегания рассматриваемых находок, можно сузить период выпадения рассматриваемой кушнаренковской керамики в культурный слой до середины – 2-й половины VII в.

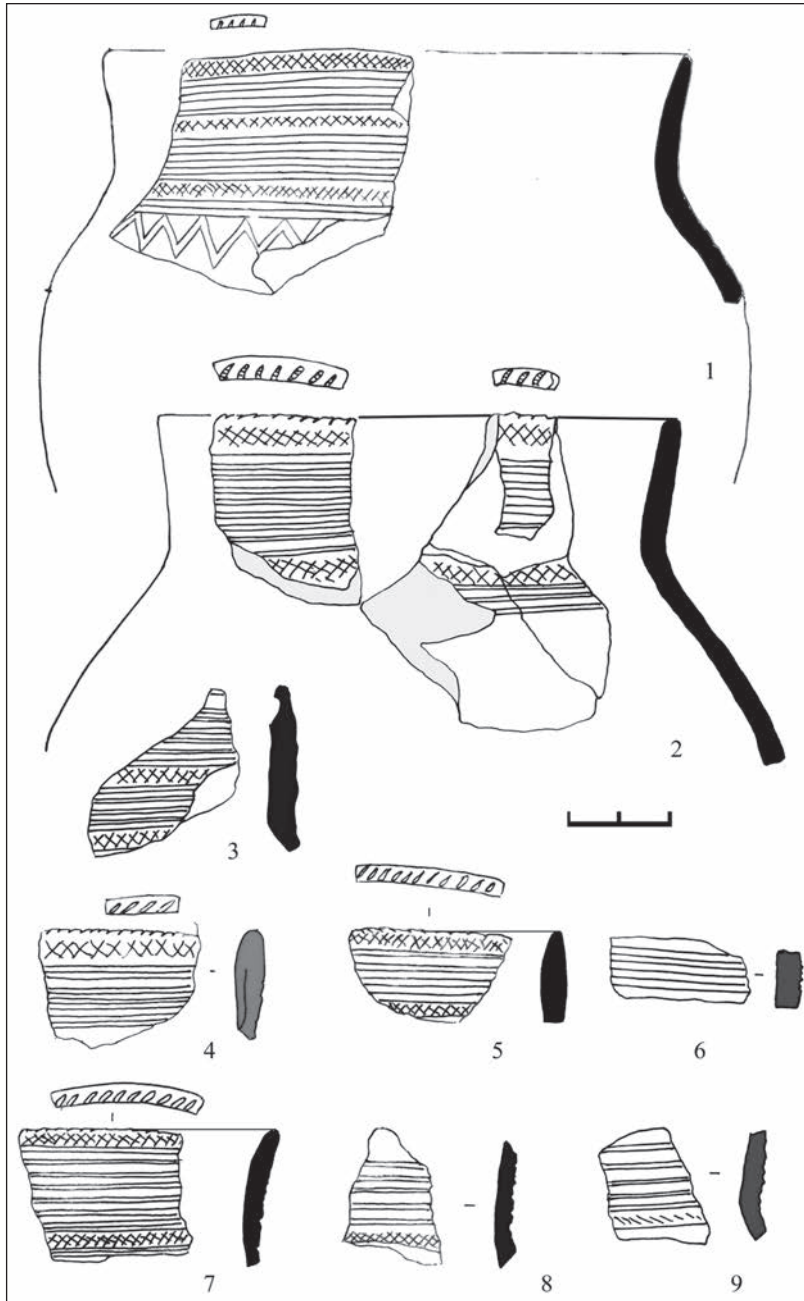

Рис. 4. Тетюшское II городище. Кушнаренковская керамика: 1 – р. VII, уч. 7, пласт 1 (инв. №4397/2); 2 – р. VII, уч. 8, пласт 2, №9, –85 см (инв. №4397/28); 3 – р. VII, уч. 7, пласт 4, №49, –121 см (инв. №4397/49); 4 – р. VII, уч. 8, пласт 2, №11, – 83 см (инв. №4397/29); 5 – р. VII, уч. 2, пласт 2, №16, –110 см (инв. №4397/31); 6 – р. VII, уч. 7, пласт 4, №48, –125 см (инв. №4397/50); 7 – р. VII, уч. 9, пласт 2, №6, –62 см (инв. №4397/27); 8 – р. VII, уч. 7, пласт 2, №17, –104 см (инв. №4397/32); 9 – р. VII, уч. 7, пласт 4, №56, –118 см (инв. №4397/6)

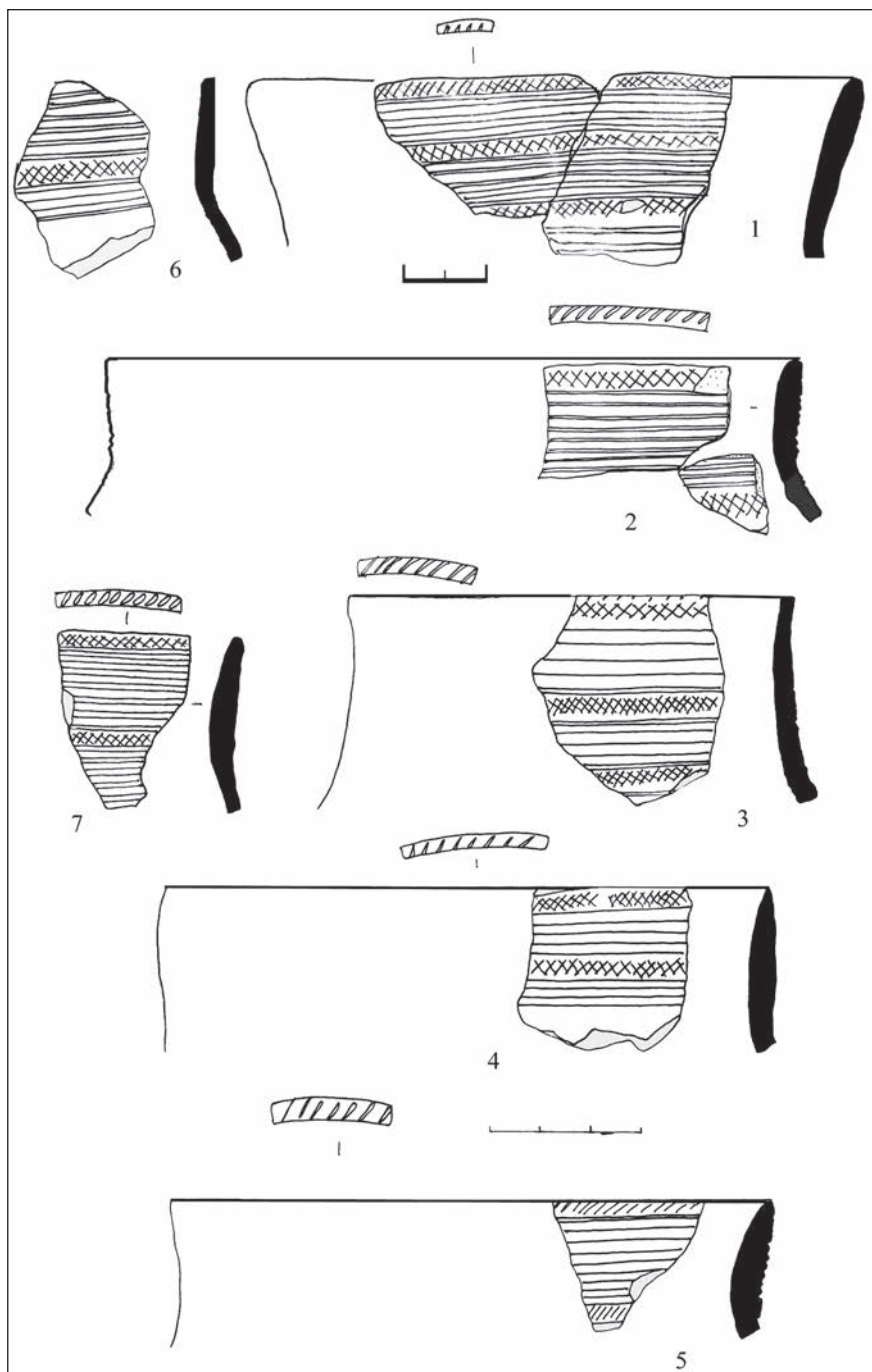

Рис. 5. Тетюшское II городище. Кушнаренковская керамика:
 1 – р. VIII, уч. 3, пласт 2 (инв. №4397/99); 2 – р. VIII, уч. 2, пласт 3 (инв. №4397/102,103);
 3 – р. IX, уч. 4, пласт 1, №4, –49 см; 4 – р. IX, уч. 5, пласт 2; 5 – р. IX, уч. 5, пласт 3;
 6 – р. VIII, уч. 3, пласт 2 (инв. №4397/100); 7 – р. VIII, отвал (инв. №3074/2960)

Имеющиеся фрагменты принадлежат нескольким категориям (группам) сосудов. Горшковидные (рис. 4.-1; 2; 5.-1, 3, группа I); чашевидные (рис. 3.-1–2; 5.-2, группа II). По форме горла можно рассматривать несколько отделов: с раструбообразным (А), цилиндрическим (Б); усеченно-коническим (В). По форме среза венчика различаются артефакты с прямым (рис. 5.-3), приостренным (рис. 5.-4), округлым (рис. 4.-1–2) срезом. Сами венчики также довольно разнообразны: утолщенные в средней (рис. 5.-5), верхней (рис. 4.-7; 5.-2) части или равномерно утолщенные (рис. 4.-1).

Подавляющее большинство сосудов выполнено из хорошо отмученного теста без видимых примесей. Сосуды тонкостенны – толщина венчика и стенок не превышает 0,5–0,6 см. Внешняя поверхность хорошо заглажена, иногда подлощена. Однако есть и исключения. Так в тесте двух сосудов (горшковидной и чашевидной формы) имеется примесь органики (рис. 5.-1, 6); у одного (чашевидной формы) – мелкого шамота (рис. 5.-4). При этом как форма, так и орнаментика совершенно идентичны другим сосудам.

Орнаменты стандартны: линейные мотивы, наклонные насечки, наклонный крест, зигзаг (на двух сосудах: рис. 3.-2; 4.-1), мелкая косая сетка. Все они нанесены гравировкой и резьбой. В единственном случае оттиски по венчику выполнены мелким штампом (рис. 4.-2). При этом на многих сосудах имеются и дополнительные декоративные приемы – чуть выпуклые уплощенные валики на шейке, шириной 0,5–0,6 см. На них собственно и наносилась штриховка в виде мелкой косой сетки (рис. 4.-5, 7; 5.-1, 3, 5). Композиция рисунка проста: два–три валика, украшенных мелкой косой сеткой, пространство между которыми заполнено тонкими резными параллельными линиями. На срезе венчика – почти всегда косые насечки. Есть определенная зависимость орнамента и формы. Большая часть горшковидных сосудов с относительно высокой шейкой (около 3,5 см) украшена тремя рядами орнаментальных полосок мелкой косой сетки в сочетании с резными линиями. Чашевидные сосуды чаще всего украшены двумя орнаментальными полосками мелкой косой сетки и резными линиями. Есть и исключения (1 экз.; рис. 3.-1).

Орнамент на сосудах редко выходит за пределы шейки сосудов, хотя на двух фрагментах можно увидеть штриховку на плечике, как и несколько резных линий (рис. 4.-2; 5.-2). Два сосуда сходны одним орнаментальным мотивом: зигзагом (рис. 3.-2; 4.-1), хотя они совершенно различны по форме.

Аналогии кушнаренковским сосудам Тетюшского II городища достаточно многочисленны, хотя здесь прослеживается определенная специфика. На памятниках Западного Закамья известно несколько фрагментов кушнаренковской керамики из сборов подъемного материала на расположенных в пойменной части притоков Камы и разрушенных водохранилищем поселении Курган и Щербетьском островном селище. В большем количестве фрагменты кушнаренковской посуды выявлены на поселениях Восточного Закамья, например, на I Татазибейском селище [Казаков, 1981, с. 132, рис. 10.-7] и Меллятамакском археологическом комплексе. Датировка их достаточно широкая – VI–VIII вв. Близкие по орнаментации фрагменты кушнаренковской керамики (вместе с керамикой именьковского типа) встречены на памятниках Южной Удмуртии VII в., в частности, Кузубаевском городище [Останина и др., 2007, с. 227–230, рис. 12; Останина и др., 2011, 99–104, 194, рис. 29], а также в Башкирии, например, на городище Уфа-II [Мажитов и др., 2009, с. 125, 358–361, рис. 236–239].

В целом рассматриваемые фрагменты с Тетюшского II городища по декору можно соотнести с керамикой манякского этапа кушнаренковской культуры, по Е.П. Ка-

закову, – конец VII–VIII вв. н.э. и даже отчасти хусаиновского – VIII–IX вв. [Казаков, 2007, с. 35–36, рис. 17; Иванов В.А., 2009, с. 180, табл. 1]. Г.И. Матвеева [2007, с. 76] датирует памятники манякского типа VII в.

Вместе с тем абсолютного совпадения рассмотренных артефактов с Тетюшского II городища с приведенными аналогиями нет. Сходство наблюдается в орнаментальных мотивах, композиции рисунка и т.п. На тетюшской керамике нет орнамента в виде «гусеничек», штампованных оттисков, форма сосудов приземистая, короткошейная. Это признаки «поздней» кушнаренковской керамики. Нет похожих сосудов на чашу с вертикальными стенками (рис. 3.-2).

Стоит отметить и наличие на ряде раскопов в одном слое с кушнаренковской посудой фрагментов керамики бахмутинского типа (рис. 6). Ее меньше по сравнению с кушнаренковской и она более разнообразна по размерам и орнаментации (приложение, №21–26). Основная примесь в глиняном тесте этих сосудов – шамот, как правило, среднего размера и/или мелкий.

Надо сказать, что синхронное залегание керамики кушнаренковской и бахмутинской культуры в слое именьковского субстрата на памятниках правого берега Волги зафиксировано в первый раз. В целом синхронные, именьковские памятники правобережья Волги не содержат находок кушнаренковской керамики. Встречены только единичные фрагменты такой посуды значительно южнее – на двух поселениях на Самарской Луке [Сташенков, 2009, с. 228–229]. Другие материалы датируются не ранее IX в. [Лифанов, Седова, 2003, с. 306–314].

Возникает вопрос: «Есть ли связь этого керамического комплекса и известных сегодня захоронений, которые можно связать с угорским населением в Поволжье?» То есть фактически подтвердить миграцию какой-то группы угорского населения далеко на запад в VII в. Более того, вполне очевидно, что появление этого культурно-этнического субстрата в среде именьковского населения должно иметь какие-либо промежуточные звенья на тех же поселениях Закамья.

Парадокс заключается в том, что могильников, которые можно связать с древностями угорского круга VII–VIII вв., далее восточных районов Татарстана (междуречья Ика и Белой) нет (Такталачукский и Иманлейский могильники) [Казаков, 1978, с. 9]. Немногочисленны и некрополи 2-й половины IX – рубежа IX–X вв. (Игимский, Чишминской могильники) [Казаков, 1978, с. 19], которые также расположены в указанном регионе. Вполне очевидно, что они являются частью обширной зоны распространения памятников кушнаренковского типа Южного Урала [Мажитов, 1977, с. 67, рис. 11; Казаков, 1981, рис. 1]. Угорские (позднекушнаренковские) могильники появляются в Закамье только в IX в. (Танкеевский, Большетиганский, XII Измерский, Алексеевские находки), причем на правом берегу Волги они не известны.

Какой характер носят тетюшские находки: являются ли они частью именьковского комплекса, потерявшие свою идентичность, единичные или случайные автономные включения вне этого комплекса? То, что зафиксированные нами находки являются включением в именьковский субстрат, не вызывает сомнений: для того чтобы стали изготавливаться реплики кушнаренковских сосудов, но в иных керамических традициях, должно пройти время. Однако наличие предметов, инородных для культуры населения именьковской культуры, говорит о том, что у их носителей сохранялась и исходная культурная этническая традиция.

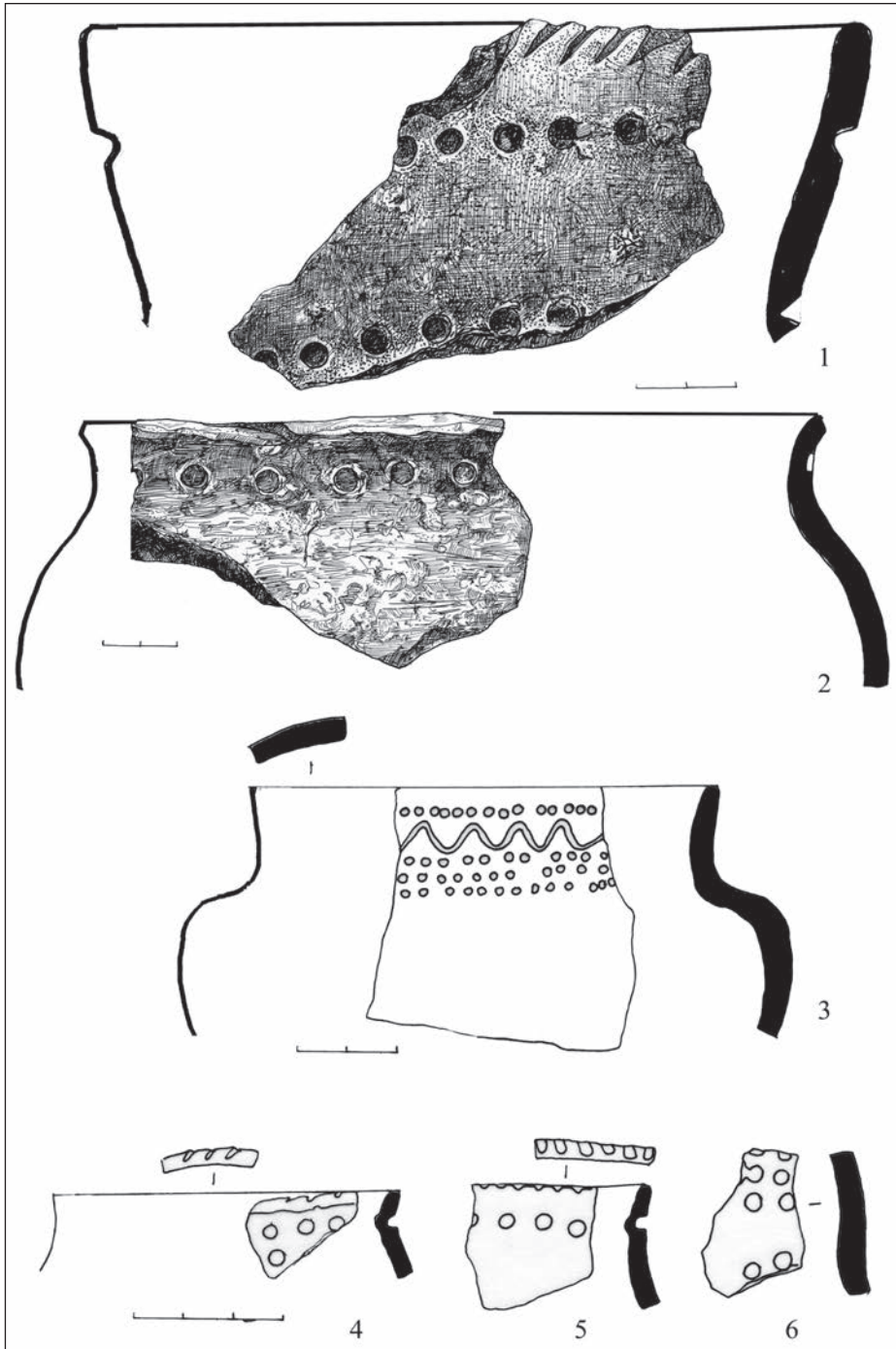

Рис. 6. Тетюшское II городище. Кушнаренковская керамика:
1 – р. III, отвал; 2 – р. IV, уч. 6, пласт 3; 3 – р. IX, уч. 5, пласт 2, №25, –47 см;
4 – р. IX, уч. 6, пласт 4; 5 – р. IX, уч. 10, пласт 3; 6 – р. IX, уч. 10, пласт 3

В последнем случае речь идет о костяном мундштуке на костяную псалию [Мажитов, 1981, с. 17, рис. 8.-23–24], фрагментах костяных подпружных пряжек [Мажитов, 1981, с. 17, рис. 4.-31; 8.-22], а также возможно, железной накладке и железных удилах, которые, правда, имеют более широкое географическое распространение и хронологические рамки бытования. Заметим, что костяной мундштук (табл. 1) – достаточно яркий элемент, встречающийся в кушнареновской культуре. Аналогичные изделия встречены в Ново-Биккинском и Манякском могильниках VII–VIII вв., а также в погребении №175 Таткчалучукского могильника, датированном Е.П. Казаковым [1981, с. 121, 125, рис. 5.-31] VIII в. Вместе с тем, если большая часть рассматриваемой керамики близка находкам из Манякского могильника [Мажитов, 1977, с. 217, табл. XV.- 2, 6], то вещевой комплекс тяготеет к погребальному инвентарю Ново-Биккинского могильника [Мажитов, 1977, с. 220, табл. XVI.-4].

Хронологически кушнареновские материалы Тетюшского II городища соответствуют бартымской стадии неволинской культуры Прикамья [Голдина, 2008, с. 130, рис. 4]. Причем на неволинских поселениях и могильниках во 2-й половине VII – начале VIII в. зафиксированы единичные находки кушнареновской, зауральской керамики и местных подражаний [Пастушенко, 2008, с. 144–146]. Таким образом, распространение элементов кушнареновского вещевого комплекса вне основной территории этой культуры со 2-й половины VII в. – явление, характерное для достаточно большой территории Волго-Камья, хотя и точечными импульсами.

Местами притяжения в камской пойме, а также к северу от Камы и в правобережье Волги для кушнареновцев во 2-й четверти – середине VII в. становились производственные и ремесленные центры именьковской культуры (Щербетьское I островное селище, Тетюшское II и Кузубаевское городища). При этом в большинстве случаев кушнареновское присутствие вовсе не означало прекращения существования собственно именьковских памятников. Это была интеграция в именьковскую среду уже достаточно метисного, хотя и родственного населения, при этом сам процесс именьковско-бахмутинско-кушнареновской метисации был, вероятно, на первой, самой начальной стадии. Судя по тому, что горизонт, в котором отложились фрагменты кушнареновской керамики на Тетюшском II городище, перекрыт именьковским культурным слоем, то вполне очевидно, что жизнь на поселении продолжалась и далее и шла весьма активно. Дальнейшее существование этого населения связано с именьковской культурой. Не исключено, что часть его проникла в конце VII – начале VIII в. на северные территории, занятыми неволинскими племенами.

Итак, находки кушнареновской керамики на Тетюшском II городище позволяют утверждать, что их носители достигли Волги и переправились на ее правый берег в VII в. Это была немногочисленная к этому моменту группа людей (судя по отсутствию их мо-

Табл. 1 (фото). Тетюшское II городище. Костяная деталь псалия. Раскоп III, участок 8, пласт 3, +43 см, №79 по плану раскопа

гильников и отдельных захоронений на данной территории), родина которой была на западе современного Башкортостана, быстро интегрировавшаяся в аборигенную среду. Оседание кочевого угорского населения на местах ремесленно-производственных центров, вероятно, было характерным для этнокультурной ситуации в тот период. Эти кочевые группы не были также причиной прекращения функционирования именьковских поселений, как это считалось ранее, – после появления «кушнаренковцев» жизнь на них продолжалась. Также можно утверждать, что в материальной культуре пришельцев имелись и достаточно явный бахмутинский компонент, что также ранее было не известно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕТЮШСКОЕ И ГОРОДИЩЕ (раскопки 2007–2013 гг.)

КАТАЛОГ ФРАГМЕНТОВ КУШНАРЕНКОВСКОЙ И БАХМУТИНСКОЙ КЕРАМИКИ

КУШНАРЕНКОВСКАЯ КЕРАМИКА

1. Фрагмент венчика (4,2x4x0,3 см; р. IX, уч. 4, пласт 1; –49 см от 0) (рис. 5.-3) от сосуда из хорошо отмученного теста с небольшой примесью органики, с гладкой залощенной поверхностью, охристо-серого цвета. На внутренней стороне имеются следы нагара. Венчик вертикальный, прямой с ровным плоским срезом, декорированным тонкими насечками, нанесенными с интервалом в 0,3 см. В нижней части венчика имеются два небольших валика, декорированных перекрестными насечками в виде мелкой косой сетки. Аналогичный орнамент имеется в верхней части у самого среза. Пространство между валиками украшено тонкими прорезанными параллельными линиями по четыре линии в каждой зоне. Декор несколько небрежен, линии неровные. Реконструируемый диаметр горла сосуда – 10 см, высота – 4,2 см; фиксируется резкий переход от шейки к тулову.

2. Фрагмент венчика (3,3x3,2x0,3 см; р. IX, уч. 5, пласт 2) (рис. 5.-4) от сосуда из шамотного теста с примесью песка и органики. Шамот среднего размера из высушенной глины. Поверхность фрагмента темно-коричневого цвета с пятнами от обжига. Венчик вертикальный с приостренным срезом с небольшим утолщением в средней части. С обратной стороны его имеются наклонные насечки с интервалом 0,3 см. У верхнего края – орнаментальный поясok из перекрестных линий в виде мелкой косой сетки. Второй поясok шириной 0,5 см с аналогичным орнаментом имеется в средней части. Между поясками имеются три резных параллельных линии. Под нижним пояском также нанесены три резных параллельных линии. Декор выполнен грубо; линии неровные, орнаментальные пояски прерываются. Реконструируемый диаметр горла – 13 см; высота – 3,3 см; переход от шейки к тулову резкий.

3. Фрагмент венчика (2,3x2,5x0,55 см; р. IX, уч. 5; пласт 3) (рис. 5.-5) от сосуда с заметной примесью песка и очень мелким шамотом, с хорошо заглаженной поверхностью светло-коричневого цвета. Венчик вертикальный с закругленным срезом, с утолщением в средней части; общий наклон венчика на 3–5° наружу (общий профиль горловины раструбообразный). На внутренней стороне венчика (среза) имеются тонкие насечки, нанесенные с интервалом в 0,4 см. С лицевой стороны также нанесены наклонные насечки, составляющие верхний орнаментальный поясok. В нижней части на небольшом валике шириной 0,6 см также имеются наклонные насечки. Между ними поле заполнено семью резными параллельными линиями.

4. Профиль чашевидного сосуда (3,5x4,5x0,7 см; р. I, уч. 5; 2 пласт) (рис. 3.-2) темно-коричневого цвета с лощеной поверхностью с мелкими примесями в тесте. У него вертикальные стенки, без шейки, край чуть отогнут внутрь; срез округлый. На срезе есть насечки, нанесенные с интервалом 0,2 см. Орнамент в виде мелкой косой сетки имеется у верхнего края фрагмента. Аналогичный орнаментальный пояс идет чуть ниже после трех резных параллельных линий, разделяющих их. По середине стенки сосуда – узор в виде зигзага из двойных равнобедренных треугольников. Он отделен от нижнего пояса из штриховки тремя резными параллельными линиями. При переходе к донной части нанесены две линии наклонных крестиков. Реконструированный диаметр сосуда – 9 см; высота – 4,5 см.

5. Фрагмент венчика (3x3,2x0,6 см; р. I – уч. 5; 3 пласт) (рис. 3.-1) от сосуда с мелкими примесями в глиняном тесте, с заглаженной поверхностью светло-коричневого цвета. Венчик вертикальный с приостренным срезом, чуть утолщенный в средней части (общий профиль раструбообразный). На внутренней стороне венчика у среза имеются наклонные тонкие насечки, нанесенные с интервалом в 0,2 см. Орнаментирован венчик тремя поясками шириной 0,5 см из мелкой косой сетки, расположенными у края среза, посередине и в нижней части у перехода от шейки к тулову. Между поясками поле украшено 4–5 тонкими резными параллельными линиями. Реконструируемый диаметр горла сосуда – 12 см, высота – 3,2 см.

6. Фрагмент венчика (3,1x2,3x0,7 см; р. VII – уч. 8; 2 пласт, –83 см, №11; инв. №4397/29) (рис. 4.-4) от сосуда с мелкими примесями в глиняном тесте с гладкой заглаженной поверхностью красно-коричневого цвета. Венчик вертикальный утолщенный с закругленным срезом. На срезе имеются косые насечки, нанесенные с интервалом в 0,25 см. Сохранилась часть орнамента – пояс из косых крестов (у верхнего края, у среза с наружной стороны) и тонких резных параллельных линий, занимающих оставшуюся часть поверхности этого фрагмента. Реконструируемый диаметр горловины – 12 см.

7. Фрагмент венчика (2,8x3,6x0,6 см; р. VII – уч. 9; 2 пласт, –69 см, №6; инв. №4397/27) (рис. 4.-7) от сосуда с мелкими примесями в тесте с гладкой поверхностью коричневого цвета. Венчик вертикальный, чуть отогнутый наружу (раструбообразный профиль) с плоским срезом, на котором имеются косые вдавления, нанесенные с интервалом 0,2 см. Интересная особенность этого артефакта – срез с внутренней стороны венчика. Фрагмент украшен двумя орнаментальными поясками шириной 0,4 см (сверху и снизу) мелкой косой сетки. Поле между ними занято резными параллельными линиями. Реконструированный диаметр горловины – 10 см.

8. Развал верхней части сосуда из двух фрагментов (2,8x3,8x0,7; 6,5x5x0,7 см; р. VII – уч. 8; 2 пласт, –85 см, №9, инв. №4397/28) (рис. 4.-2). Тесто сосуда содержит мелкие примеси, поверхность его заглажена. Цвет фрагментов – коричневый. Венчик сосуда – прямой утолщенный, высотой 3 см, шириной 0,7 см. Срез ровный, украшен оттисками короткого зубчатого штампа с шагом 0,3 см. Переход от венчика к тулову плавный. Горловина украшена в верхней (у среза) и нижней части грубой штриховкой – косой сеткой, фактически крупными косыми крестами. Середина шейки декорирована восьмью резными параллельными линиями. На плечике имеются три резных полосы. Реконструируемый диаметр горловины – 10,4 см.

9. Фрагмент венчика (3,2x2x0,5 см; р. VII – уч. 2, 2 пласт, –110 см, №16, инв. №4397/31) (рис. 4.-5) от сосуда с песочным тестом с заглаженной поверхностью корич-

невого цвета. Венчик вертикальный с закругленным срезом, украшенным наклонными насечками. Орнаментирован фрагмент двумя орнаментальными поясками мелкой косой сетки сверху и снизу, а также резными линиями между ними. Реконструируемый диаметр горловины – 15 см.

10. Фрагмент венчика (1,8x2,5x0,5 см; р. VII – уч. 7, 2 пласт, –104 см, №17, инв. №4397/32) (рис. 4.-8) от сосуда с мелкими примесями в глиняном тесте. Цвет поверхности фрагмента коричневый. Венчик вертикальный, верхняя часть сколота. На сохранившейся части снаружи имеется линейный орнамент из тонких резных параллельных линий и внизу – поясок мелкой косой сетки. Реконструируемый диаметр горловины – 11 см.

С четвертого пласта VII раскопа также происходят фрагменты кушнаренковской керамики.

11. Фрагмент венчика (2,7x1,3x0,7 см; р. VII – уч. 7, 4 пласт, –125 см, №48, инв. №4397/50) (рис. 4.-6), средняя его часть обломана сверху и снизу. Венчик вертикальный, украшен в этой части линейным орнаментом.

12. Фрагмент венчика (2,3x2,4x0,5 см; р. VII – уч. 7, 4 пласт, –118 см, №56, инв. №4397/6) (рис. 4.-9) от сосуда с мелкими примесями в тесте, заглаженной поверхностью коричневого цвета. Венчик вертикальный, верхняя часть сколота. Сохранившаяся часть украшена линейным орнаментом – четырьмя резными параллельными линиями. На переходе от шейки к тулову нанесены косые насечки, образуя своего рода орнаментальный поясок.

13. Фрагмент венчика (3,4x3x0,8 см; р. VII – уч. 7, 4 пласт, –121 см, №49, инв. №4397/49) (рис. 4.-3) от сосуда с запесоченным тестом, отслаивающимися участками. Поверхность шероховатая, заглаженная. Венчик вертикальный, массивный, срез закругленный. Шейка декорирована тремя поясками мелкой косой сетки: в верхней части, снизу и посередине. Между ними – по четыре резных параллельных линии в каждом из секторов.

14. Фрагмент профиля сосуда (6x5,2x0,6 см; р. VII – уч. 7, 1 пласт, инв. №4397/2) (рис. 4.-1) с мелкими примесями в глиняном тесте, с гладко заглаженной поверхностью серо-коричневого цвета. Венчик вертикальный, чуть отогнутый наружу (раструбообразный профиль верхней части); переход от шейки к тулову плавный. У венчика округлый срез, на котором имеются наклонные насечки. Шейка украшена тремя орнаментальными поясками мелкой косой сетки. Они расположены в верхней части у среза, в нижней части у перехода к тулову и примерно посередине. Между этими поясками пространство декорировано прочерченными тонкими параллельными линиями по 5–6 линий. Нижний поясок выполнен очень небрежно – отрезки неровные, пересекающие их линии разной длины и расположены неравномерно. По плечу идет крупный зигзаг из двойной линии; высота его – 1 см. От орнамента на шейке он отделен тремя параллельными линиями. Реконструируемый диаметр горловины – 11,5 см, высота – 3,4 см.

15. Фрагмент венчика (3,5x2,8x0,5 см; р. VIII – отвал; инв. №3074/2960) (рис. 5.-7) от сосуда с мелкими примесями в тесте, гладкой поверхностью коричневого цвета. Венчик вертикальный, немного отогнутый наружу (раструбообразный профиль горловины) с небольшим расширением в средней части. Срез венчика округлый, на нем – маленькие наклонные насечки. Шейка была украшена (на сохранившейся части венчика) двумя поясками мелкой косой сетки. Один из них вверху шейки, у среза, второй – посередине. Оставшееся свободное поле декорировано резными параллельными линиями (по 4–5 линий). Реконструируемый диаметр горловины – 10,5 см, при высоте – 3,5 см.

16. Фрагмент венчика из двух обломков (4,7x2,6x0,6 и 2x2,2x0,6 см; р. VIII – уч. 2, 3 пласт; инв. №4397/102; 103) (рис. 5.-2) от крупного сосуда с вертикальным венчиком, с плавным переходом от горла к тулову. Срез венчика округлый с крупными наклонными насечками. В верхней части венчика имеется орнаментальный поясok из крупных косых крестов, шириной 0,7 см. Такой же поясok, из мелкой косой сетки, выполненный небрежно, помещен на плечико сосуда. Между ними – резные параллельные линии. Реконструируемый диаметр горловины – 14,5 см, при высоте в 3 см.

17. Фрагмент венчика из двух обломков (4,5x3x0,6; 4x4x0,6 см; р. VIII – уч. 3, 2 пласт; инв. №4397/99) (рис. 5.-1) от сосуда с наклонным наружу венчиком (раструбообразный профиль), с резким (?) переходом от горла к тулову. В глиняном тесте хорошо заметна примесь органики. Венчик имеет небольшое утолщение в средней части. Срез его округлый с крупными наклонными насечками. В верхней части венчика у среза имеется орнаментальный поясok, шириной 0,7 см мелкой косой сетки. Такой же поясok имеется посередине и в нижней части шейки. Между ними нанесен орнамент из резных параллельных линий. Реконструируемый диаметр горловины – 12 см, при высоте в 3,3 см.

18. Фрагмент венчика (2,7x4x0,6; р. VIII – уч. 3, 2 пласт; инв. №4397/100) (рис. 5.-6) от сосуда с органической примесью в глиняном тесте. Венчик вертикальный. Переход от шейки к тулову пологий. В нижней части венчика имеется орнаментальный поясok мелкой косой сетки, шириной 0,5 см. Сверху от него идет орнамент из резных параллельных линий. Четыре параллельных линии украшают верхнюю часть плечика.

19. Фрагмент венчика (1,6x2,5x0,5 см; р. V – уч. 12, 3 пласт, №21, –56 см) (рис. 3.-4) из хорошо отмученного теста, с заглаженной поверхностью серо-коричневого цвета. Верхняя часть утрачена. Поверхность шейки украшена орнаментальным пояском мелкой косой сетки шириной 0,5 см, сверху и снизу от которого идут тонкие резные параллельные линии. Реконструируемый диаметр горловины – 11 см.

20. Фрагмент венчика (1,5x2,5x0,6 см; р. V – уч. 6, 2 пласт) (рис. 3.-3) из хорошо отмученного теста, с заглаженной поверхностью серо-коричневого цвета. Верхняя часть утрачена. Сохранившийся фрагмент украшен орнаментальным пояском мелкой косой сетки шириной 0,5 см, сверху от которого идут тонкие резные параллельные линии.

БАХМУТИНСКАЯ КЕРАМИКА

21. Фрагмент венчика (10x7x0,6 см; р. III, отвал) (рис. 6.-1) от шамотного горшковидного сосуда с раструбообразной горловиной. Поверхность коричневого цвета, бугристая, заглаженная. Срез венчика округлый, украшен крупными глубокими насечками. В верхней части горловины и в нижней части, на переходе к тулову, имеется декоративный поясok из круглых вдавлений диаметром 0,4 см. Реконструированный диаметр горловины в верхней части – 16,4 см, высота – 6 см, отгиб наружу – 25°.

22. Фрагмент венчика (11x7x0,7 см; р. IV – уч. 6, 3 пласт) (рис. 6.-2) от шамотного горшковидного сосуда с блоковидной горловиной. Поверхность оранжевого цвета, бугристая, заглаженная. Срез венчика, отогнутого и загнутого наружу, плоский без декора. В верхней части шейки под отогнутым венчиком имеется декоративный поясok из круглых вдавлений диаметром 0,5 см. Реконструированный диаметр горловины в верхней части – 20 см, высота ее – 2,5 см.

23. Фрагмент венчика (5,7x5,6x0,4–0,6 см; р. IX, 2 пласт, №25, –47 см) (рис. 6.-3) от шамотного горшковидного сосуда с раструбообразной горловиной и реповидным туловом. Поверхность светло-коричневого цвета, ближе к серому, заглажена, местами

залощенная. Срез венчика, отогнутого наружу, округлый, не декорированный. Шейка украшена одинарной волной в средней части – круглыми ямками-вдавлениями диаметром 0,2 см сверху (один ряд) и снизу (три ряда). Реконструированный диаметр горловины в верхней части – 9,4 см, высота ее – 2,3 см, отгиб наружу – 18°.

24. Фрагмент венчика (2,2x1,8x0,3 см; р. IX – уч. 6, 4 пласт) (рис. 6.-4) от миниатюрного шамотного горшочка. Поверхность коричнево-бурого цвета, немного бугристая, заглаженная. Срез венчика округлый, украшен косыми короткими насечками. Горлышко и часть тулова украшены круглыми ямками-вдавлениями диаметром 0,3 см. в два ряда. Реконструированный диаметр горловины в верхней части – 7 см, высота ее – 1 см, отгиб наружу – 20–25°.

25. Фрагмент венчика (2,6x2,3x0,4 см; р. IX – уч. 10, 3 пласт) (рис. 6.-5) от небольшого шамотного горшка с вертикальной горловиной. Поверхность серо-коричневого, местами черного цвета, чуть бугристая, заглаженная. Срез венчика округлый, украшен насечками. В верхней части горловины имеется декоративный поясик из круглых ямок-вдавнений диаметром 0,3 см. Реконструированный диаметр горловины в верхней части – 13,6 см, высота ее – 2,3 см.

26. Фрагмент стенки (3,2x2,1x0,6 см; р. III – уч. 10, 3 пласт) (рис. 6.-6) от шамотного сосуда. Поверхность темно-коричневого до черного цвета, чуть бугристая, заглаженная. Фрагмент украшен тремя рядами круглых вдавлений диаметром 0,3 см.

Библиографический список

Белавин А.М., Иванов В.А. К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 1 (15). С. 173–180.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009. 285 с.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999. 27 с.

Голдина Р.Д. Современное состояние изученности неволинской культуры в Сылвенско-Иренком поречье // Проблемы бакальской культуры: мат. науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008. С. 115–141.

Иванов А.Г. Группы кушнарниковско-караякуповского населения между Камой и Вяткой // Проблемы бакальской культуры: мат. науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008. С. 147–161.

Иванов В.А. Еще раз о «кушнарниковско-караякуповской проблеме» // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань, 2009. С. 177–196.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 130 с.

Казаков Е.П. Кушнарниковские памятники нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С. 115–135.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 208 с.

Лифанов Н.А., Седова М.С. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 306–314.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II: мат. раскопок 2008 года. Уфа: ГУЦП РБ УПК, 2009. Т. III. 368 с.

Матвеева Г.И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнарниковского и караякуповского типов // Средневековая археология евразийских степей: мат. Учредительного съезда. Казань, 2007. Т. II. С. 75–86.

Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н. Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (14). С. 140–153.

Никитина Т.Б. Спорные проблемы в этнокультурной интерпретации памятников Волго-Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012. С. 234–247.

Останина Т.И., Иванов А.Г., Иванова М.Г. Древнеудмуртское население в эпоху Средневековья // История Удмуртии. С древнейшего времени до XV в. Ижевск, 2007. С. 185–280.

Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск, 2011. 218 с.

ПАДИУ. Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. 312 с.

Пастушенко И.Ю. Кушнаренковские материалы памятников бассейна реки Сылвы (керамический комплекс) // Проблемы бакальской культуры: мат. науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008. С. 142–146.

Пастушенко И.Ю. Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье» // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 1. С. 144–150.

Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань: Заман, 2010. 152 с.

Руденко К.А. Древние Тетюши: археологическое исследование. Казань: Заман, 2011а. 144 с.

Руденко К.А. Отчет об археологических исследованиях на Тетюшском II городище. Казань, 2011б. 207 с.

Сташенков Д.А. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // Форум «Идель-Алтай»: мат. науч.-практ. конф. Казань, 2009. С. 228–229.

K.A. Rudenko

RELATIONSHIPS BETWEEN NOMADIC UGIANS AND SETTLED POPULATIONS OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE MIGRATION PERIOD

(on the materials of the settlement Tetyushskoye II in Tatarstan)

In 1960–1970s, the archaeological culture of the nomadic Ugrians was discovered in the South Cis-Ural region and the Middle Volga region (Povolzhye). They are known as the Kushnarenkovo and Chiyalick archaeological cultures. The Kushnarenkovo archaeological culture refers to the Migration period dating the 6th – 7th centuries AD. The Southern Urals are considered to be the main area of the Kushnarenkovo culture. Previously it was assumed that the Ugrian nomads could only have reached the Volga by the 7th century AD. New material referring to the Migration period was collected in the course of the excavation work at the settlement Tetyushskoye II in the Republic of Tatarstan in 2007–2013; and based on the materials obtained the given hypothesis has been changed. Tetyushskoye II is situated in the northern outskirts of Tetyushy, the Tetyushsky region, the Republic of Tatarstan. The area of 444 sq metres was excavated in 2007–2013. The cultural layer makes up 1,5–2 meters. It has become evident that a settlement was formed in this area in the period of the late Bronze Age – the beginning of the early Iron Age (9th – 8th centuries BC). This settlement was flourishing in the 6th to 7th centuries. The materials of the Imenkovo archaeological culture reflect this period. Important results have been obtained while conducting a thorough study of the stratigraphy of this archaeological site. Six stratigraphic layers have been marked out, three of which date 6th – 8th centuries AD. The Kushnarenkovo pottery (about 50 artifacts) has been found during the excavation work at I, V, VII, VIII and IX in the stratigraphic layers dating the period of the Imenkovo culture. After examining the 20 fragments of specifically decorated Kushnarenkovo pottery it was discovered that the Ugrian pottery was characteristic of the cultural layer dating the 7th century. It has now become evident that in the 7th century the nomadic Ugrians spread to the Volga and across it, where they lived peacefully with the aboriginal population of the Imenkovo culture. While it was previously assumed that they destroyed the aboriginal settlements, the excavation work at the settlement Tetyushskoye II showed that the appearance of the nomads had not changed the life style of its inhabitants until the beginning of the 8th century.

Keywords: Tetyushy, Tatarstan, the Urals, the Ugrians, the early Middle Ages, archaeology, the Kushnarenkovo culture, the Imenkovo culture, migration nomads.

УДК 902.3:903.2

А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ СООРУЖЕНИЯ КЕНОТАФОВ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

В статье представлен опыт рассмотрения тюркских оградок как одной из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье. Сомнения в исключительно «поминальном» характере таких объектов неоднократно высказывались исследователями. Анализ материалов раскопок археологических памятников Алтае-Саянского региона и Центральной Азии 2-й половины I тыс. н.э. позволил выявить серию отличительных признаков каменных оградок, сопоставимых с характеристиками кенотафов раннесредневековых тюрков. Наиболее показательными чертами в этом плане являются небольшие каменные ящички, разного рода сопроводительные объекты (балбалы, стелы, изваяния, каменные кольца, пристройки и др.), состав инвентаря. Имеются основания для предположения о том, что на ранних этапах развития тюркской культуры каменные оградки выполняли функции кенотафов, при этом в более позднее время данная традиция могла трансформироваться. Дальнейшие детальные исследования, связанные как с получением новых материалов, так и с интерпретацией уже накопленных сведений, позволят более подробно и обоснованно рассматривать процессы сложения и эволюции традиций обрядовой практики раннесредневековых тюрков, а также реконструировать комплекс представлений, сопровождавший сооружение «поминальных» объектов.

Ключевые слова: Алтае-Саянский регион, Центральная Азия, раннесредневековые тюрки, каменные оградки, кенотафы, интерпретация.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-06

Одной из дискуссионных проблем раннесредневековой археологии Алтае-Саянского региона и Центральной Азии является интерпретация каменных оградок и сопровождающих их объектов (изваяний, стел, балбалов и др.), традиционно связываемых с тюркской культурой. Несмотря на накопленный обширный материал и значительное количество специальных исследований, вопросы о том, относятся такие памятники к погребальным или «поминальным» комплексам, какие ритуальные действия сопровождали их сооружение, чем обусловлена вариабельность конструкций, остаются актуальными. Не углубляясь в обширную историографию, отметим, что наиболее распространенным подходом является рассмотрение каменных оградок как объектов «поминального» характера. Вместе с тем в последнее десятилетие в работах многих исследователей подобная трактовка не представляется столь однозначной [Кубарев В.Д., 2001, с. 42; Кубарев Г.В., 2007, с. 50; Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008, с. 80–86; Серегин, 2010, с. 203; и др.]. В связи с тем, что предположение о погребальном характере каменных оградок и сопровождавших их объектов не находит объективного подтверждения в материалах раскопок, одним из вариантов интерпретации таких комплексов является их рассмотрение как своего рода кенотафов.

Впервые подобная трактовка «поминальных» объектов была предложена В.А. Могильниковым [1992, с. 185–186]. Археолог обратил внимание на то, что такие характеристики оградки №109 памятника Кара-Коба-I (рис. 1), как захоронение лошади, отделенное каменной перегородкой, и находившаяся рядом деревянная колода, находят аналогии в погребальном обряде населения тюркской культуры. В связи с этим исследователь предположил, что раскопанный объект можно рассматривать как

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

кенотаф, отметив в то же время поминальный характер большинства других оградок. По мнению В.А. Могильникова [1992, с. 192], имеются также некоторые основания для отнесения к кенотафам сооружения, исследованного В.Д. Кубаревым в урочище Ян-Гобо (рис. 2). В следующей публикации материалов раскопок на памятнике Кара-Коба-I археолог, не приводя на этот раз аргументов, предложил такую интерпретацию и для оградки №69А [Могильников, 1994, с. 95], которая не содержала захоронения лошади, инвентаря, предназначавшегося для человека, а также других признаков, каким-либо образом указывавших на возможность подобного заключения.

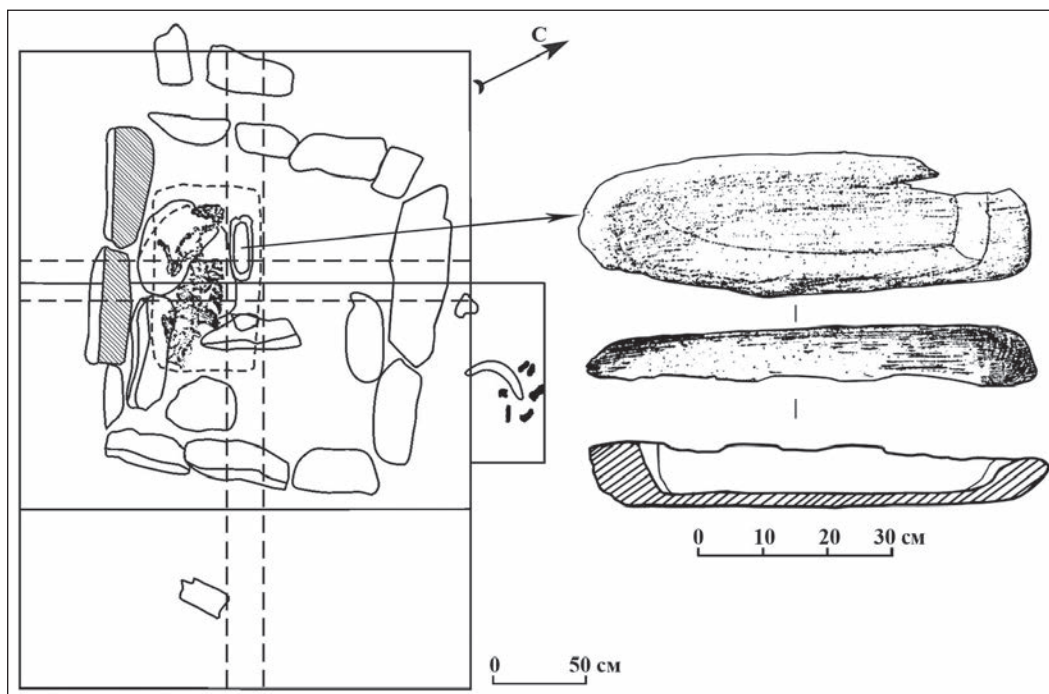

Рис. 1. Кара-Коба-I (по: [Могильников, 1992, рис. 13, 14])

Предположение о сходстве «поминальных» оградок тюркской культуры с кенотафами не получило поддержки и развития в работах других исследователей. Отдельные замечания в указанном направлении приводились в публикациях барнаульских археологов [Серегин, 2008, с. 147–148; 2010, с. 203; Шелепова, 2011, с. 223; и др.], однако целостного обоснования данной концепции не предпринималось. Тем не менее, на наш взгляд, она имеет определенный научный потенциал и требует дальнейшего рассмотрения.

В ходе раскопок археологических памятников раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии выделена серия «классических» кенотафов [Серегин, 2008, с. 144–153]. Такие объекты характеризуются соблюдением всех показателей обряда (сооружение специальных погребальных конструкций, выполнение норм ритуала, в том числе присутствие сопроводительного захоронения лошади и соответствующего инвентаря) при отсутствии умершего человека. Анализ материалов раскопок археологических памятников раннесредневековых тюрков позволяет утверждать, что по ряду показательных признаков каменные оградки могут быть сопоставлены с кенотафами.

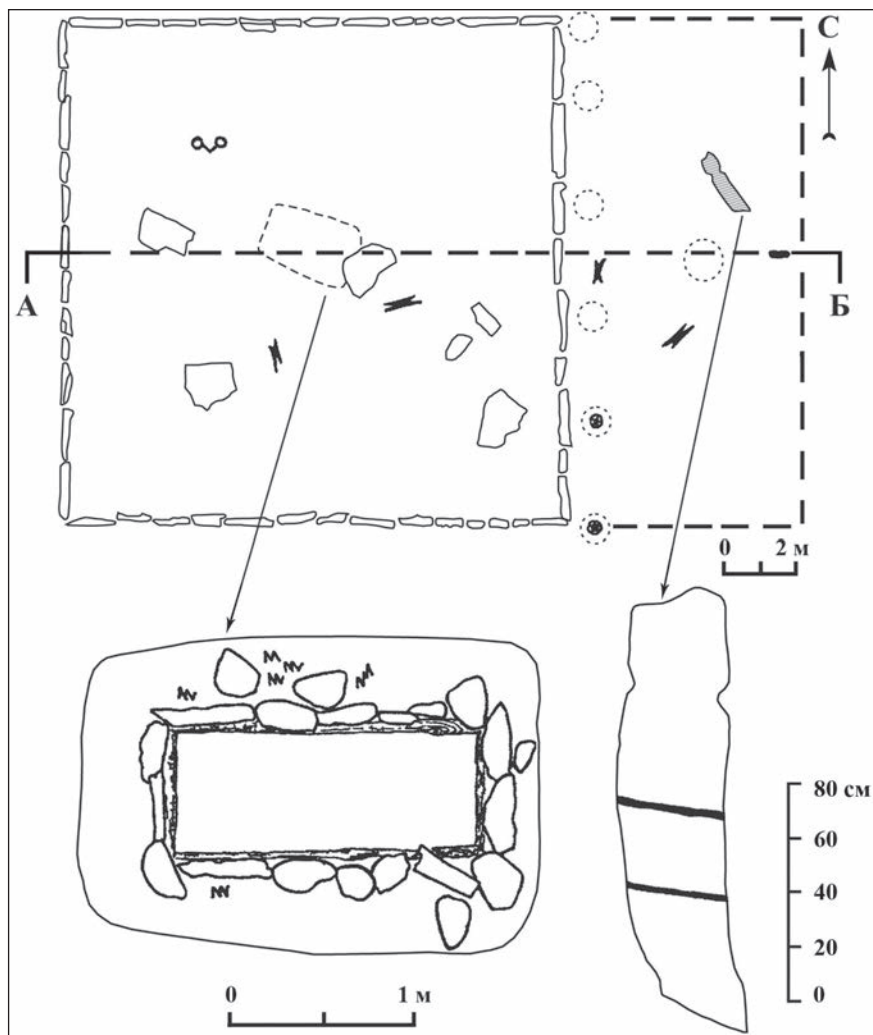

Рис. 2. Ян-Гобо (по: [Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX])

Одной из отличительных характеристик каменных оградок раннего этапа тюркской культуры является наличие небольших каменных ящичков, в которых нередко находились предметы вооружения и снаряжения верховой лошади [Гаврилова, 1965, табл. III–V; Могильников, 1992, рис. 10–11; Мамадаков, 1994, рис. 2.-7–12; Илюшин, 2000, рис. I–II; и др.]. Весьма вероятным представляется предположение о том, что такие конструкции в ранне-тюркских оградках отражают преемственность с традициями погребально-поминальной обрядности населения Алтая предшествующего периода, демонстрируя схожесть по ряду показателей с устройством «миниатюрных» кенотафов булан-кобинской культуры [Матренин, 2005, с. 37; Матренин, Сарафанов, 2006, с. 210]. В свою очередь, обряд захоронения лошадей в округлых оградках, получивший распространение у кочевников региона во 2-й половине V – 1-й половине VI в., близок традициям конских захоронений в «ритуальных» курганах «булан-кобинцев» [Матренин, Шелепова, 2007, с. 85]. Данные факты

указывают на возможность того, что в материалах оградок, относящихся к ранним этапам развития тюркской культуры, получили отражение обычаи, связанные с сооружением кенотафов населением Алтая предшествующего периода.

Важным элементом «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок были сооружения, находящиеся рядом с оградками, – изваяния, стелы, балбалы, каменные кольца, пристройки и др. Долгое время данные объекты считались показателем, отличающим подобные памятники от некрополей рассматриваемой общности. Однако детальный анализ материалов раскопок позволил выявить подобные сопроводительные сооружения и рядом с курганами тюркской культуры. «Околокуранные» объекты представлены теми же изваяниями или стелами, балбалами, рядами каменных колец, небольшими «пристройками» и выкладками [Серегин, 2010б; 2011, с. 50–51]. Такие сооружения в большинстве случаев расположены с восточной стороны от основного объекта (в данном случае кургана), что характерно и для оградок раннесредневековых тюрок. Важно отметить, что нередко «околокуранные» объекты обнаружены рядом с кенотафами, захоронениями лошадей и «ритуальными» курганами – памятниками, которые не относятся к «стандартным» погребениям. Возможно, именно этим объясняется сходство в организации сакрального пространства таких комплексов и каменных оградок.

Отдельного рассмотрения заслуживает традиция сооружения смежных оградок. Не исключено, что в ряде случаев они представляют собой единый комплекс. К примеру, характерная ситуация зафиксирована в ходе раскопок памятника Мендур-Соккон-1 на Алтае [Соенов, Эбель, 1997, рис. 1, 2] (рис. 3). В одной из смежных оградок комплекса исследовано захоронение лошади, а во второй – миниатюрный каменный ящик, содержащий предметы вооружения. В данном случае наблюдаются некоторые параллели с погребениями и кенотафами кимакской культуры. Их специфика заключается в том, что сопроводительное захоронение животного совершалось в отдельной яме, но под одной подпрямоугольной насыпью-оградой с могилой, содержащей инвентарь мужчины-воина [Ткачев, Ткачева, 1999, с. 142–144].

Характерной чертой, которая некоторым образом объединяет каменные оградки тюркской культуры с кенотафами, а также, в меньшей степени, «ритуальными» курганами, является преимущественное обнаружение при исследовании этих объектов частей доспеха. Панцирные пластины и фрагменты кольчуги весьма редко встречаются в погребениях тюрок [Горбунов, 2004, с. 96–97]. Остатки защитного вооружения зафиксированы лишь однажды при раскопках «элитного» захоронения [Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003, рис. 6]. Кроме единичной находки на поселении, все остальные части доспеха обнаружены в кенотафах, оградках и «ритуальных» курганах [Грач, 1960, с. 129–139; Гаврилова, 1965, табл. V.-1, XXIV.-1; Кызласов, 1979, с. 122, 129–131; Савинов, 1982, рис. 8; Илюшин, 1990, рис. 1.-8; Загородний, Григорьев, 1998, с. 118–122; Шульга, Горбунов, 2002; Горбунов, 2004, с. 96; Кубарев Г.В., 2005, табл. 106.-10; 2007, с. 51–52, рис. 2.-5; Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008, с. 38–39; и др.]. Не исключено, что защитное вооружение в данном случае являлось своего рода символической «заменой» отсутствовавшего умершего человека. Похожая тенденция, хоть и не столь последовательно, прослеживается и в распространении другого предмета вооружения – наконечников копий. Такие находки, крайне редко обнаруженные в погребениях раннесредневековых тюрок, неоднократно зафиксированы при исследовании кенотафов [Кубарев Г.В., 2005, табл. 73.-10, 145.-1] и, особенно, каменных оградок на

различных территориях [Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-2; Загородний, Григорьев, 1998, рис. 3.-22; Досымбаева, 2006, рис. 8.-4; и др.]. Весьма своеобразная ситуация зафиксирована в ходе исследования центральной оградки комплекса Жайсан-1, где вотивная модель копы была изготовлена из панцирной пластины [Досымбаева, 2006, фото 9]*. Нельзя исключать, что определенные отголоски данной традиции отмечены в этнографических сведениях о погребально-поминальном обряде киргизов и казахов, у которых копые, наряду с лошадьё и одеждой, выполняло роль временного «заместителя» умершего человека [Фиельструп, 2002, с. 134, 166–167, 178–179].

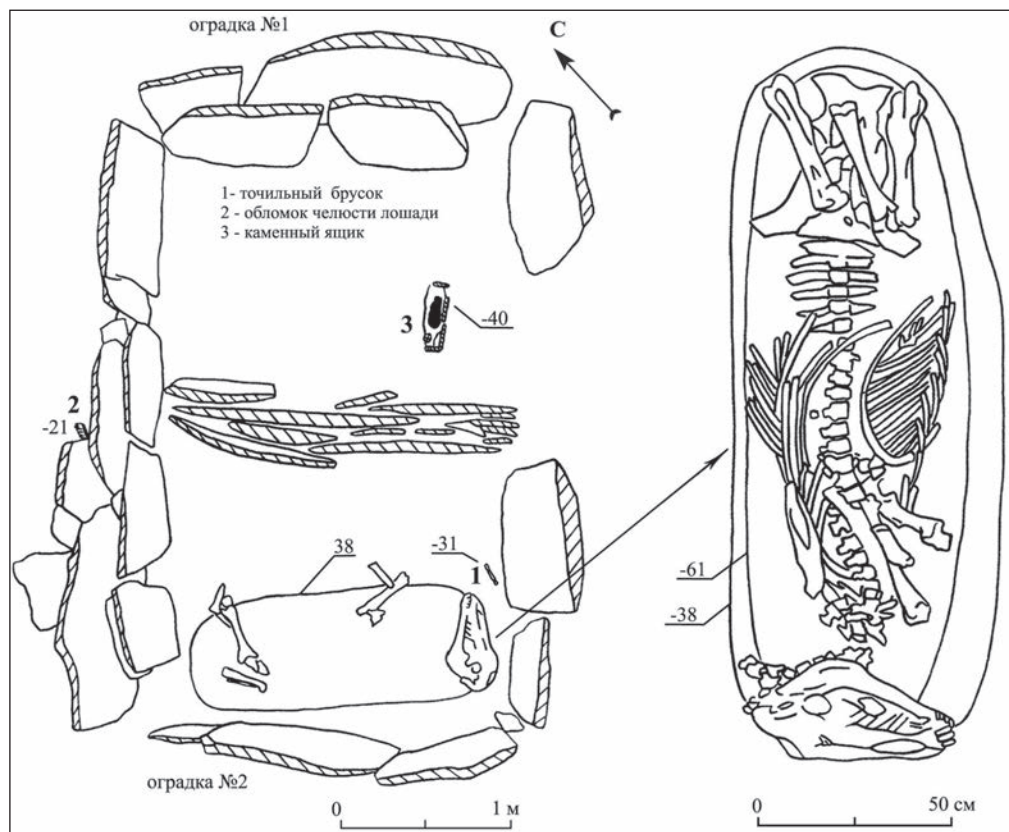

Рис. 3. Мендур-Соккон-1 (по: [Соенов, Эбель, 1997, рис. II, IV])

Итак, изучение каменных оградок и кенотафов раннесредневековых тюрков демонстрирует сходство по целому ряду показателей. Особое внимание привлекают отдельные «поминальные» комплексы, наиболее полно соответствующие «пустым» могилам по характерным конструкциям, в том числе связанным с оформлением захоронения лошади, и составу сопроводительного инвентаря [Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX; Могильников, 1992, с. 184–185, рис. 13–14; Соенов, Эбель, 1996; 1997, рис. I–IV; и др.]. Существенным моментом является принадлежность большинства подобных объектов к ранним этапам развития тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VII в.). Интересно, что к этому же времени относится ряд достоверно датированных «ритуальных»

* Выражаем благодарность В.В. Горбунову, обратившему наше внимание на данный случай.

курганов рассматриваемой общности [Илюшин, 1990, рис. 1; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. VI.-24, 25; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14–21, 55.-7–8], которые нередко рассматриваются как своего рода «поминальные» кенотафы [Серегин, 2010а, с. 80]. Вероятно, концентрация подобных комплексов на ранних этапах развития тюркской культуры иллюстрирует период формирования традиций и канонов погребально-поминальной обрядности кочевников. Поэтому не исключено, что в более позднее время функции оградок и, соответственно, представления, связанные с их созданием, могли трансформироваться. Дальнейшие детальные исследования, связанные как с получением новых материалов, так и с интерпретацией уже накопленных сведений, позволят более подробно и обоснованно рассматривать процессы сложения и эволюции традиций обрядовой практики раннесредневековых тюрков, а также реконструировать комплекс представлений, сопровождавших сооружение «поминальных» объектов.

Библиографический список

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в «эпоху великого переселения народов». Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Панцирные пластины тюркского доспеха // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2004. Вып. 12. С. 95–114.
- Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 73–150.
- Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Тюркское наследие, 2006. 168 с.
- Загородний А.С., Григорьев Ф.П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. II. С. 117–123.
- Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 117–119.
- Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд. НГУ, 2000. С. 157–169.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 24–54.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г.В. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Изд. Ин-та истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 50–59.
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.
- Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Магренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд. АКИН, 2005. Вып. 2. С. 35–51.
- Магренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд. АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд. АКИН, 2007. Вып. 5. С. 84–90.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи // Историческая этнография: традиции и современность // Проблемы археологии и этнографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. Вып. II. С. 155–163.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 144–153.

Серегин Н.Н. К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010а. Вып. IV. С. 78–83.

Серегин Н.Н. «Околокурганные» сооружения тюркской культуры (систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Известия АлтГУ. Сер.: История, политология. 2010б. №4/2 (68/2). С. 201–205.

Серегин Н.Н. Объекты «ритуального» характера в составе погребальных комплексов тюркской культуры // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул: АРТИКА, 2011. Вып. 2. С. 49–54.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.

Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136–145.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 302 с.

Шелепова Е.В. Систематизация и интерпретация ритуальных оградок тюркской культуры Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. 2011. С. 212–227.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

A.A. Tishkin, N.N. Seregin

TURKIC MORTUARY ENCLOSURES AS ONE OF THE FORMS OF ERECTING CENOTAPHS IN THE EARLY MIDDLE AGES

The article analyzes the examination of Turkic mortuary enclosures as one of the forms of cenotaphs erected in the early Middle Ages. Many researchers have been doubtful about the exceptionally «commemorative» character of such objects. The analysis of the material found in the course of the excavation work of archaeological sites in the Altai-Sayan region and Central Asia in the 2nd half of the first millennium AD allowed for marking a number of characteristic features of the stone mortuary enclosures which are comparable with characteristics of the cenotaphs of the early middle-ages Turks. Among the most distinctive features are small stone boxes, various types of objects accompanying a set of grave goods (balbals, stelae, statues, stone rings, additions etc.). The facts suggest that the stone mortuary enclosures served as cenotaphs at an early stage of the development of the Turkic culture, but this tradition could have been altered in a later period of time. Further detailed research of the new materials as well as the interpretation of the available information will allow us to consider the formation and development of the ritual traditions of the early middle-ages Turks on a more reasonable basis and which will also help reconstruct the understanding of the Turks who erected these «commemorative» objects.

Keywords: the Altai-Sayan region, Central Asia, early middle-ages Turks, stone mortuary enclosures, cenotaphs, interpretation.

УДК 902.3:903.2

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-VII (Центральный Алтай)*

Экспедициями Алтайского государственного университета с 2001 г. регулярно осуществлялись обследования территории выявленного Яломанского археологического микрорайона (Онгудайский район Республики Алтай). Наряду с разновременными погребально-поминальными комплексами на шести памятниках (Яломан-II, IV–VIII) зафиксированы тюркские оградки. Они расположены на участке четвертой надпойменной террасы около устья реки Большой Яломан (на левобережье Катуня). В статье представлены результаты исследования тюркских оградок на памятнике Яломан-VII, который представляет собой группу из 17 каменных сооружений. Конструктивные особенности, стилистика изваяний и найденный инвентарь позволили датировать раскопанные объекты №4–7 памятника Яломан-VII 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в. и отнести их к кудыргинскому этапу тюркской культуры. Они идентичны большой серии рядовых оградок Монголии, Южной Сибири, Киргизии и Казахстана. Полученные материалы дали возможность подробно проследить важные детали конструкции и функционирования тюркских объектов на исследованном комплексе, а также установить последовательность их строительства. Обнаруженные каменные изваяния дополняют ранее изученную серию тюркских скульптур. Раскопанные оградки реконструированы и частично музеефицированы.

Ключевые слова: Центральный Алтай, тюркские оградки, изваяния, методика раскопок, реконструкция, железные удила, кудыргинский этап, тюркская культура.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-07

Алтай – один из регионов Азии, где плотно сосредоточены памятники тюркской культуры. Среди них число оградок в несколько раз превышает количество известных курганов. Результатам изучения таких тюркских комплексов посвящено много публикаций [Кубарев, 1984, 2001; Худяков, 2002; Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008; и др.]. Практически каждый полевой сезон приносит дополнительные сведения о рассматриваемых сооружениях. Введение их в научный оборот сохраняет свою актуальность.

С 2001 г. в Онгудайском районе Республики Алтай экспедициями Алтайского государственного университета осуществлялись регулярные обследования Яломанского археологического микрорайона (рис. 1). Там наряду с разновременными погребально-поминальными памятниками зафиксированы тюркские оградки на шести комплексах (рис. 1): Яломан-II, IV–VIII [Тишкин, Горбунов, Матренин, 2004]. Они расположены на четвертой надпойменной террасе Катуня около устья р. Большой Яломан. С севера и северо-востока данный участок ограничен горами, с юга – поймой реки, а с востока и запада – оврагами. Среди множества археологических объектов зафиксированы 85 оградок, 40 изваяний и 31 балбал. Тахеометрическая съемка всех памятников позволила установить особенности планиграфии и сохранившиеся внешние параметры каменных сооружений, а раскопки способствовали получению подробных данных об их устройстве и первоначальных размерах [Тишкин, Горбунов, 2003; Горбунов, Тишкин, 2007; и др.].

Цель статьи – публикация результатов исследования тюркских оградок на памятнике Яломан-VII (рис. 1), который представлял собой группу из 17 выявленных объектов (рис. 2). Основой комплекса являлась неровная цепочка из 10 сооружений (№1,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

2, 4–11), располагавшихся по линии юг-юго-запад – север-северо-восток. Северо-западнее нее зафиксированы еще пять оградок (№12–16). Из всех выявленных оградок семь (№1–2, 8, 11–13, 16) – это одиночные конструкции, четыре (№4–7) выстроены в линию рядом друг с другом (№4–7), две (№9–10) оказались смежными, а еще две (№14–15) – рядом стоящими (рис. 2). Объект №3 представлял собой скопление камней. У шести оградок памятника Яломан-VII зафиксированы вертикально вкопанные камни возле восточных стенок: у объектов №4, 6, 7 и 8 – изваяния, №11 – изваяние и балбал, №12 – изваяние и два балбала. К западу от указанной цепочки оградок, у подножья горы, находится одиночный курган с каменной наброской (№17). Следует отметить, что большинство сооружений памятника (кроме объектов №14, 15 и 17) располагалось на поле, которое ранее интенсивно распахивалось. Они имели различные следы разрушений. В 8,9 км к юго-западу от памятника Яломан-VII находится с. Большой Яломан, в 1,8 км к юго-востоку-востоку – Чуйский тракт. В 2003 г. на представленном археологическом комплексе раскопаны четыре рядом стоящие оградки №4–7 и объект №3 (рис. 2, 3–8).

Рис. 1 (фото). Памятники с тюркскими оградками на территории Яломанского археологического микрорайона (Центральный Алтай)

Методика работ. Намеченные для изучения оградки исследовались единым раскопом ввиду их близкого расположения относительно друг друга. В этот же участок было включено расположенное рядом скопление камней (объект №3). Через раскоп размечались две бровки, ориентированные по линии юг–север, шириной 0,1 м каждая. Бровка А–А' проходила через объект №3, а бровка Б–Б' – через оградки №4–7. После такой разбивки и нивелировки сначала лопатами снимался дерн, а потом осуществлялась выборка грунта до материка с внешней стороны сооружений (рис. 3). Защищенная мелкими инструментами поверхность всех каменных объектов фиксировалась на графический план (рис. 4).

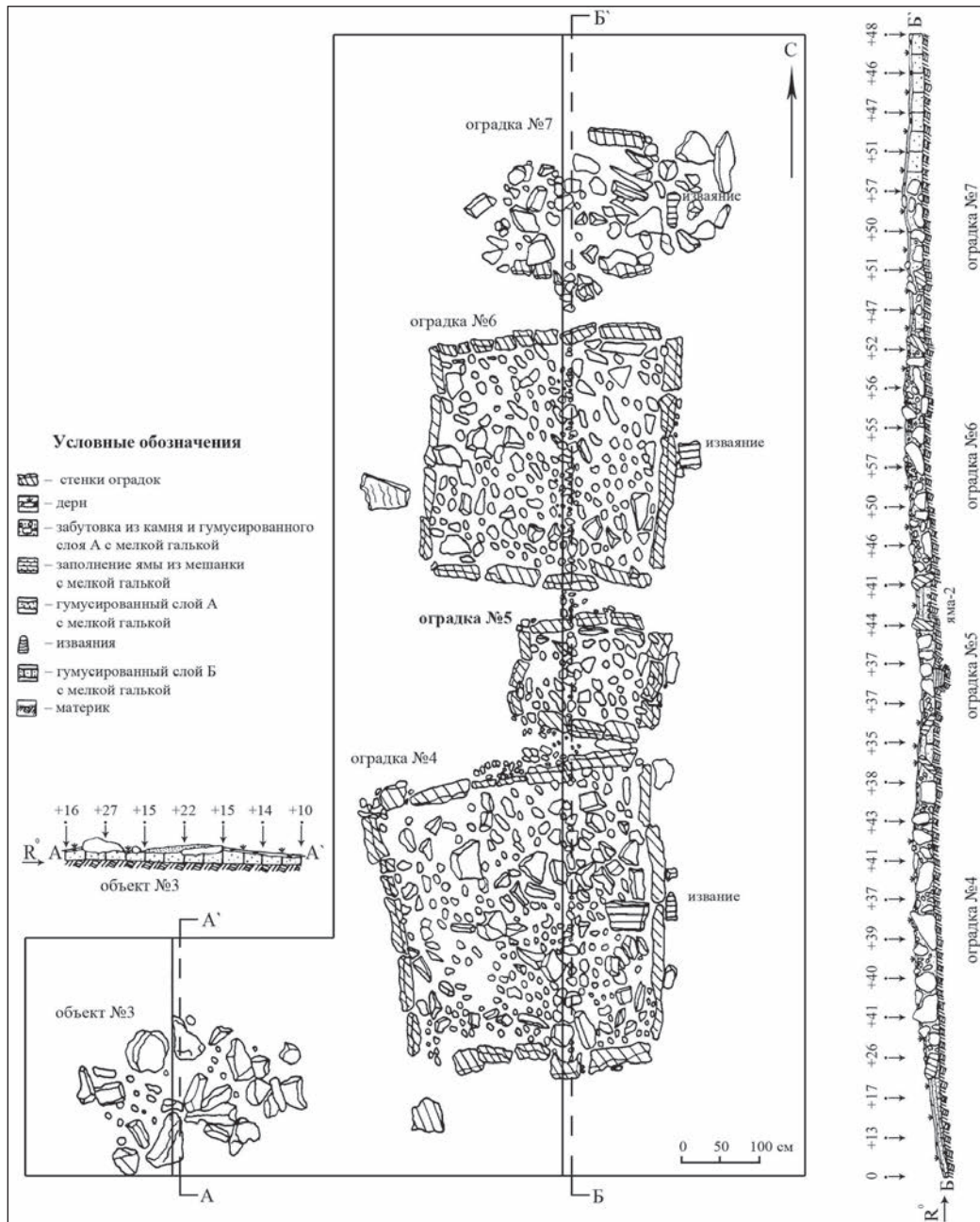

Рис. 3 (фото). Яломан-VII. Тюркские оградки №4–7 после снятия дерна и зачистки (снято с юга)

В дальнейшем земля и мелкие камни внутри оградок убирались, и производилась зачистка забутовки из крупных камней и плит до уровня материка с восточной стороны от бровок. Получившиеся таким образом разрезы зарисовывались (рис. 4). Затем в оградках производилась дальнейшая внутренняя зачистка нижнего слоя. В процессе этой работы бровка разбиралась. После реализации всей процедуры реализовывалась соответствующая фиксация (рис. 5–6). Следующим шагом работ являлась разборка внутренней забутовки оградок с зачисткой их внутреннего пространства по материк (рис. 7–8). Далее выбирались заполнения ям, обнаруженных внутри оградок, и тех, в которых были установлены каменные изваяния. Этот этап, как и все предыдущие, сопровождался фотографированием. Кроме того, производились необходимые замеры, что отражено на публикуемых планах и в описаниях.

После исследования всех объектов сооружения реконструировались, и осуществлялась рекультивация раскопа с укладкой ранее снятого дерна. Выбранные ямы засыпались

до уровня материка. Изваяния после очистки от лишайников, копирования и фотографирования устанавливались обратно в свои ямы, которые забутовывались камнями и присыпались до современной поверхности. Стенки оградок выравнивались до своего первоначального (вертикального) положения. Заодно под ними проверялся грунт. Плиты стенок фиксировались мелкими камнями, после чего восстанавливался «пол» оградок из круп-

ных камней и плит. Последние в процессе выборки складывались за пределами раскопа (отдельно для каждого объекта). На заключительном этапе внутренняя часть оградок засыпалась землей и мелкими камнями до уровня высоты стенок, а внешняя часть вместе со всей площадью раскопа, как уже отмечено, выравнивалась до современной поверхности.

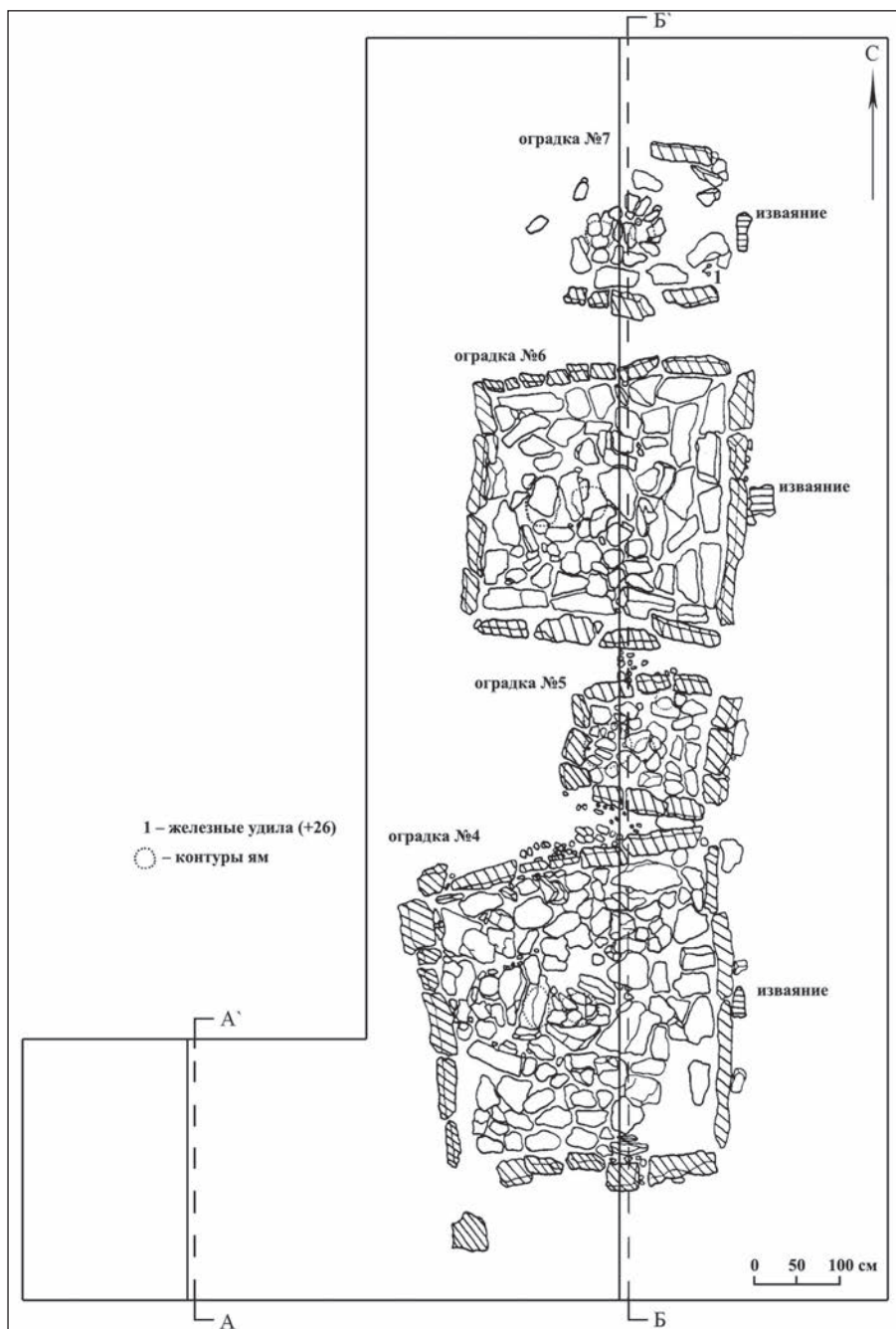

Рис. 5. Яломан-VII. Нижний слой из крупных камней внутри оградок №4–7 (план)

Рис. 6 (фото). Яломан-VII. Оградки №4–7 после снятия верхнего слоя и зачистки

Рис. 7 (фото). Яломан-VII. Оградки №4–7
после снятия нижнего слоя и выборки внутренних ям

Результаты раскопок. Выбранные для исследования оградки №4–7 и примыкавший к ним с юго-запада объект №3 были объединены в раскоп Г-образной формы (рис. 2, 4–5, 8). Большой прямоугольник этого участка включал рядом стоявшие

Структура раскопа, прослеженная по разрезам бровок, показала, что под слоем дерна (мощностью до 0,03 м) шел гумусированный слой А, который состоял из супеси коричневого цвета с мелкой галькой и был мощностью 0,07–0,1 м. Под ним или сразу под дерном фиксировался гумусированный слой Б, представлявший собой супесь грязно-желтого цвета с мелкой галькой (мощностью 0,15–0,2 м). Ниже хорошо прослеживался материк – супесь серо-желтого цвета с вкраплениями гальки. Оградки прорезали слои А и Б, а их нижние камни оказались немного вдавлены в материковую поверхность (на 0,05–0,1 м). Во внутреннем заполнении оградок дерн находился сверху камней и между ними. Крупные, средние и мелкие камни забутовки оказались вперемешку с гумусированным слоем А (рис. 4).

Объект №3. До раскопок представлял собой слабо задернованное скопление камней овальной формы. Его расчистка выявила однослойную наброску из разных камней, между которыми находились земля и мелкая галька. Размеры зафиксированного на плане скопления составляли 3х2 м, с ориентацией длинной осью по линии юг-юго-запад–север-северо-восток (рис. 4). После снятия всех камней и зачистки по материка никаких пятен не было выявлено. Стратиграфические наблюдения показали, что камни объекта №3 лежали на гумусированном слое Б, не доходя до уровня материка. Дерн находился между ними, а гумусированный слой А частично даже перекрывал один из камней. Данные обстоятельства указывали не на древнее происхождение объекта. Возможно, он образовался в результате очистки поля от камней для распашки.

Оградка №4 – самая южная в цепочке (рис. 2–8). До раскопок представляла собой задернованную каменную конструкцию квадратной формы с четко выраженными стенками. Расчистка выявила сооружение, основу которого составляли стенки из вертикально установленных плит, ориентированные по сторонам света, с незначительными отклонениями. Южная стенка имела длину 3,1 м. Она включала шесть плит размерами 0,4–0,85х0,35–0,45х0,08–0,15 м. Крайняя юго-западная плита стенки выпала и лежала в 0,4 м южнее оградки. Остальные плиты развалились на внешнюю сторону. Северная стенка оказалась длиной 3,4 м. Она включала шесть плит размерами 0,35–0,95х0,17–0,35х0,08–0,1 м. Две средние плиты стояли строго вертикально, три плиты отвалились на внешнюю сторону, а еще одна была наклонена вовнутрь конструкции. Восточная стенка имела длину 3,5 м. Она включала три плиты размерами 0,8–1,75х0,32–0,36х0,08–0,2 м. Все плиты стояли вертикально. Западная стенка была длиной 3,1 м. Она включала шесть плит размерами 0,17–0,75х0,3–0,42х0,08–0,12 м. Четыре плиты были наклонены на внешнюю, а две – во внутреннюю сторону. Средние размеры оградки (при придании первоначального положения всем плитам стенок) составляли 3,5х3,5 м, высота над материком – 0,35 м, над поверхностью – 0,25 м. С внешней стороны стенки конструкции были забутованы мелким камнем, а местами подперты камнями средних размеров. Щели между плитами и по углам оградки заделаны галькой. Внутреннее заполнение состояло из насыпи. Верхний слой – земля с галькой и мелкие камни, среди которых изредка встречались бульжники несколько крупнее. Под ним находилась вымостка-настил – нижний слой забутовки, устроенный на материковом полу оградки. Он состоял из крупных камней и плашмя уложенных плит, крайние из которых подпирали стенки. Щели между ними заложены мелким камнем и галькой. В юго-восточном углу оградки основная забутовка отсутствовала. В центральной части пять камней вымостки образовывали своеобразное гнездо, вероятно, для закрепления какого-то вертикального сооружения. Под ними (на уровне

материка) зафиксирована яма-1, к западу от которой под плащмя уложенными плитами пола выявлена яма-2. Вплотную к восточной стенке оградки находилось изваяние.

Яма-1 обнаружена в центре оградки, на расстоянии 1,4 м от восточной стенки. Она имела округлую форму размерами 0,42х0,38 м, с углублением в материке на 0,6 м. Стенки и дно ямы слегка наклонные. Заполнение состояло из мешаной супеси коричнево-желтого цвета, насыщенной мелкой галькой.

Яма-2 располагалась к западу от ямы-1, на расстоянии 0,17 м. Она имела овальную форму размерами 0,48х0,3 м, с углублением в материке на 0,55 м. Стенки и дно ямы слегка наклонные. Заполнение аналогично тому, что было в яме-1.

Изваяние вкопано посередине восточной стенки конструкции (рис. 8). Его верхняя часть оказалась сломана и лежала рядом на поверхности оградки (рис. 9–10). Изваяние сделано из плоской каменной плиты со следами обработки. В верхней трети выбито изображение лица человека. Оно сердцевидной формы, размерами 0,38х0,33 м. Глубокими канавками передан общий контур и глаза, рельефными линиями обозначен Т-образный нос и поджатые губы, неглубокой выбивкой (возможно, шлифовкой) переданы брови, усы и борода (рис. 11). Изваяние было вертикально установлено в яму овальной формы, размерами 0,4х0,2 м, углубленную в материк на 0,5 м. Стенки ямы ровные, дно – слегка наклонное, ее заполнение аналогично тому, что отмечено в ямах внутри оградки. Размеры изваяния следующие: длина – 1,5 м, наибольшая ширина – 0,43 м, наибольшая толщина – 0,19 м (рис. 12). Первоначально скульптура была обращена лицом к востоку. Следует указать, что в настоящее время она находится в районном центре Онгудае (планировалось ее использовать при создании музея). Вместо изваяния при реконструкции установлен другой плитообразный камень.

Рис. 9 (фото). Яломан-VII. Оградка №4. Сломанное тюркское изваяние

Рис. 10 (фото). Яломан-VII. Часть изваяния с изображением человеческого лица на оградке №4 (снято сверху)

Оградка №5 (рис. 2–8) до раскопок представляла собой задернованную каменную конструкцию аналогичную предыдущему объекту. Ее расчистка выявила сооружение из четырех стенок со следующими показателями. Южная стенка имела длину 1,35 м. Она включала три плиты размерами 0,4–0,5х0,25–0,3х0,08–0,1 м. Северная стенка была длиной 1,5 м. Она состояла из трех плит размерами 0,4–0,57х0,25–0,3х0,08–0,16 м. Восточная стенка оказалась длиной 1,25 м. Она имела три плиты размерами 0,35–0,52х0,25–0,3х0,08–0,15 м. Длина западной стенки, включавшей три плиты размерами 0,33–0,4х0,25–0,35х0,08–0,12 м, – 1,1 м. Плиты всех стенок развалились во внешние стороны. Средние размеры исследованной конструкции, при придании первоначального положения плитам, составляли 1,4х1,3 м, высота над материком – 0,3 м, над уровнем древней поверхности – 0,2 м. Внешнее оформление и внутреннее заполнение оградки напоминало предыдущее сооружение. В центральной части четыре камня вымостки образовывали гнездо. Под ним на уровне материка просматривалась яма-1, к западу от которой под плитами пола выявлена яма-2. У северной стенки оградки зафиксирована яма-3.

Рис. 11. Яломан-VII. Прорисовка лица человека с изваяния у оградки №4

Рис. 12 (фото). Яломан-VII. Оградка №4. Тюркское изваяние

Яма-1 находилась в центре оградки, на расстоянии 0,6 м от восточной стенки. Она имела округлую форму диаметром 0,25 м, с углублением в материке на 0,08 м. Стенки и дно ямы ровные. Заполнение состояло из мешаной супеси коричнево-желтого цвета, насыщенной мелкой галькой.

Яма-2 располагалась к западу от ямы-1, на расстоянии 0,03 м. Она имела округлую форму диаметром 0,52 м, с углублением в материке на 0,15 м. Стенки и дно ямы ровные. Заполнение аналогично тому, какое было в яме-1.

Яма-3 зафиксирована к северо-востоку от ямы-1, на расстоянии 0,37 м. Она имела округлую форму диаметром 0,25 м, с углублением в материке на 0,11 м. Стенки ямы ровные, дно слегка выгнутое. Заполнение оказалось таким, как в предыдущих ямах.

Оградка №6 (рис. 2–8) представляла собой задернованную конструкцию, аналогичную объектам №4 и 5. Зачистка ее выявила по периметру четыре стенки из вертикально установленных плит. Южная имела длину 2,85 м. Она включала четыре плиты размерами 0,6–0,85x0,3–0,4x0,1–0,15 м. Одна плита стояла почти вертикально, а три другие повалились на внешнюю сторону. Северная стенка была длиной 2,9 м. Она включала восемь плит размерами 0,15–0,82x0,3–0,35x0,1–0,15 м. Одна плита, северо-восточная, сто-

яла вертикально, а остальные развалились наружу. Восточная стенка оказалась длиной 2,97 м. Она включала четыре плиты размерами 0,55–0,95x0,3–0,4x0,1–0,12 м. Все плиты отклонились во внешнюю сторону от оградки. Западная стенка имела длину 2,7 м. Она включала четыре плиты размерами 0,53–0,9x0,35–0,4x0,09–0,12 м. Все плиты были наклонены наружу от конструкции. Средние размеры рассматриваемого сооружения при придании первоначального положения всем плитам стенок составляли 3x3 м, высота над материком – 0,35 м, над уровнем древнего горизонта – 0,25 м. С внешней стороны стенки оградки были забутованы мелким камнем. Также заделаны щели между плитами и по углам сооружения. Рядом с западной стенкой, на расстоянии 0,18 м, плашмя лежала крупная плита, вероятно, не использованная при строительстве. Внутреннее заполнение было таким же, как и у предыдущих объектов. В центральной части оградки пять камней вымостки образовывали гнездо, под которым на уровне материка зафиксирована яма-1. К западу от нее под плашмя уложенными плитами пола выявлена яма-2. Вплотную к восточной стенке оградки размещено изваяние.

Яма-1 находилась в центре оградки, на расстоянии 1,38 м от восточной стенки. Она имела округлую форму диаметром 0,42 м, с углублением в материке на 0,72 м. Стенки ямы вертикальные, дно немного неровное. Заполнение состояло из мешаной супеси коричнево-желтого цвета, которая была насыщена мелкой галькой.

Яма-2 располагалась к западу от предыдущей на расстоянии 0,14 м. Она имела овальную форму размерами 0,55x0,38 м, с углублением в материке на 0,45 м. В заполнении ямы, на глубине 0,05 м от уровня материка, расчищен плашмя уложенный камень размерами 0,42x0,24x0,1 м. Стенки ямы слегка выпуклые, дно ровное. Заполнение аналогично тому, какое было в яме-1.

Изваяние вкопано посередине восточной стенки оградки (рис. 8). Оно сделано из плитоподобного камня со следами обработки. Первоначально изваяние было установлено вертикально (впоследствии сильно наклонилось вперед) в яму овальной формы, размерами 0,35x0,2 м, углубленную в материк на 0,25 м. Стенки ямы ровные, дно слегка наклонное, заполнение такое же, как у других ям. Размеры изваяния следующие: длина – 0,78 м, наибольшая ширина – 0,43 м, наибольшая толщина – 0,22 м (рис. 13).

Рис. 13 (фото). Яломан-VII. Оградка №6. Тюркское изваяние

Рис. 14. Яломан-VII.
Прорисовка лица человека
с изваяния у оградки №6

В верхней части плиты выбито изображение человеческого лица (рис. 14). Оно сердцевидной формы, размерами 0,33x0,28 м. Широкой и более глубокой канавкой передан общий контур лица. В той же технике, но более мелко проработаны глаза, брови, нос, усы и рот (рис. 15). Изваяние лицом обращено к востоку.

Оградка №7 (рис. 2–8) до раскопок представляла собой задернованную каменную конструкцию нечеткой прямоугольной формы. Ее расчистка выявила сооружение, сильно разрушенное в результате распашки. Восточная и западная стенки на месте отсутствовали. От северной стенки на месте сохранилась одна, заваленная наружу плита размерами 0,72x0,23x0,12 м. Южная стенка сохранилась полностью. Она имела длину 1,8 м и включала четыре плиты размерами 0,25–0,65x0,25–

0,3x0,09–0,12 м. Все плиты наклонились на внешнюю сторону. Значительная часть плит была свалена возле изваяния без видимого порядка. Первоначальные размеры

Рис. 15 (фото). Яломан-VII. Изображение лица
на каменном изваянии у тюркской оградки №6. Без масштаба

оградки, видимо, составляли 1,8x1,8 м, высота над материком – 0,3 м, над уровнем древнего горизонта – 0,2 м. Внутреннее заполнение оградки сохранилось частично. Оно было таким же, как и у предыдущих оградок. У юго-восточного угла оставшегося сооружения, на уровне пола, найдены железные удила (рис. 16). В центральной части шесть камней вымостки образовывали гнездо. Под ними на уровне материка зафиксирована яма-1, к западу от которой под плашмя уложенными плитами пола выявлена яма-2. С восточной стороны оградки стояло изваяние.

Яма-1 располагалась в центре оградки, на расстоянии 0,6 м от южной стенки. Она имела округлую форму размерами 0,3x0,25 м, с углублением в материке на 0,26 м. Стенки ямы ровные, дно вогнутое. Заполнение ямы состояло из мешаной супеси коричнево-желтого цвета, насыщенной мелкой галькой.

Яма-2 находилась к западу от ямы-1, на расстоянии 0,18 м, и имела округлую форму диаметром 0,32 м. Она была углублена в материк на 0,11 м. Стенки и дно ямы вогнутые. Заполнение такое же, как у ямы-1.

Изваяние вкопано у восточной стенки оградки, посередине (рис. 8). Оно сделано из плоской каменной плиты со следами обработки и было установлено вертикально (впоследствии слегка отклонилось назад) в яму овальной формы (размерами 0,45x0,18 м), углубленную в материк на 0,25 м. Стенки ямы слегка наклонные, дно ровное, заполнение, как у внутренних ям. Размеры изваяния следующие: длина – 0,92 м, наибольшая ширина – 0,42 м, наибольшая толщина – 0,18 м. Изображений на изваянии не зафиксировано. Вероятно, они не сохранились, так как поверхность плиты оказалась плохой сохранности.

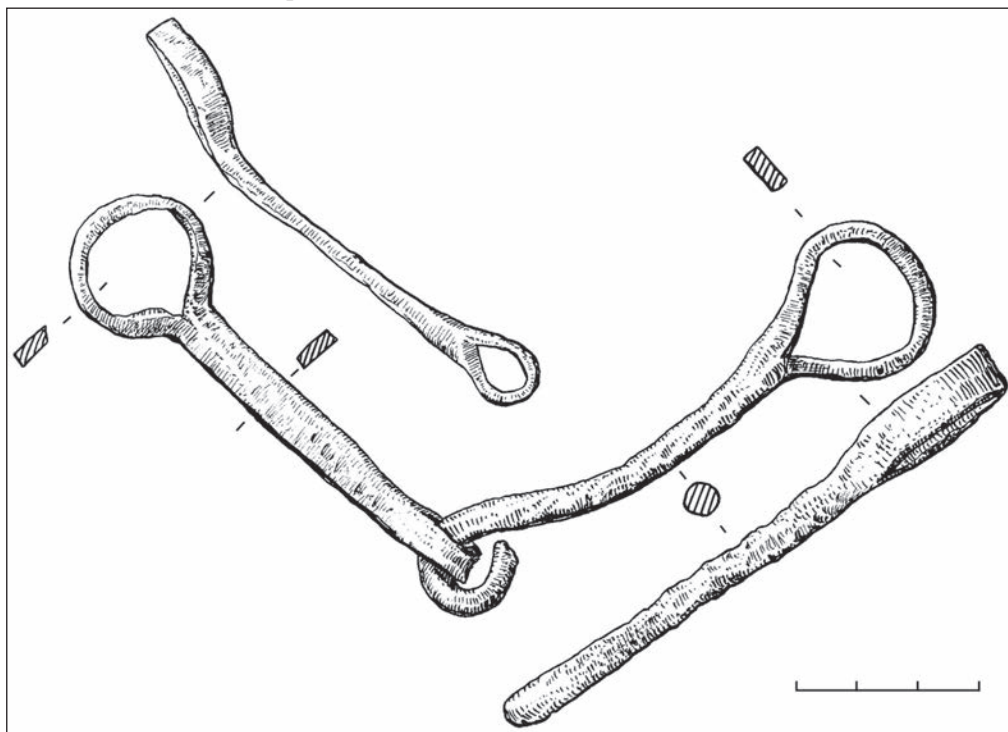

Рис. 16. Яломан-VII. Железные удила из оградки №7

Культурно-хронологическая атрибуция. Исследованные каменные сооружения на памятнике Яломан-VII по всем своим признакам относятся к тюркской культуре [Тишкин, 2007, с. 185–205; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 7–41]. Они идентичны большой серии рядовых оградок Монголии, Южной Сибири, Киргизии и Казахстана [Кубарев, 1984; Худяков, 1985; Табалдиев, 1996; Худяков, Ким, 1999; Ермоленко, 2004; и др.]. Близкое расположение яломанских оградок в цепочку из четырех объектов также находит полные соответствия на ряде тюркских комплексов в Горном Алтае (Дьер-Тебе) [Кубарев, 1978], Монгольском Алтае (Бугатын-узуур-I, Баян булаг-II) [Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008; Тишкин и др., 2010] и Казахстане (Жансай-10, 15) [Досымбаева, 2006].

Единственным предметом сопроводительного инвентаря из публикуемого комплекса являются железные удила, найденные в оградке №7 (рис. 16). Они имеют звенья с гладкими стержнями, кольчатыми внешними окончаниями овально-каплевидной формы и кольчато-крюковым соединением. По совокупности признаков яломанское изделие находит точные соответствия среди удил из оградки-XV и могилы-9 памятника Кудыргэ, датирующихся соответственно V–VI и VI–VII вв. [Гаврилова, 1965, с. 102–104, табл. V-4; XV-6].

Уточнить хронологию яломанских оградок помогает такая особенность конструкции, как внутренний настил (вымостка) из плит на материковом полу сооружения. Данный признак характерен для «...мемориальных комплексов эпохи Первого тюркского каганата» [Войтов, 1996, с. 67–70]. Изваяния с личинами, аналогичные установленным у оградок №4 и 6, также позиционируются исследователями как наиболее ранние в отличие от скульптур, получивших распространение с периода II Восточно-тюркского каганата [Гаврилова, 1965, с. 99–102].

Таким образом, конструктивные особенности, стилистика изваяний и найденные удила позволяют датировать оградки №4–7 памятника Яломан-VII 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в. и отнести их к кудыргинскому этапу тюркской культуры. Полученные материалы дают возможность проследить важные моменты конструкции и функционирования тюркских оградок. Последовательность их строительства можно представить следующим образом. Первоначально в верхнем гумусированном слое до уровня материка выкапывалась подквадратная площадка необходимых размеров. Затем по ее краям устанавливались вертикальные плиты, незначительно углубленные в материк и образующие стенки оградки. Снаружи их контрфорсами служили мелкие и реже средние камни. После этого внутри оградки выкапывались ямы. В центральную из них устанавливали определенное сооружение (столб, дерево, стелу), которое на уровне пола укреплялось гнездом из крупных камней. Западная яма, очевидно, служила для помещения тризны, предназначенной умершему человеку. Затем внутреннее пространство оградки выстилалось плитами и глыбами, подкреплявшими стенки изнутри и создававшими своеобразную платформу (вымостку-настил). Одновременно с этими действиями производилась установка изваяния в яму, выкопанную снаружи восточной стенки оградки. В таком открытом виде весь комплекс функционировал на протяжении ритуального цикла. После его окончания сооружение из центральной ямы убиралось, западная яма закладывалась плитами и камнями вровень с настилом, а над ним насыпался слой земли и мелких камней до высоты стенок оградки. Этот акт был заключительным, и далее оградка существовала уже как закрытый комплекс.

Реализованная методика работ и зафиксированные наблюдения позволили полностью восстановить раскопанные оградки и создать музеефицированную площадку для использования ее в экскурсионно-туристической деятельности (рис. 17).

Рис. 17 (фото). Яломан-VII. Реконструированные тюркские оградки №4–7. Музеефицированная площадка (снято с севера)

Библиографический список

- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. С. 119–124. (Труды САИПИ. Вып. 3).
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Бугатын узуур-I и II // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 92–102.
- Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Комплекс, 2006. 168 с.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.
- Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 86–98.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 24–54.

Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: АРТИКА, 2011. 136 с.: ил.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ГарантПромРесурс, 2004. С. 93–97.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Мөнхбаяр Ч. Буянт голын сав дахь түрэгийн тахилгын байгууламжийн малтлага судалгаа // Түүхийн товчоон. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2010. Т. V. Т. 111–158 (на монг. яз.).

Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 168–184.

Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрков в Горном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск Изд. ГАГУ, 2002. №9. С. 137–153.

Худяков Ю.С., Ким С.А. Древнетюркские поминальные памятники в долине р. Нарын в Туве // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Издательский центр НГУ, 1999. С. 23–54.

V. V. Gorbunov, A. A. Tishkin

TURKIC MORTUARY ENCLOSURES OF YALOMAN-VII (Central Altai)

Since 2001 Altai State University has regularly organized archaeological expeditions to examine the territory of the discovered archaeological site Yaloman (the Ongudai region of the Altai Republic). Commemorative burial complexes dating from different time periods as well as Turkic mortuary enclosures have been found at the six sites of Yaloman (Yaloman-II, IV–VIII). They are located in the area of the fourth terrace above the flood-plain close to the mouth of the Bolshoi Yaloman river (on the left bank of the Katun river). The article provides the results obtained in the course of examining the Turkic mortuary enclosures at the site Yaloman-VII which represents a group of 17 stone constructions. Design features, style of statues and discovered grave goods allow us to date the objects № 4–7 of Yaloman-VII as the second half of the 6th – the first half of the 7th centuries and refer them to the Kudyrginsk stage of the Turkic culture. They are identical to a wide range of typical mortuary enclosures of Mongolia, South Siberia, Kirghizia and Kazakhstan. The materials obtained made it possible to examine the important parts of the construction and the functioning of the Turkic objects at this site as well as to determine the sequence of their erection. The discovered stone statues supplement a previously examined series of the Turkic sculptures. The excavated mortuary enclosures have been reconstructed and partially added to the category of museum objects.

Keywords: Central Altai, the Turkic mortuary enclosures, statues, excavation procedure, reconstruction, iron bits, the Kudyrginsk stage, the Turkic culture.

УДК 902.3

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**«ОДИНОЧНЫЕ» ПОГРЕБЕНИЯ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК
АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ***

В статье представлены результаты изучения «одиночных» погребений (без сопроводительного захоронения лошади), получивших в раннем средневековье распространение на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Анализ материалов раскопок таких объектов позволил выделить ряд специфических характеристик, появление которых могло быть обусловлено различными обстоятельствами. В ряде случаев сооружение «одиночного» захоронения было связано с полом или возрастом умершего человека. Другое объяснение, справедливое для серии комплексов, заключается в том, что рассматриваемая особенность обряда отражала более низкий социальный статус умершего погребенного. Кроме того, группа «одиночных» захоронений относится к начальному и позднему этапам развития культуры раннесредневековых тюрок и, вероятно, демонстрирует периоды формирования или упадка традиций ритуальной практики кочевников. Анализ «одиночных» захоронений показал, что они не являются инокультурными. Вариативность различных элементов погребального обряда раннесредневековых тюрок отражает неоднородность данной общности и специфику этносоциальных процессов на территории Алтае-Саянской горной страны и Монголии во 2-й половине I тыс. н.э.

Ключевые слова: Алтае-Саянский регион, Монголия, раннесредневековые тюрки, «одиночные» погребения, интерпретация.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-08

Среди дискуссионных аспектов интерпретации материалов раскопок археологических памятников 2-й половины I тыс. н.э. на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии особое место занимает вопрос о культурной и этнической атрибуции погребальных комплексов. К настоящему времени достаточно полно исследованы захоронения раннесредневековых тюрок, совершенные по обряду ингумации в сопровождении лошади, и принадлежность таких объектов к обозначенной общности кочевников не вызывает сомнений у большинства специалистов.

Менее однозначной остается интерпретация синхронных «одиночных» погребений (без сопроводительного захоронения лошади). Обозначенная особенность ритуала кочевников не получила должного объяснения и исследована явно недостаточно. Большинство археологов «одиночные» погребения в культуре кочевников раннего средневековья связывают с обрядовой практикой, характерной для населения предшествующего времени, сохранившего традиции, не характерные для «алтайских тюрок» [Кызласов, 1969. с. 22–23; Длужневская, Овчинникова, 1980, с. 83; Нестеров, 1990, с. 50]. С.И. Вайнштейн [1966, с. 331], признав обоснованность такой интерпретации, не исключил и того, что рассматриваемые объекты относятся к тюркской культуре. Г.В. Кубарев [2005, с. 19] подчеркнул, что ему известно только одно «одиночное» погребение данной общности на территории Алтая. Другие захоронения людей без лошади, раскопанные в указанном регионе, либо не отнесены

* Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 годы «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири, мероприятия «Конкурс грантов» (№2013.312.2.51).

археологом к тюркской культуре, либо остались за рамками его внимания. В то же время Г.В. Кубарев [2005, с. 19] упомянул о распространении «одиночных» погребений на территории Минусинской котловины.

Погребения раннесредневековых тюрок, в которых отсутствовало сопроводительное захоронение лошади, впервые исследованы на могильнике Кудыргэ [Руденко, Глухов, 1927; Гаврилова, 1965] и были объединены А.А. Гавриловой [1965, с. 28] в рамках третьего и четвертого вариантов могил. Интересное объяснение своеобразия ряда объектов известного некрополя предложил П.П. Азбелев [2000, с. 4], отметивший их сходство с комплексами сросткинской культуры. По его мнению, на памятнике раскопаны «раздельные погребения человека и коня в разных, но стандартно соотношенных ямах: могилы 1 и 2, 3 и 4, 6 и 8, 22 и 23». На наш взгляд, в пользу того, что в ходе исследования могильника Кудыргэ зафиксированы самостоятельные, никак не связанные объекты («одиночные» погребения людей и отдельные от них захоронения лошадей), свидетельствует ряд показателей. В первую очередь, следует обратить внимание на значительное расстояние между названными могилами [Гаврилова, 1965, табл. II]. Кроме того, все эти погребения имеют отдельные наземные сооружения. В курганах сросткинской культуры, упомянутой П.П. Азбелевым, подобные могилы располагались на различном, как правило небольшом, расстоянии и всегда под одной насыпью [Илюшин, 1993, рис. 4, 5, 7, 8, 10–15, 18, 19; Тишкин, 1993, с. 233–236, рис. 1; и др.]. Такая ситуация зафиксирована и при исследовании одного погребения тюркской культуры [Комарова, 1973, с. 207–208, рис. 1]. Существенным является то, что в объектах некрополя Кудыргэ конское снаряжение присутствует не только в отдельных захоронениях лошадей, но и в «одиночных» погребениях людей [Гаврилова, 1965, табл. VII–X]. Такое дублирование не находит аналогий в памятниках тюркской культуры и не может быть объяснено в том случае, если могилы рассматриваются как единый комплекс. Итак, на наш взгляд, обоснованным является отнесение объектов №1, 3 и 8 некрополя Кудыргэ к отдельным захоронениям лошадей, а могил 2, 4, 6 – к «одиночным» погребениям людей. Могила 22 может быть обозначена как «парный» кенотаф. Специфика подобных объектов достаточно подробно раскрыта в ряде работ [Савинов, 1987; Серегин, 2008, с. 145–146].

Погребения без сопроводительного захоронения лошади исследованы и на других могильниках раннесредневековых тюрок на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и Монголии. Некоторые вопросы, связанные с их интерпретацией, представлены ниже.

Обозначим общие показатели обряда, характерные для «одиночных» погребений. Как и на большинстве объектов тюркской культуры Алтая и Тувы, на таких комплексах преобладает ориентировка умерших людей головой в восточный сектор горизонта (рис. 1–3); достаточно фрагментарно фиксируется меридиональное направление (рис. 4). «Одиночные» погребения на территории Минусинской котловины характеризуются западной ориентировкой. В целом стандартно и положение людей, хотя имеются незначительные отклонения на могильниках Ороктой, Усть-Бийке-III и Черби [Вайнштейн, 1958, с. 218; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 4; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 30] (рис. 4). Место для лошади в рассматриваемых объектах отсутствует. Только в одном случае половина могильной ямы была оформлена в виде приступки, на которой могло располагаться животное [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 30].

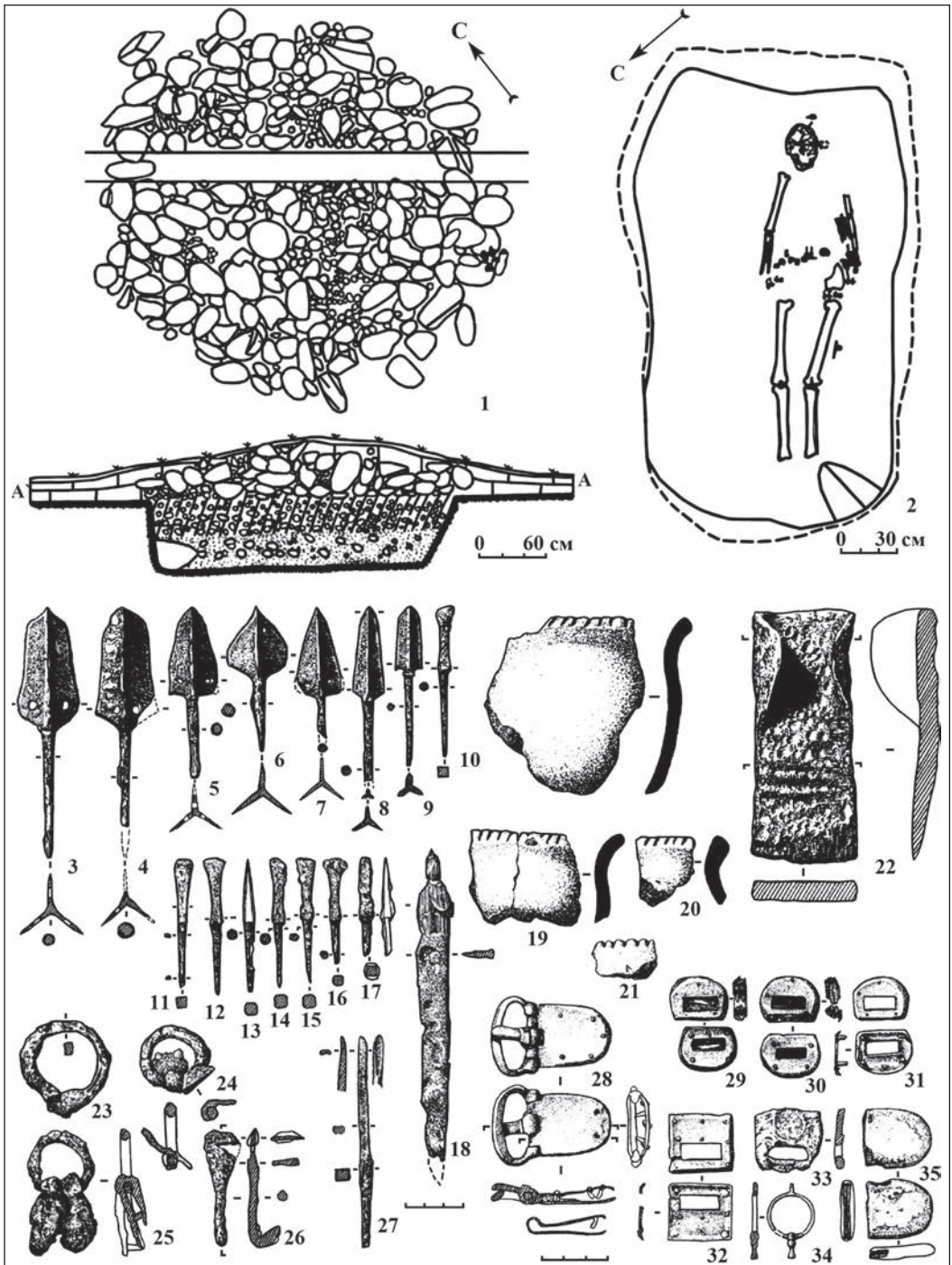

Рис. 1. Бирюзовая Катунь-3. 1-2 – план насыпи и погребения;
 3-35 – предметный комплекс. 1-18, 22-27, 33 – железо; 19-21 – керамика;
 28-32, 34-35 – бронза (по: [Кирюшин, Матренин, 2009, рис. 1-4])

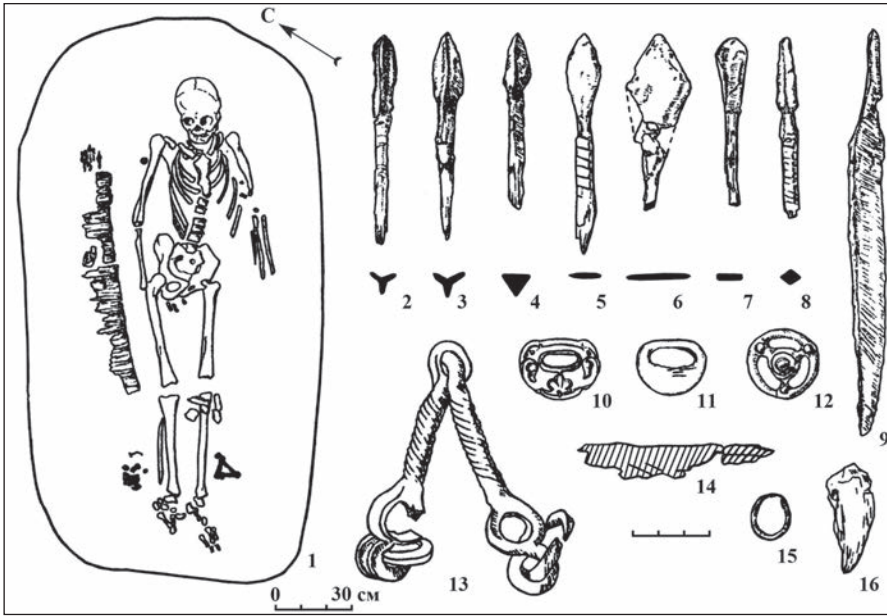

Рис. 2. Саглы-Бажи, курган №27. 1 – план погребения; 2–16 – предметный комплекс; 2–9, 13 – железо; 10 – золото; 11, 12 – бронза; 14, 16 – рог; 15 – серебро (по: [Грач, 1968, рис. 49; 50.-7, 11, 14–19, 21–27])

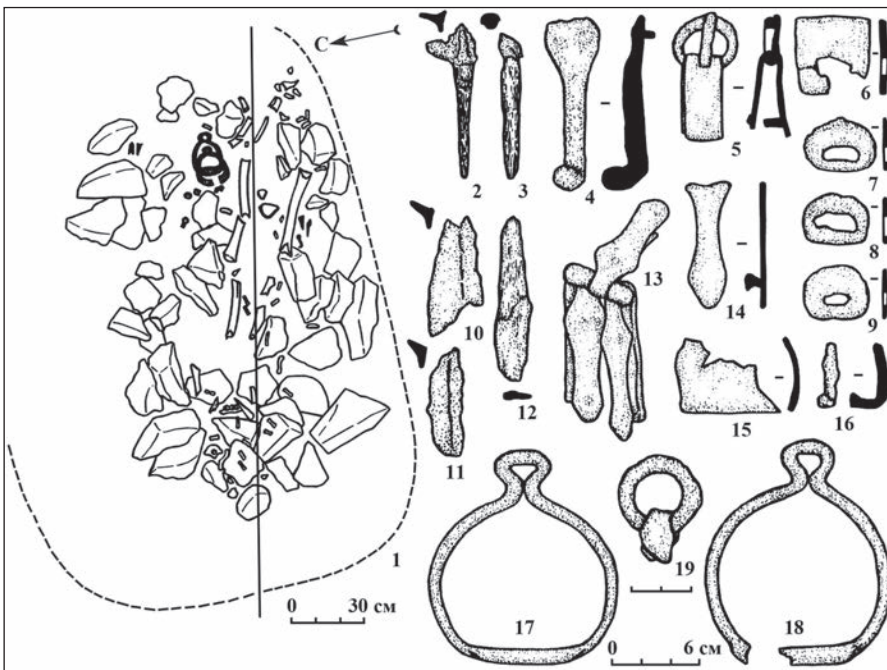

Рис. 3. Тянгыс-Тыт, курган №4. 1 – план впускного погребения; 2–18 – предметный комплекс; 2–18 – железо (по: [Худяков, Борисенко, 1997, рис. 1, 2])

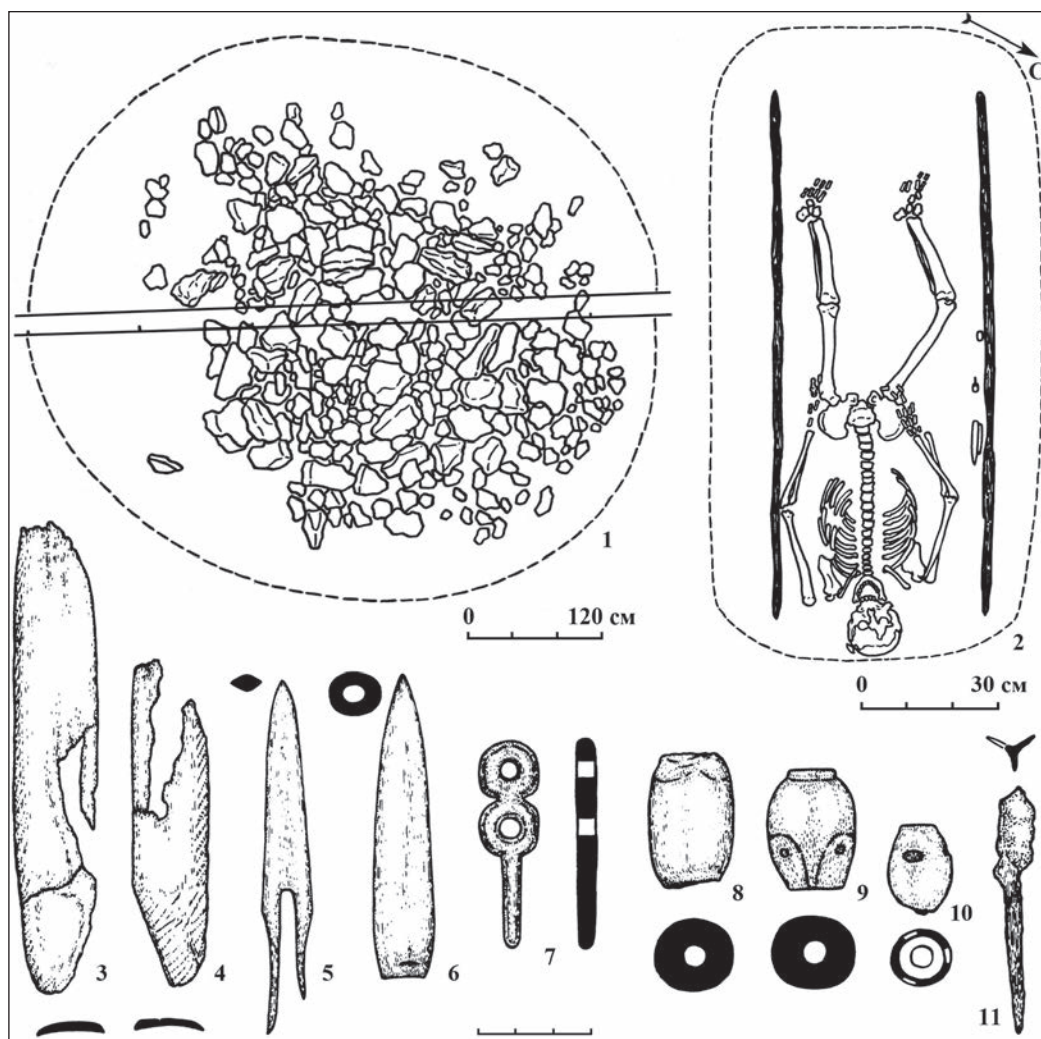

Рис. 4. Ороктой, курган №1. 1, 2 – план насыпи и погребения; 3–11 – предметный комплекс; 3–10 – кость; 11 – железо, дерево (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 3–5])

В ходе раскопок ряда «одиночных» погребений тюркской культуры на территории Алтая и Тувы зафиксировано конское снаряжение (рис. 2, 3). Интересны закономерности расположения данных изделий – в большинстве случаев они обнаружены у ног умершего [Гаврилова, 1965, табл. IX; Вайнштейн, 1966, рис. 28; Грач, 1968, рис. 49; Худяков, Борисенко, 1997, рис. 1; Кирюшин и др., 1998, рис. 2.-1; Трифонов, 2000, рис. 1]. В двух могилах удила и украшения конского снаряжения были положены за головой погребенного [Вайнштейн, 1966, рис. 28; Кирюшин и др., 1998, рис. 2.-1]. В большинстве тех захоронений, где лошадь сопровождала человека, принадлежности узды и седла находились на животном, однако встречены и ситуации, схожие с описанными выше [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 113; Могильников, 1990, с. 147; 1997, с. 203; Кубарев, 2005, табл. 87].

Сложность этнокультурной ситуации на территории Алтае-Саянской горной страны и Монголии, а также динамичность социальной истории населения данного региона, на наш взгляд, делают невозможной однозначную интерпретацию всех известных «одинокных» погребений. Более целесообразным является рассмотрение различных трактовок, справедливых для конкретных объектов. Значительное количество «одинокных» погребений, учтенных в настоящей работе, – 19 могил, исследованных на Алтае, 9 – в Туве, 22 – в Минусинской котловине и 2 – в Монголии, демонстрирует, что данная традиция не была случайной и имеет объективное объяснение, являясь отражением обрядовой практики определенной группы (или групп) населения.

Наиболее очевидной является интерпретация «одинокных» погребений ранне-средневековых тюрок Минусинской котловины. В указанной части Алтае-Саянской горной страны такие объекты раскопаны на могильниках Белый Яр-II [Киргинеков, Поселянин, 1993; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999], Маркелов Мыс-II [Митько, 1992; Тетерин, 1992; 2000], Кирбинский лог, Сабинка-I [Савинов, Павлов, Паульс, 1988]. В большинстве случаев сопроводительное захоронение лошади отсутствовало в детских могилах [Серегин, 2013]. На некрополях Кирбинский Лог и Сабинка-I «одинокными» являются также погребения женщин. В то же время в мужских могилах лошадь присутствовала в большинстве случаев. Таким образом, налицо половозрастная обусловленность распространения «одинокных» погребений в Минусинской котловине.

Данный вариант интерпретации рассматриваемых объектов в определенной степени справедлив и для ранне-средневековых комплексов Алтая и Тувы. В исследованных детских захоронениях тюркской культуры лошадь почти всегда отсутствовала, в ряде случаев рядом с ребенком помещена овца. Исключение представляют три погребения, раскопанные на памятниках Аргалыкты-VIII (к. №2) и Кара-Тал-IV (к. №6) в Туве*, а также Джолин-III на Алтае [Кубарев, 2005].

Количество лошадей является одним из социальных маркеров обряда населения тюркской культуры [Серегин, 2011, с. 181]. Чаще всего погребенного сопровождало одно животное. Максимальное количество лошадей, находящихся рядом с умершим, – три или четыре особи; такие объекты по многим признакам можно отнести к «элитным» [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 103–113; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003]. В связи с этим в ряде случаев справедливым является утверждение об обусловленности «одинокных» погребений определенным, по всей видимости низким, социальным статусом умершего человека. Действительно, выделяется группа подобных объектов, содержавших «бедный» сопроводительный инвентарь [Гаврилова, 1965, с. 23; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 95–98; Тетерин, 1991, с. 152–153; Елин, Могильников, 1983, с. 219; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 116; Кубарев, 2005, с. 368] (рис. 4). С другой стороны, известны «одинокные» погребения, вещевой комплекс которых достаточно стандартен [Грач, 1960, с. 17–18; Худяков, Борисенко, 1997; Кирюшин и др., 1998, с. 165; Худяков, 2002, с. 153; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 67–70] (рис. 3). Выделяются могилы, включающие, помимо предметов вооружения для мужчин и украшений для женщин, некоторые «престижные» элементы материальной культуры [Вайнштейн, 1958, с. 218; Гаврилова, 1965, с. 22–23; Грач, 1968, с. 108; Кызласов, 1979, с. 191–192,

* К сожалению, материалы данных памятников введены в научный оборот лишь частично [Трифонов, 1971] и известны, главным образом, по отчетам о полевых исследованиях.

рис. 150; Трифонов, 2000; Кирюшин, Матренин, 2009] (рис. 1, 2). Поэтому социальный фактор в данном случае возможен лишь для некоторых погребений.

В ряде случаев традиция совершения «одиночных» погребений могла быть связана с принадлежностью умерших к определенным группам кочевников, отличавшимся по этническому составу от основного населения тюркской культуры. Одним из примеров такой ситуации является захоронение, исследованное на памятнике Ороктой (курган №1) на Алтае [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 4] (рис. 4). Объект отнесен к раннему кызыл-ташскому этапу тюркской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161], и в его материалах фиксируется определенная преемственность с традициями предшествующего «гунно-сарматского» времени. Большинство исследователей к позднему времени относят ряд «одиночных» погребений, раскопанных на территории Тувы [Вайнштейн, 1958, с. 218; Грач, 1968, с. 108; Кызласов, 1979, с. 191–192; Трифонов, 2000] (рис. 2). В этих случаях также отмечены некоторые отклонения от стандарта ритуала населения тюркской культуры по таким показателям, как ориентировка и положение умерших, что является косвенным свидетельством их иной этнической принадлежности.

В целом имеется несколько объяснений традиции сооружения «одиночных» погребений раннесредневековых тюрков. Так или иначе представляется возможным утверждать, что рассматриваемые объекты не являются инокультурными. В большинстве случаев они расположены в одной группе с погребениями, для которых характерен стандартный ритуал. Анализ предметного комплекса также не противоречит данному утверждению. Вариабельность различных элементов погребального обряда раннесредневековых тюрков отражает неоднородность данной общности и специфику этносоциальных процессов на территории Алтае-Саянской горной страны и Монголии во 2-й половине I тыс. н.э.

Библиографический список

- Азбелев П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: Изд. ОмГУ, 2000. С. 4–5.
- Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. VI. С. 217–237.
- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 7–72.
- Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 105–111.
- Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 77–94.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Елин В.Н., Могильников В.А. Исследование древних курганов Беш-Озек // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 218–220.
- Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.
- Киргинцев Э.Н., Поселянин А.И. Новые данные о древнетюркском могильнике Белый Яр-I в Хакасии (по материалам раскопок 1992 г.) // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан: Абаканский гос. пед. ин-т им. Н.Ф. Катанова, 1993. С. 41–42.

Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Раскопки кургана раннего средневековья Бирюзовая Катунь-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2009. Вып. XVII. С. 235–243.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.

Комарова М.Н. Тюркское погребение с конем в Аржане // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1973. Вып. XVI. С. 207–210.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Митько О.А. Древнетюркские погребения могильника Маркелов мыс-2 // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 1992. Т. II. С. 46–48.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАНИИЯЛ, 1990. С. 137–185.

Могильников В.А. Курганы №85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: Изд. ГАИГИ, 1997. С. 187–234.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: Изд. НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37–52.

Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 80–89.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 144–153.

Серегин Н.Н. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Известия АлтГУ. Сер.: История, политология. 2011. №4/2 (72/1). С. 180–185.

Серегин Н.Н. Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3 (22). С. 87–94.

Тетерин Ю.В. Средневековые памятники у р. Ороктой в долине средней Катунь // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд. БГПИ, 1991. С. 151–153.

Тетерин Ю.В. Новый памятник древнетюркской эпохи на Среднем Енисее // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 1992. Т. II. С. 24–26.

Тетерин Ю.В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд. НГУ, 2000. С. 27–54.

Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культуры народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 232–247.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд. НГУ, 2000. С. 143–156.

Худяков Ю.С. Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 150–160.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгис-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. IV. С. 369–373.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

N.N. Seregin

«SINGLE» BURIALS OF EARLY MIDDLE-AGES TURKS IN THE ALTAI-SAYAN REGION AND CENTRAL ASIA: ETHNOCULTURAL AND SOCIAL INTERPRETATION

The article provides the results obtained during the course of examining «single» burials (without an accompanying horse burial), which were characteristic of the Altai-Sayan region and Central Asia in the early Middle Ages. The analysis of the material found during the excavation work of the sites allowed for marking a number of specific characteristics which could be determined by different factors. In some cases the construction of a «single» burial was connected with the sex and age of the dead person. Another explanation appropriate for a series of complexes is that the specifics of the rite reflected lower social status of the buried person. Moreover, a group of «single» burials refers to early and late stages of development of the early middle-ages Turks and probably demonstrates the periods of formation and decline of nomadic ritual traditions. The analysis of the «single» burials verified that these burials did not refer to an alien culture. The variability of different elements of a burial rite of the early middle-ages Turks reflects the heterogeneity of this community and specifics of ethnosocial processes in the territory of the Altai-Sayan highlands and Mongolia in the 2nd half of the first millennium AD.

Keywords: the Altai-Sayan region, Mongolia, the early middle-ages Turks, «single» burials, interpretation.

УДК 903.53

Т.Г. Гребенникова, А.М. Илюшин, А.А. Тишкин

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

УКРАШЕНИЯ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ КУРГАНА №4 ПАМЯТНИКА МУСОХРАНОВО-1 В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

В 2009 г. Кузнецкая археолого-этнографическая экспедиция Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета под руководством одного из авторов статьи раскопала на памятнике Мусохраново-1 курган №4. В результате был получен разнообразный археологический материал, информация о котором уже частично отражена в публикациях. Указанный памятник находится на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области (Россия).

В статье специально рассматриваются морфологические и технико-технологические особенности комплектов украшений конского снаряжения из исследованных могил 1 и 3. Изученные особенности формы и декора изделий позволяют указать нижнюю датировку найденных предметов – 1-я половина X в. Комплект украшений конского снаряжения из могилы-1 имеет прямые аналогии в материалах сросткинской культуры Лесостепного Алтая. Применительно к накладным украшениям из могилы 3 можно говорить о «серийных» изделиях, среди которых отмечены «первичные», сложные по рисунку и качественные по изготовлению, и «вторичные» изделия с аналогичным декором, но более низкого качества. Высокий уровень изготовления значительной части изученных предметов позволяет предполагать их производство в специализированных ремесленных центрах Семиречья.

Ключевые слова: конское снаряжение, раннее средневековье, Кузнецкая котловина, украшения, технология, декор, орнамент, изделие, сросткинская культура, ремесло.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-09

В 2009 г. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева раскопала на памятнике Мусохраново-1 (долина среднего течения р. Касьма, административная территория Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области) курган №4, расположенный в северной части указанного комплекса. Предварительная информация о результатах исследования этого объекта и изучения отдельных артефактов из него уже была введена в широкий научный оборот [Илюшин, 2010, с. 25–27; 2011, с. 267–271; 2012а, с. 93–100; 2012б, с. 118, 218, рис. 3.-1–23; Илюшин, Бутьян, 2010, с. 174–185]. Это позволило предварительно датировать курган №4 XII–XIII вв. и отнести его к кругу древностей шандинской археологической культуры, включаемой в этнокультурный ареал восточных кыпчаков.

Цель настоящей работы – специализированное рассмотрение морфологических и технико-технологических особенностей комплектов украшений конского снаряжения из кургана №4, рассматриваемых в качестве предметов торевтики [Тишкин, 2010, с. 7]. Один подобный комплект из кургана №3 памятника Мусохраново-1 уже представлен в научной литературе [Илюшин, 2009, с. 71–82; Тишкин, Илюшин, 2010, с. 94–100]. Актуальность такого рода исследований сопряжена с необходимостью формирования существенной по объему базы данных по средневековой торевтике Центральной Азии. В дальнейшем это позволит проводить более разносторонний и углубленный сравнительный историко-культурный анализ изучаемых артефактов.

При раскопках кургана №4 в 2009 г. в могилах 1 и 3 были найдены изделия от двух комплектов украшений конского снаряжения. В могиле 1 около фрагментов черепов лошадей зафиксированы наконечники ремней и пряжка (рис. 1.-1-7; 2). В могиле-3 интересные металлические предметы (рис. 1.-8-15; 3-5) обнаружены рядом с головой коня.

Первыми проанализируем находки из могилы-3. Все эти изделия выполнены в соответствующих друг другу пропорциях. Распределитель ремней с выраженным полусферическим центром, подтреугольными лопастями с лепестковым оформлением их окончаний (рис. 1.-13) представляет собой переходный тип изделий такого назначения и отражает достаточно быстрый эволюционный процесс данной категории предметов. Его переходные черты представлены слабо выраженными «перехватами» (зауженные места при переходе лопастей в центральную часть распределителя). На Алтае более узкой эта часть фиксируется у изделий 2-й половины VIII – начала IX в. В конце же IX – начале X в. она полностью нивелируется. В результате угол между смежными лопастями становится близким к прямому, а лопасти окончательно утрачивают треугольную форму. Бортик (край) центральной части рассматриваемого распределителя из могилы 3 в промежутках между лопастями декорирован при помощи парных нервюр, что представляется также достаточно ранним признаком для аналогичных средневековых предметов [Горбунова, 2010, с. 61, рис. 28.-9, 11]. Необходимо отметить крупные пропорции распределителя (6,2x4,8 см), что является наиболее характерным признаком для наборов украшений конского снаряжения во 2-й половине IX – 1-й половине X в. На одной из лопастей распределителя имеется сквозное отверстие, находящееся чуть ниже сломанного шпенька. Вероятно, именно в связи с этим обстоятельством оно было сделано и использовалось для функционального удержания изделия на ремне. На других лопастях располагаются шпеньки и пластины-фиксаторы, при помощи которых предмет плотно закреплялся на одном из ремней снаряжения лошади. Особенности технологии изготовления распределителя отражает его обратная сторона, на которой практически отсутствуют следы рельефа декора. Она почти ровная.

Рассмотренное изделие имеет стандартные для аналогичных предметов размеры, но более крупные по сравнению с вещами такого назначения 1-й половины X в. Схожие распределители известны в Минусинской котловине. Они украшались насыщенным растительным орнаментом [Евтюхова, 1948, рис. 132, 139; Кызласов, Король, 1990, рис. 37]. Орнамент изделия из кургана №4 памятника Мусохраново-1 – растительный. Он образован мотивом, сочетающим завивающиеся побеги (виноградная лоза) и грозди винограда, которые расположены симметрично: по три на лопастях и четыре на центральной части. Элементы мотива виноградной грозди достаточно хорошо представлены в декоративно-прикладном искусстве конца I и начала II тыс. на предметах торевтики Центральной и Средней Азии [Король, 2008, с. 166-169, рис. 42; Король, Конькова, 2007, с. 148-150, рис. 3.-1-8]. Вещи с таким оформлением известны в Минусинской котловине в материалах тюхтятской культуры IX-X вв. [Кызласов, Король, 1990, с. 103, 143, табл. XXVI.-25; Конькова, Король, 1999, с. 58, рис. 1]. В Кузнецкой котловине они были зафиксированы в материалах XI-XII вв. на кургане-кладбище Сапогово-2 [Илюшин, 1997, с. 34, рис. 18.-10, 12, 17; 20.-17; 24.-17]. На Алтае наиболее показательными примерами могут служить наконечники ремней середины X в. из кургана №4 памятника Щепчиха-I [Тишкин, 1993, с. 96, рис. 4.-14] и распределители

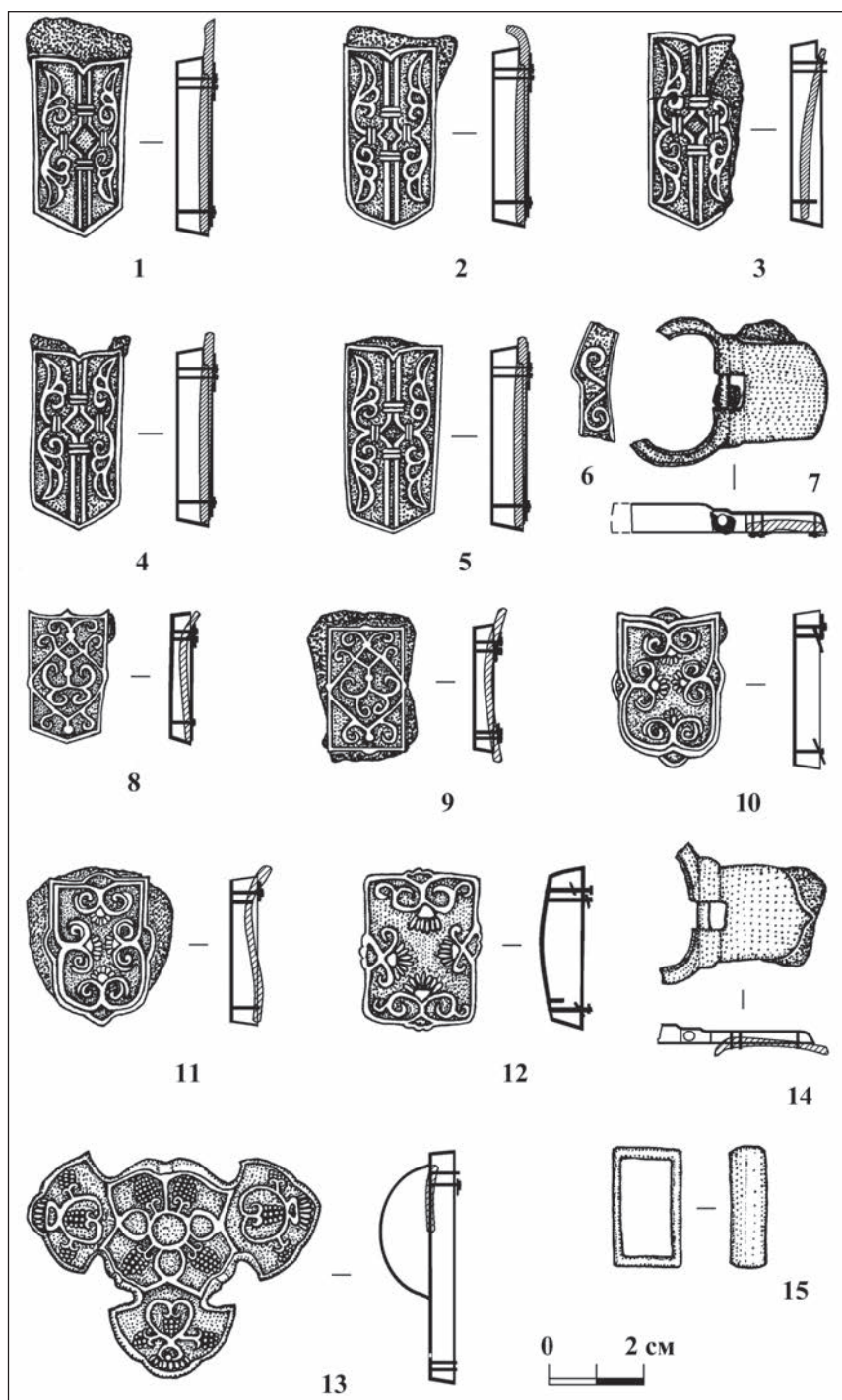

Рис. 1. Курганная группа Мусохраново-1. Курган №4. Находки из могил-1 (1–7) и 3 (8–15): 1–15 – украшения конского снаряжения из цветного металла (1–5, 8, 10–11 – наконечники ремней; 9, 12 – бляхи, 13 – распределитель ремней, 6, 7, 14 – пряжки, 15 – тренчик)

тели рубежа VIII/IX – 1-й половины X в. из кургана №5 комплекса Корболиха-VIII [Могильников, 2002, рис. 216.-4, 7–8; Горбунова, 2010, с. 61, рис. 28.-11]. В качестве своеобразного прототипа этого орнаментального мотива можно рассматривать изделия, морфологические детали которых имеют схожее оформление, например, лопасти распределителей ремней, оформленные в виде гроздей винограда и датирующиеся 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX в. [Горбунова, 2010, с. 61, рис. 28.-8].

Рис. 2. Мусохраново-1. Курган №4. Могила-1.
Наконечники ремней (цветной металл, кожа)

В наборе из могилы-3 имеется также одна прямоугольная накладка (рис. 1.-12) и два наконечника ремней (рис. 1.-10–11), украшенные близкими декоративными мотивами, но без виноградных гроздей. Эти изделия средних пропорций. Отливки недостаточно качественные, поскольку как на лицевой, так и на оборотной стороне отпечатки орнамента очень нечеткие. Украшения крепились на ремень при помощи шпеньков с фиксаторами. В этом же наборе представлены и другие предметы: одна прямоугольная бляха, наконечник ремня, обойма (тренчик) и частично сохранившаяся пряжка (рис. 1.-8–9, 14–15). Рассматриваемые наконечник ремня и бляха (рис. 1.-8–9) оформлены с использованием аналогичных орнаментальных мотивов и отличаются от описанных украшений лишь меньшими размерами. Ремень в наконечнике подрезан по контуру изделия, что свидетельствует о его назначении и расположении именно на окончании ремня. Использовались эти два предмета, вероятнее всего, на поводе или на узком подвесном (декоративном) ремне узды. Накладка и наконечник оформлены аналогичным образом и имеют одинаковое крепление к ремням в виде двух перпендикулярно расположенных пластин, закрепленных на трех шпеньках. На их внутренних сторонах имеются очень четкие отпечатки рельефного декора. Данный факт акцентируется не случайно. Г.Г. Король [2008, с. 19] указала, что исследование «серийных» изделий позволяет выделить «первичные», сложные по рисунку и качественные по изготовлению, и «вторичные» изделия, с аналогичным декором, но более низкого качества по всем параметрам. Л.В. Конькова и Г.Г. Король [1999, с. 59–60] отметили, что именно первая группа оригинальных вещей изготавливалась путем литья по восковой

модели со вставкой (сердечником). Вероятно, что в цепочке отливок таких предметов рассматриваемый наконечник и бляха находились в группе первичных, о чем свидетельствуют четкие отпечатки рисунка (как на лицевой, так и на оборотной стороне).

Рис. 3. Мусохраново-1. Курган №4. Могила-3.
Украшения конской узды (цветной металл, кожа)

В целом традиция использования исследуемых изделий из могилы-3 укладывается в хронологический диапазон бытования с конца I по начало II тыс. н.э. и фиксируется на достаточно широких территориях Евразии. Аналогичные или очень близкие по

форме и декору изделия происходят из памятников шандинской культуры Кузнецкой котловины [Тишкин, Илюшин, 2010, с. 95, рис. 1], в материалах сrostкинской культуры Алтая [Уманский, 1991, рис. 1; Тишкин, 1991, рис. 1.-3; Телегин, 2001, рис. 44; Боровков, 2001, рис. 3; Алтай в зеркале веков, 2001, с. 60; Могильников, 2002, рис. 54.-3, 86.-15; Горбунова, 2010, с. 55, рис. 24; с. 59, рис. 27], в комплексах кыргызской культуры Минусинской котловины и Тувы [Евтюхова, 1948, рис. 130; Киселев, 1949, табл. LXI.-1; Нечаева, 1966, с. 126, рис. 12.-1-2; Кызласов, Король, 1990, рис. 36.-1; 37.-1-3, 5-7], а также представлены в находках из гробниц киданей [Каогу, 1987, с. 897; Раскопки гробницы Елюй Ючжи..., 1996, с. 19-20; Горбунова, 2005, рис. 1, 2]. Последние из перечисленных аналогий отличаются наиболее насыщенным характером декора.

Рис. 4. Мусохраново-1. Курган №4. Могила-3.
Распределитель ремней (цветной металл, кожа)

Комплект украшений конского снаряжения из могилы-1 включает одну пряжку и пять наконечников ремней, три из которых хорошей сохранности, один со значительными следами окислов и еще один предмет сломан (рис. 1.-1-7). Все наконечники имеют остатки кожаных ремней, края которых четко подогнаны под размеры металлических изделий. Крепление данных украшений к ремням осуществлялось двумя перпендикулярно расположенными фиксирующими пластинами, крепившимися на трех шпеньках.

Изделия декорированы растительно-геометрическим орнаментом, оформленным парными нервюрами, проходящими по длине украшения и образующими декоративный ромб в центре, и симметрично расположенными растительными элементами, так называемыми полупальметтами. Подобное растительно-геометрическое оформление характерно в большей степе-

Рис. 5. Мусохраново-1. Курган №4.
Могила-3. Тренчик и пряжка

ни для наконечников ремней сrostкинской культуры Лесостепного Алтая [Горбунова, 2010, с. 59, рис. 27]. Дополнительно можно отметить, что декорирование торевтики «полупальметтами» встречается достаточно редко и основная масса аналогий известна по археологическим материалам конца I – начала II тыс. с территории северо-западных предгорий Алтая [Король, 2008, с. 202–203, рис. 61.-1–2].

Рассматриваемые наконечники ремней отличают четкие отпечатки орнамента (как на лицевой, так и на оборотной стороне), что свидетельствует о первичности вещей, изготовленных литьем по восковой модели, а также позволяет говорить о существовании определенных технологических стандартов в изготовлении социально престижных предметов торевтики.

В целом анализ декоративного решения комплектов украшений конского снаряжения из кургана №4 на Мусохраново-1 позволяет отметить, что набор из могилы-1 (рис. 1.-1–7) в большей степени тяготеет к Алтаю, а набор из могилы-3 (рис. 1.-8–15) представляется более близким предметам аналогичного назначения из Минусинской котловины. При этом можно отметить, что истоки декора исследуемых предметов конского снаряжения своими корнями уходят в раннесредневековое искусство Среднего Востока. Высокое качество исследуемых предметов позволяет предполагать их производство в специализированных ремесленных центрах Семиречья.

Библиографический список

Алтай в зеркале веков: Из собрания историко-краеведческого музея Барнаульского государственного педагогического университета: фотоальбом. Барнаул: Изд. Барн. гос. пед. ун-та, 2001. 92 с.

Боровков А.С. Набор украшений верхового коня эпохи раннего средневековья из северо-западных предгорий Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 3–9.

Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения киданей и их аналогии в памятниках Южной и Западной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 144–151.

Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты: монография. Барнаул: Азбука, 2010. 136 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Т. 2. 119 с.

Илюшин А.М. Об использовании огня в погребальном обряде средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-1) // Известия АлтГУ. 2009. № 4/2. С. 71–82.

Илюшин А.М. Торевтика из раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 25–27.

Илюшин А.М. Новые сведения о погребальном обряде восточных кипчаков // Маргулановские чтения–2011. Астана: Евраз. нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 267–271.

Илюшин А.М. Комплекс вооружения кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-1) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (к 110-летию со дня рождения). Омск: Амфора, 2012а. С. 93–100.

Илюшин А.М. Влияние культурной среды Семиречья на сопредельные регионы Центральной Азии в эпоху средневековья // Алматы. История тысячелетия: мат. междунар. науч.-практ. конф. «Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст города Алматы» 17–18 ноября 2010 г. Алматы, 2012б. Вып. 3. С. 116–123, 218.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. №4. С. 175–184.

- Каогу. 1987. №10. С. 896–897.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. №9).
- Конькова Л.В., Король Г.Г. Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл) // Этнографическое обозрение. 1999. №2. С. 56–68.
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Южно-сибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII веках // Археологические вести. М.: Наука, 2007. Вып. 14. С. 145–156.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1966. Т. II. С. 108–142.
- Раскопки гробницы Елюй Юджи династии Ляо / Ин-т археологии, Внутренняя Монголия и др. // Вэнь У. 1996. №1. С. 4–32.
- Телегин А.Н. Раскопки курганной группы Обьездное-2 // Археологические открытия 2000 года. М.: Наука, 2001. С. 340–341.
- Тишкин А.А. Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд. Барнаул. гос. пед. ун-та, 1991. Вып. II. С. 16–19.
- Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 90–99.
- Тишкин А.А. Предисловие // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 5–8.
- Тишкин А.А., Илюшин А.М. Рентгенофлуоресцентный анализ предметов торевтики из кургана №3 памятника Мусохраново-1 (Кузнецкая котловина) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 94–100.
- Уманский А.П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд. Барнаул. гос. пед. ун-та, 1991. С. 128–137.

T.G. Grebennikova, A.M. Ilyushin, A.A. Tishkin

DECORATED HORSE EQUIPMENT FROM BARROW №4 AT MUSOKHRANOVO-1 SITE, KUZNETSK BASIN

In 2009 Kuznetsk archaeological and ethnographic expedition of the Scientific Centre of the Humanities of Kuzbass State Technical University led by one of the authors of the article discovered Barrow № 4 at the site Musokhranovo-1. In the course of the excavation work various archaeological material was collected and the results of this work have partially been published. The named site is located in the territory of Leninsk-Kuznetsk, the Kemerovo region (Russia).

The article deals with morphological and technical specifics of the sets of decorated horse equipment from the examined Graves 1 and 3. The peculiarities of the shape and décor of the items allow us to date the findings as the 1st half of the tenth century. A set of decorated horse equipment from Grave 1 has direct analogues in the materials of the Srostkinskaya culture of the forest-steppe Altai. As for overlaid decorations from Grave 3 they may refer to «stock-produced» items which consist of «primary» items with a complex pattern and of high quality, and «secondary» items with similar décor but of lower quality. The high production level of most of the examined items suggests that they were produced in specialized craft centres of Semirechye.

Keywords: horse equipment, the early middle-ages, Kuznetsk basin, decorations, technology, décor, ornament, item, the Srostkinskaya culture, craft.

А.А. Тишкин, С.П. Грушин, Ч.Б. Мунхбаяр

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КАМЕННЫЕ СОСУДЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ РАННЕЙ БРОНЗЫ ДОЛИНЫ БУЯНТА (Монгольский Алтай)*

Совместные исследования, проводимые на протяжении нескольких лет сотрудниками Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия) и Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия) в Западной Монголии, позволили зафиксировать яркие погребальные комплексы бронзового века. Важные результаты получены при изучении разновременных археологических объектов в Ховдском аймаке Монголии. В статье дана характеристика каменных сосудов из памятников ранней бронзы, выявленных и раскопанных в долине Буянта около г. Ховда. Указанная территория связана с восточными отрогами Монгольского Алтая. Рассматриваемые находки происходят из погребальных объектов. Анализ полученных материалов и результаты радиоуглеродного датирования позволили осуществить культурно-хронологическую атрибуцию изученных археологических памятников, а также реконструировать некоторые элементы технологии производства каменных емкостей. Территориальное распространение аналогичных находок дало возможность обозначить районы существования традиций изготовления и использования сосудов, сделанных из камней. Конструктивные особенности исследованных погребальных сооружений и немногочисленный вещевой комплекс имеют соответствия в материалах Синьцзяна и сопредельных регионов, датированных ранней бронзой и объединяемых в чемуручекскую культуру/общность. Кроме этого, отмечаются сходства с другими археологическими свидетельствами из Казахстана и юга Сибири.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, ранняя бронза, погребальные конструкции, радиоуглеродное датирование, каменные сосуды.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-10

В результате исследований разновременных памятников в Западной Монголии за последнее десятилетие открыты археологические комплексы бронзового века [Ковалев, 2005, 2007, 2009; Тишкин и др., 2006; 2011; Тишкин, 2006, 2007; Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Кирюшин и др., 2009; Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2008, 2010; и др.]. Работы совместной археологической экспедиции Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия) и Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия) в основном были сосредоточены в долине реки Буянт (правый приток Ховда (Кобдо), Ховдский аймак Монголии). Там раскопаны своеобразные памятники 2-й половины III – начала II тыс. до н.э., содержащие немногочисленные находки, среди которых особое место занимают каменные сосуды, обнаруженные как в погребениях, так и в курганных насыпях. Обращение к данной категории сопроводительного инвентаря выявило многочисленные параллели в археологических материалах обширного региона Центральной Азии и Сибири. Подобные изделия обнаружены в памятниках различных культур и до настоящего времени не становились предметом отдельного рассмотрения. Таким образом, цель данной статьи – дать характеристику найденных каменных сосудов, определить их культурную принадлежность, датировку и ареал распространения. Всего при исследовании памятников в долине Буянта к настоящему времени обнаружены два археологически целых каменных сосуда, а также верхняя часть аналогичной емкости и один обломок (рис. 1).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

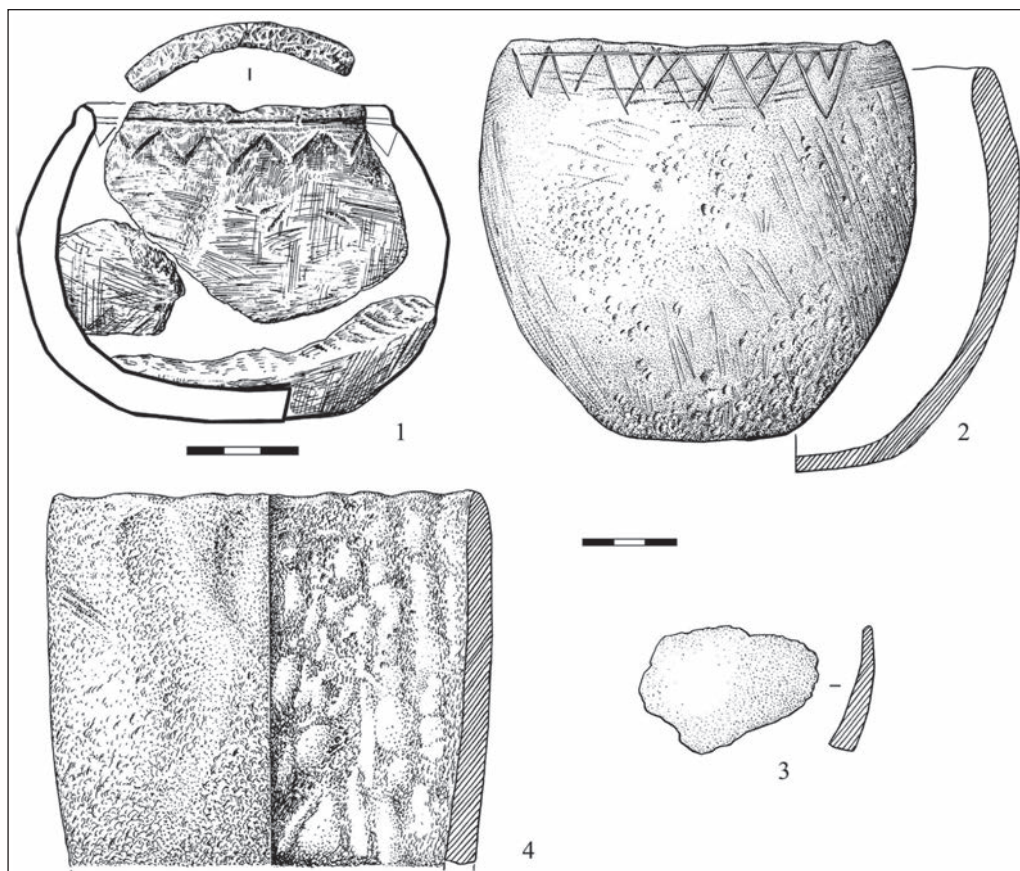

Рис. 1. Каменные сосуды из памятников ранней бронзы долины Буянта (Западная Монголия): 1 – Улаан худаг-I, курган №12; 2 – Шарсум-I, объект №1; 3–4 – Халзан узуур-II, курган №1

Первые раскопки были проведены в 2007 г. в урочище Улаан худаг, расположенном на левобережной террасе Буянта в 8–10 км к юго-западу от центра г. Ховда. Затем там же на двух памятниках (Улаан худаг-I и II) исследованы своеобразные каменные сооружения, датированные эпохой бронзы. Полученные материалы частично введены в научный оборот [Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2008, 2010; Тишкин и др., 2011]. Среди них особого внимания заслуживают обломки каменного сосуда (рис. 1.1-; 2). Находки сделаны при раскопках кургана №12 на памятнике Улаан худаг-I (географические координаты объекта: N – 47°56.629'; E – 91°30.769'). Диаметр частично сохранившейся каменной насыпи по линии юг–север составлял 8,5 м, а по направлению запад–восток – 8,1 м. Насыпь была сложена из крупных галек и валунов и имела округлую форму [Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2008, фото 17 на цв. вкл.]. В северо-западном секторе сооружения в ходе зачистки обнаружена придонная часть сосуда.

В центре кургана №12 располагался крупный каменный ящик, ориентированный продольными стенками по линии юго-восток–северо-запад, длиной – 3 м, шириной – 1,6 м, высотой – 1,31 м (без учета перекрытия). Погребальная камера сооружена из

крупных гранитных плит (частично разрушенных), они были разной длины (до 1,5 м) и ширины, толщиной в пределах 0,1–0,12 м. Плиты перекрытия оказались сваленными вовнутрь камеры, одна из них лежала в северной части ящика, где после зачистки обнаружены останки детского скелета. Там же зафиксирована углистая прослойка мощностью до 0,1 м. По линии юго-восток–северо-запад, на глубине от 1,19 до 1,21 м, в ящике лежала еще одна плита перекрытия, ее длина составляла 1,85 м, ширина – 0,55 м. Над плитой, в юго-восточной части, находилась другая углистая прослойка мощностью до 0,1 м. После поднятия плиты обнаружили фрагменты каменного сосуда, а также разные находки – копыто лошади, обломок керамики, часть ребра и отщеп. В ящике оказался плохо сохранившийся скелет взрослого человека [Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2008, фото 20 на цв. вкл.], лежавший почти по линии юг–север в анатомическом порядке, но без костей ног. Рядом найдены кости овцы и развал керамического сосуда. В западной половине ящика фиксировалась грабительская яма, которая прорезала дно погребальной камеры, в ее заполнении обнаружены разрозненные кости человека. Там же попадались фрагменты от каменного сосуда, которые, как и все предыдущие, были от одного изделия.

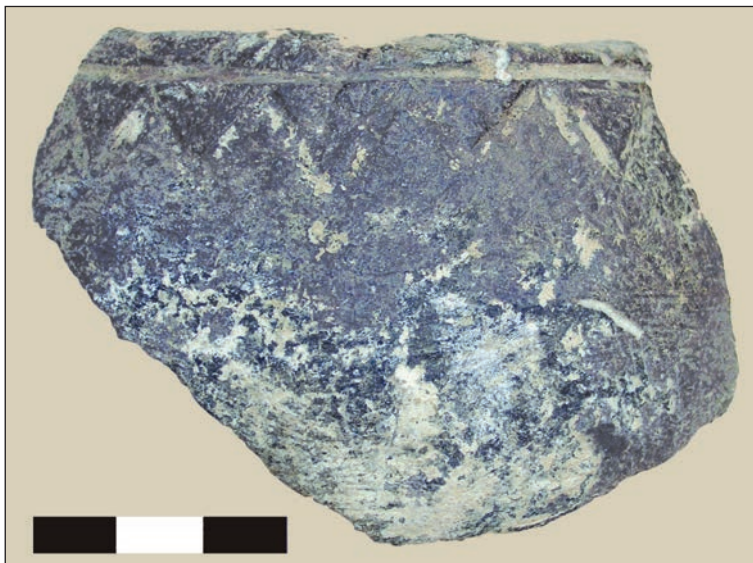

Рис. 2 (фото). Часть стенки каменного сосуда из кургана №12 памятника Улаан худаг-I

Реконструированный сосуд представляет собой емкость закрытой баночной формы с раздутым туловом и почти плоским дном, со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 1.-1). Его диаметры следующие: по венчику – 8,5 см, по тулову – 11,5 см, по дну – 6 см. Высота изделия составляла 8,5 см.

Человеческие кости из каменного ящика в кургане №12 изучались специалистом-антропологом*. Впускное погребение оказалось представлено фрагментами черепа, зубами и длинными костями конечностей ребенка 5,5–6 лет. От основного захоронения сохранились фрагменты черепа, части верхней и нижней челюсти, а также зубы и кости посткраниального скелета (плечевые, локтевая, лучевая, ребра, позвонки, лопатки, клю-

* Все приводимые в статье определения выполнены заведующей кабинетом антропологии АлтГУ, канд. ист. наук С.С. Тур.

чицы, крестец, грудина). Эти материалы свидетельствуют, что пол умершего человека – мужской, а возраст, судя по стертости зубов, – около 25 лет. Кроме указанного, найдены остатки скелета другого ребенка, возраст которого определен в пределах 1,5–2,5 лет.

Для установления абсолютной хронологии фрагменты костей из основного мужского погребения были отправлены на радиоуглеродный анализ. В результате получена дата 3750 ± 110 лет тому назад (Le-8534). Калиброванные значения по 1 sigma (с вероятностью 68,2%) составили хронологический отрезок 2340–1970 гг. до н.э., а по 2 sigma (с вероятностью 95,4%) такие данные продемонстрировали период с 2500 по 1850 г. до н.э. [Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2010, с. 435].

Следующая находка каменного сосуда (рис. 1.-2; 3.-1–3) происходит из памятника Шарсум-I, который располагался на первой надпойменной террасе левого берега Буянты, на северной окраине г. Ховда, у моста через реку [Кирюшин и др., 2009, с. 287–288; Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2010, с. 436]. Комплекс получил обозначение по находящимся поблизости развалинам буддийского храма «Шар сум». Он состоял из двух объектов. Географические координаты первого из них по GPS-навигатору такие: N – $48^{\circ}01.425'$; E – $91^{\circ}37.180'$ (высота над уровнем моря – 1389 м). В 5 м к востоку от основного сооружения просматривалась каменная выкладка (объект №2) диаметром 1,5 м, высотой 0,1 м.

Рис. 3 (фото). Каменный сосуд из памятника Шарсум-I: 1 – вид на орнаментированную сторону; 2 – неорнаментированная сторона; 3 – фрагмент венчика с орнаментом

Курган № 1, в котором была совершена находка каменного сосуда, фиксировался на поверхности в виде каменных плит, вкопанных в грунт и выступавших над землей на 0,25 м. Они составляли прямоугольный ящик размерами 2,2x1,54 м, вытянутый длинными сторонами по линии юг-юго-восток–север-северо-запад. Толщина всех плит оказалась в пределах 0,08–0,14 м. Вокруг ящика и внутри него фиксировались одиночные камни. Курганная насыпь практически не сохранилась, поэтому установить ее первоначальные размеры весьма проблематично. У западной внешней стенки составного ящика найден обломок верхней челюсти мелкого рогатого скота. В рассматриваемой погребальной камере, заваленной камнями, ближе к юго-западному углу, был обнаружен маленький ящичек размерами 0,54x0,5 м, сложенный из трех длинных камней и ориентированный примерно так же, как и большой, по линии юг-юго-восток–север-северо-запад. После зачистки выяснилось, что он пуст.

В ходе дальнейшего исследования на глубине 0,92 см зафиксированы раздробленные кости человека. У восточной стенки ящика находились обломки черепа (мелкие фрагменты свода черепа и верхней челюсти, зубы). Несмотря на ограбленность, часть костей ног и рук погребения располагались *«in situ»*. Это позволило определить положение умершего человека. Он лежал на спине с согнутыми в коленях ногами и, вероятнее всего, был ориентирован головой на северо-запад. Установить пол по сохранившемуся остеологическому материалу оказалось затруднительно. Возраст, судя по стертости моляров, составлял около 25 лет. Стоит еще отметить, что одна из рук лежала на бедре погребенного.

Каменный сосуд, разбитый на несколько крупных фрагментов, зафиксирован у юго-восточного угла ящика. После его реконструкции удалось полностью восстановить параметры изделия. Сосуд представлял собой емкость закрытой баночной формы с почти плоским дном (рис. 1.-2; 3.-1–3). Его диаметры: по венчику – 12 см, по тулову – 14 см, по дну – 5 см. Высота сосуда – 12,5 см. Изделие орнаментировано с помощью техники резьбы или прочерчивания. Под венчиком сосуд был украшен горизонтальным поясом из треугольников, свисающих вершинами вниз (рис. 3.-1). Такой орнамент по каким-то причинам имеется только на половине сосуда. Другая часть оказалась без изображений (рис. 3.-2). Особенности орнамента позволяют восстановить последовательность его формирования. Судя по всему, первоначально мастер нанес у венчика линию неглубоких зигзагов в виде соединенных букв «V». Затем он или другой камнетес изменил первоначальную задумку и оформил более крупные аналогичные орнаментальные элементы поверх первоначального ряда (рис. 3.-3). Заключительным этапом стало проведение сплошной горизонтальной линии над зигзагами, что обеспечило получение своеобразного рисунка в виде частого треугольников (или гор при развороте на 180°).

Еще одна находка части каменного сосуда (рис. 1.-4) происходит из могильника, зафиксированного в урочище Халзан узуур, в 12,5–15 км к юго-западу от г. Ховда, на левом берегу Буянта. Исследования проводились на памятнике Халзан узуур-II в 2009 г. [Кирюшин и др., 2009, с. 287–288]. В результате раскопаны четыре объекта, условно обозначенные как курганы. Три из них располагались по линии юго-запад–северо-восток, а четвертый находился рядом с первым. Они все очень сильно пострадали от разных разрушений. В частности, камни насыпей использовались при строительстве ближайшего херексура, сооруженного позже.

Курган №1 имел следующие географические координаты по GPS-навигатору: N – 47°55.398'; E – 91°27.560'. Его высота над уровнем моря, согласно показателям того же прибора, составила 1510 м. На современной поверхности были хорошо видны остатки древней конструкции из смещенных частей каменного перекрытия и вкопанных в грунт плит, которые выступали над землей на 0,5–0,7 м, составляя прямоугольный ящик с максимальными внешними размерами 2,14x1,52 м. Погребальная камера оказалась вытянута длинными сторонами по линии юг-юго-восток–северо-северо-запад. Вокруг нее и внутри фиксировались одиночные камни. Толщина всех плит была в пределах 0,1–0,16 см. После зачистки объект представлял собой в основном уцелевший каменный ящик. От курганной насыпи сохранились лишь единичные камни, поэтому установить первоначальные размеры всего сооружения весьма проблематично (отсутствовала практически вся северо-восточная часть). Однако можно предположить, опираясь на лежавшие крайние камни, что насыпь могла иметь размеры примерно 5,4x4,8 м и была вытянута по линии юг-юго-восток–северо-северо-запад. В ходе работ в юго-западном секторе раскопа возле оставшихся камней насыпи были обнаружены обломки верхней части каменного сосуда (рис. 1.-3) и фрагмент от другой аналогичной емкости (рис. 1.-4). Судя по сохранившимся фрагментам, каменный сосуд имел баночную форму с прямыми вертикальными стенками. Диаметр по венчику изделия составил 13,5 см, по тулову – 14 см. Дно отсутствовало. В северо-западном секторе лежал каменный артефакт неясного назначения. В заполнении погребальной камеры отмечены обвалившиеся обломки плит (детали погребального ящика) и сброшенные туда камни из насыпи. В северо-западной половине находились остатки золы, под которой зафиксированы череп и кости мелкого рогатого скота. Там же были встречены части керамического сосуда, фрагмент каменного орудия и пест. Кроме всего, обнаружены разрозненные кости людей разного пола и плохой сохранности. Оказалось, что они принадлежат мужчине старше 35 лет и женщине моложе 30 лет. Дно каменного ящика обозначилось на глубине 1,55 м. Погребальная камера была сооружена из вертикально поставленных крупных плит подчетыреугольной формы, плотно подогнанных друг к другу. Эти составляющие детали ящика на дне упирались в специально подготовленные для выравнивания небольшие и плоские плитки, которые маркировали уровень дна вырытой ямы.

Для установления абсолютной хронологии исследованного кургана №1 фрагменты костей из погребения были отправлены на радиоуглеродный анализ. В результате получена дата 3370±350 лет тому назад (Jc-8929). Калиброванные значения по 1 sigma (с вероятностью 68,2%) составили хронологический отрезок 2200–1200 гг. до н.э., а по 2 sigma (с вероятностью 95,4%) указали на период с 2700 по 800 г. до н.э.

Кроме представленных находок, происходящих из погребальных комплексов, необходимо отметить, что в экспозиции краеведческого музея г. Ховда имеются два каменных сосуда. Один из них – баночной формы с прямыми, но слегка сужающимися к устью стенками и с характерной ручкой, оформленной в виде выступа (рис. 4). Вторая емкость имеет неровные края и представляет собой небольшую ступку с округлым чашевидным углублением (рис. 5).

Зафиксированные находки позволяют сделать некоторые наблюдения относительно технологии производства каменных сосудов. В общем виде ее можно представить следующим образом. Обработка исходной заготовки включала несколько

основных технологических приемов, среди которых необходимо отметить пикетаж, пиление, шлифовку, сверление и резьбу. Изготовление сосуда осуществлялось в несколько этапов.

Рис. 4 (фото). Каменный сосуд из экспозиции краеведческого музея г. Ховда. Без масштаба

Сначала подбиралось каменное сырье, чаще это были речные валуны округлой или эллипсоидной формы. На первом этапе формировалась заготовка-болванка. Для этого путем пиления и/или отсекания получали две расположенные напротив друг друга площадки – места будущего устья сосуда и дна. На втором этапе с помощью пикетажа и последующей шлифовки заготовке придавалась задуманная внешняя форма емкости. Третий этап был связан с оформлением полости сосуда, для чего со стороны будущего устья производилось постепенное удаление лишнего материала. В ходе данной процедуры, вероятно, использовались такие технические приемы, как сверление и пикетаж. Заключительным этапом производства выступали шлифовка внутренней и внешней поверхности изделия, а также нанесение орнамента. В двух случаях (находки из памятников Улаан-худаг-I и Шарсум-I) в зону под венчиком сначала наносился зигзаг, а потом прочерчивалась сплошная горизонтальная линия по верхней части, оформляя, таким образом, пояс из треугольников, повернутых вершинами вниз.

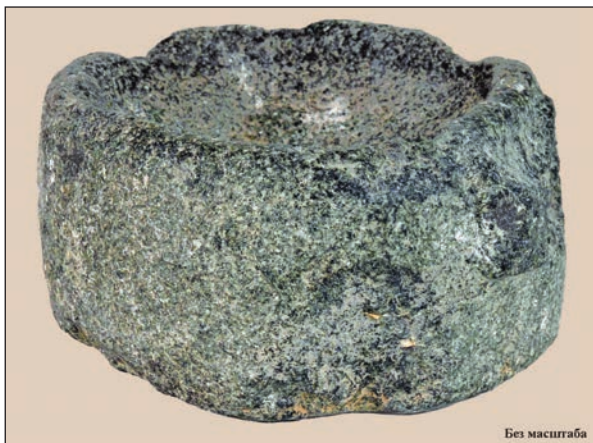

Рис. 5 (фото). Каменная ступа из экспозиции краеведческого музея г. Ховда. Без масштаба

К сожалению, все раскопанные курганы в долине Буянта оказались разграбленными. Однако удалось изучить образцы, отобранные для радиоуглеродного анализа. Полученные данные дополняют серию имеющихся дат по объектам бронзового века Западной Монголии [Ковалев, 2009; Ковалев и др., 2008; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010; и др.] и позволяют продолжить научный поиск в решении задач культурно-хронологического определения исследованных объектов буянтской группы памятников. Обо-

значенные в статье калиброванные значения радиоуглеродных показателей отражают широкие и более узкие хронологические рамки, которые в целом не противоречат имеющейся датировке аналогичных погребальных комплексов чемурчекского типа Монгольского Алтая. Поэтому есть основания предварительно определить исследованные объекты на памятниках Улаан худаг-I, Шарсум-I и Халзан узуур-II 2-й половины III – началом II тыс. до н.э.

Конструктивные особенности исследованных погребальных сооружений и многочисленный вещевой комплекс имеют аналогии в материалах Синьцзяна и сопредельных территорий, датируемых ранней бронзой и объединяемых в чемурчекскую культуру/общность [Ковалев и др., 2004; Ковалев, 2005, 2007, 2009; Дашковский, Самашев, Тишкин, 2007; Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2007, 2009; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, 2010; и др.]. Кроме этого, отмечаются сходства в других археологических материалах Казахстана и юга Сибири. Стоит, например, указать, что подквадратная выкладка, зафиксированная у кургана №1 комплекса Улаан-худаг-I, имеет аналогии среди так называемых ритуальных памятников бронзы Южной Сибири [Савинов, Рева, 1993]. Подобное сооружение обнаружено возле погребального комплекса окуневской культуры [Поляков, 2010].

Аналогии находкам из раскопанных объектов долины Буянта можно найти в памятниках степного Обь-Иртышья и Алтае-Саянской горной страны (рис. 6). Каменный сосуд баночной формы (рис. 6.-4), орнаментированный под венчиком поясом треугольников (вершинами вниз), находит параллели в оформлении случайной находки у с. Лаптев Лог Угловского района Алтайского края [Кирюшин, Грушин, 2009, рис. 5]. Серия каменных сосудов происходит из памятника Аймырлыг в Туве [Стамбульник, Чугунов, 2006]. В Каракольском могильнике в Горном Алтае был зафиксирован каменный сосуд [Кубарев, 2009, с. 24–25, 189, рис. 119]. Керамические и каменные емкости обнаружены в других памятниках эпохи бронзы Монголии и Северо-Западного Китая [Ковалев, 2007; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007, 2010].

Анализ находок каменных сосудов позволяет выявить некоторые их особенности. Большинство емкостей относится к банкам закрытой формы или с прямыми стенками. Некоторые имеют слегка отогнутый наружу венчик. Встречены двоянные сосуды, «чаши» и небольшие ковши с ручкой.

Каменные сосуды по особенностям орнамента можно условно разделить на несколько групп. Первая – это неорнаментированные сосуды. Большинство таких изделий обнаружено в Синьцзяне (рис. 6.-5–9). Вторую группу составляют емкости, украшенные поясом из треугольников с опущенными вниз вершинами (рис. 6.-1–3). Подобные сосуды найдены на территории Монголии, на юге Западной Сибири и в Синьцзяне [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, рис. 2.-8]. В третью группу входят изделия с изображениями животных и людей (рис. 6.-4, 12). Они известны на юге Западной Сибири и в Туве.

Распространение каменных сосудов позволяет выявить две неравнозначные зоны их бытования. Северная зона включает Западную и Южную Сибирь. Находки связаны с кругом памятников «доандроновской» бронзы: елунинская, кротовская, окуневская и самусьская культуры. Южная зона включает Синьцзян и Западную Монголию. Находки с этих территорий приурочены к памятникам ранней бронзы чемурчекского типа. Распространение каменных сосудов демонстрирует их постепенное уменьшение с юга

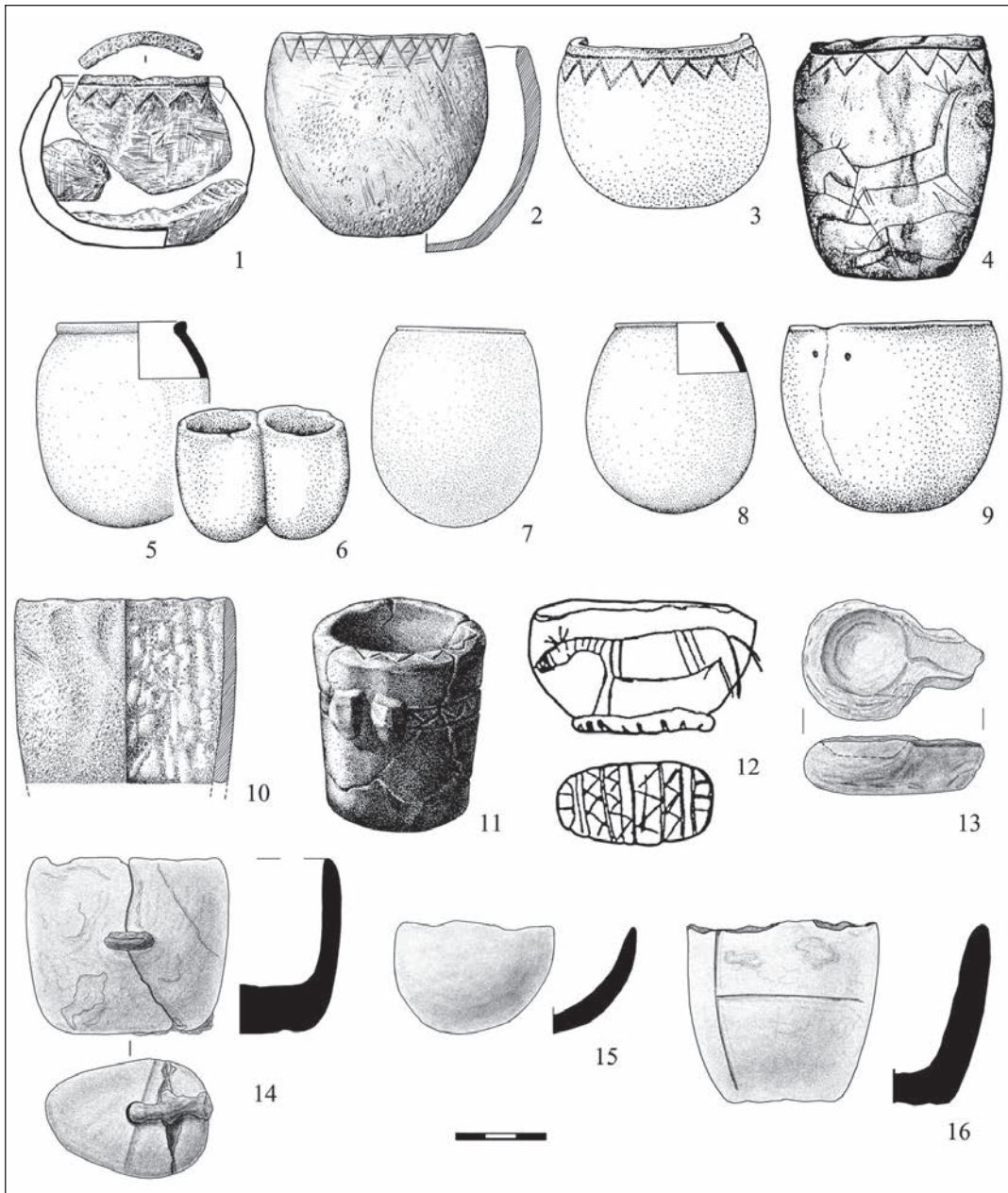

Рис. 6. Каменные сосуды из Западной Монголии и их аналогии из других территорий:
 1 – Улаан худаг-I (Западная Монголия); 2 – Шарсум-I (Западная Монголия);
 3 – Кусицунь (Синьцзян); 4 – Лаптев Лог (Западная Сибирь); 5–9 – Кэмурци (Синьцзян);
 10 – Халзан узуур-II (Западная Монголия); 11 – Крохалевка-I (Западная Сибирь);
 12–16 – Аймырлыг (Южная Сибирь) (1 – по: [Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2008];
 3, 5–9 – по: [Ковалев, 2007]; 4 – по: [Кирюшин, Грушин, 2009];
 11 – по: [Молодин, Глушков, 1989]; 12–16 – по: [Стамбульник, Чугунов, 2006])

на север. Вероятно, что центром производства и использования рассматриваемой категории предметов был Монгольский Алтай с прилегающими западными территориями. По всей видимости, именно оттуда во 2-й половине III до н.э. традиции изготовления таких предметов и их использования проникают на юг Западной Сибири и на территорию Алтае-Саянской горной страны, где в совокупности пока зафиксировано не более 10 каменных сосудов.

Реальная картина распространения рассматриваемых емкостей в отмеченных зонах, вероятно, была более контрастной. Южная и Западная Сибирь относительно хорошо изучена в археологическом отношении, а исследование комплексов бронзового века Синьцзяна и Западной Монголии, по сути дела, только начинается, но при этом количество уже зафиксированных каменных сосудов существенно больше. Из новых открытий необходимо отметить результаты очередных раскопок Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции в Булган сомоне Ховдского аймака Монголии (западные отроги Монгольского Алтая). В 2010 г. при исследовании пяти курганов таких памятников, как Эрэнгэг уул, Хэвийн ам, Хух удзуурийн дугуй-1 и Хадат овоо, обнаружено 11 каменных сосудов различных форм (авторы благодарны А.А. Ковалеву за представление неопубликованных сведений). В 2003 и 2004 гг. в том же Булган сомоне МЦАЭ найдены два целых и два фрагментированных каменных сосуда баночной формы [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 90]. А.А. Ковалев считает, что прототипы чемурчекских каменных и керамических емкостей можно обнаружить в керамике Южной Франции (культура Ферриер (Ferrieres)), датируемой 3000–2700 гг. до н.э. По его мнению, к европейским образцам восходят чемурчекские изделия бомбовидных, эллипсоидных, шаровидных форм и баночные сосуды со стянутым устьем, а также характерная орнаментация в виде прочерченной горизонтальной линии у венчика и свисающих треугольных фестонов [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 94].

Таким образом, представленные находки каменных сосудов из погребальных памятников долины Буянта дополняют уже существенную серию подобных изделий из Монголии и Синьцзяна. Дальнейшие исследования в этих регионах обеспечат возможности для решения актуальных проблем древней истории Евразии.

Библиографический список

Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул: Азбука, 2007. 96 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №4 (20). С. 67–75.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Эрдэнэбаатар Д., Мунхбаяр Ч. Археологические исследования в Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 287–290.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 178–184.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен (статья 1999 года) // А.В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 25–68.

Ковалев А.А. Чемурчекский феномен как продукт эволюции мегалитов атлантического побережья Франции (по материалам радиоуглеродного датирования мегалитических гробниц Западной Европе и памятников чемурчекской культуры) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 130–140.

Ковалев А.А., Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Грушин С.П., Варенов А.В., Омаров Г., Сунгантай С. Изучение археологических памятников в Восточном Казахстане // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 183–190.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центрально-азиатской экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 80–85.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2010. С. 89–103.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центрально-азиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочивания бронзового века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 172–186.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.

Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 75–80.

Савинов Д.Г., Рева Л.И. К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири (могильники Барлык-II и Узунтал-IV) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 45–51.

Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник: Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. Вып. 2. С. 293–302.

Тишкин А.А. Археологические обследования на Алтае и в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 489–492.

Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 382–387.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Археологическое изучение объектов эпохи бронзы в урочище Улаан худаг (Ховдский аймак Монголии) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 85–92.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Радиоуглеродное датирование курганов эпохи бронзы, исследованных в долине Буянта (Западная Монголия) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 434–436.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Грушин С.П., Эрдэнэбаатар Д. Памятники ранней бронзы в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Известия АлтГУ. 2011. Вып. 4/1. С. 200–208.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсурен М., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) // Эколого-географические, археологические и социэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 107–114.

Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 165–168.

Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования в Западной Монголии // Археологические открытия 2007 года. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 557–559.

Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А. Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2009. С. 70–83.

Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А. Монгол Алтайн бус нутгийн археологийн соёлүүд // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. 2007. №1 (287). Т. 35–50 (на монг. яз.).

A.A. Tishkin, S.P. Grushin, Ch.B. Munkhbayar
STONE CONTAINERS FROM THE SITES
OF EARLY BRONZE AGE IN THE BUYANT VALLEY
(Mongolian Altai)

Joint research carried out over several years by the scientists of Altai State University (Barnaul, Russia) and Khovd University (Khovd, Mongolia) in Western Mongolia allowed for marking out vivid burial complexes dating the Bronze Age. Important results have been obtained while examining archaeological objects referring to different time periods in Khovd Aimag, Mongolia. The article considers the specifics of stone containers from the sites of the early Bronze Age which were found in the course of the excavation work in the Buyant valley near the city of Khovd. The named territory is connected with eastern spurs of the Mongolian Altai. The findings being examined come from burials. The analysis of the recorded materials and the results of radio-carbon dating allowed us to make a cultural-chronological attribution of the examined archaeological sites as well as to reconstruct some elements of stone containers technology. Geographical spread of similar findings made it possible to mark the areas where such stone containers were traditionally produced and used. Design features of the examined burials and a small set of items have parallels in the materials of Xinjiang and its neighbouring territories dating the early Bronze Age, and thus forming the Chemurcheck community. Moreover, there are similarities with other archaeological evidence from Kazakhstan and the south of Siberia.

Keywords: Mongolian Altai, the early Bronze Age, burial constructions, radio-carbon dating, stone containers.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 903'15

Л.С. Марсадилов, С.В. Хаврин, Д.Ю. Гук

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ПРОБА ДРЕВНЕГО ЗОЛОТА КАЗАХСТАНА И САЯНО-АЛТАЯ КАК ВРЕМЕННОЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНДИКАТОР

В статье рассмотрены результаты 100 анализов золотых предметов из разных регионов (Казахстана, Алтая, Тувы, Хакасии и Забайкалья), хранящихся в Государственном Эрмитаже. Определение пробы золота проводилось двумя основными методами: 1) натирки на пробирном камне и 2) рентгенофлюоресцентный анализ. В ходе анализов выявлено, что одинаковые по форме золотые предметы, изготовленные одним мастером, были сделаны из золота разной пробы. В большом кургане Чиликта-5 предметы были сделаны из золота высокой пробы. Для пекторалей использовали золото, проба которого значительно ниже, чем на остальных предметах. В ранних курганах Саяно-Алтая VIII–VII вв. до н.э. высокопробные предметы из золота в основном известны в больших курганах элиты и почти не встречаются в рядовых погребениях. В скифское время, с VI–IV вв. до н.э., резко возрастает как число предметов из золота в курганах разных социальных групп, так и увеличивается число изделий из более низкопробного золота. В хуннуско-сарматское время предметы из золота и серебра отмечены в очень богатых захоронениях, хотя встречаются и в рядовых погребениях. Количество анализов проб золотых изделий кочевников Евразии постепенно накапливается, совершенствуются методы их структурного и количественного анализов, что со временем позволит перейти на новые уровни познания и обобщения материала.

Ключевые слова: Казахстан, Алтай, Тува, Хакасия, Забайкалье, золото, анализ, Государственный Эрмитаж, хронология, скифское время, курганы, элита, рядовые погребения.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-10

Введение

Почти в каждом погребении кочевников Саяно-Алтая середины I тыс. до н.э., от самых знатных до рядовых (как у детей, так у взрослых и стариков в зависимости от занимаемого ими социального статуса), археологи находят разные изделия из золота – от массивных литых предметов до тонкой фольги. Это свидетельствует о том, что в то время, как и у многих народов мира, золото было общепризнанным сакральным металлом, сопровождавшим человека при жизни и после смерти.

В I тыс. до н.э. на обширной территории Евразии головные уборы, одежда и обувь правителей кочевников, их родственников, знатных людей и частично рядовых кочевников были украшены многочисленными предметами и бляхами из драгоценных металлов. Из золота и серебра также изготавливали серьги, диадемы, гривны и поясные пряжки. Драгоценными металлами украшали оружие, предметы культа и снаряжение лошадей. Полный комплект погребальных украшений из золота получил даже специальное название в археологической литературе – «золотой человек» или «золотые люди» [Лелеков, 1987]. Ныне к захоронениям «золотых» вождей скифских и сакских племен кочевников археологи относят такие памятники, как курганы Аржан-2 в Туве (VII в. до н.э.), Иссык в Казахстане (V–IV вв. до н.э.), Филипповка в Приуралье (V в. до н.э.), Чертомлык на Украине (IV в. до н.э.), а также богатые погребения Тиля-Тепе

в Афганистане, сарматских правителей и др. Вероятно, к I тыс. до н.э. относятся и некоторые пласты киргизского эпоса с описанием героя Манаса – «Из золота и серебра будто создан он...» [Киргизский..., 1988, с. 441–443].

Золотые изделия I тыс. до н.э. начиная с 1930-х гг. изучали многие ученые – М.П. Грязнов, С.И. Руденко, С.С. Черников, С.А. Семенов, М.Ф. Розен, С.С. Сорокин, Л.Л. Баркова, В.Д. Кубарев, Л.С. Марсадолов, Г.Н. Курочкин, М.Л. Подольский, Э.Ф. Кузнецова, С.Ш. Мадина, А.А. Тишкин, С.В. Хаврин, Н.В. Полосьмак, В.И. Молодин, Г. Парцингер, К.В. Чугунов, А. Наглер, А.И. Готлиб, Ю.Г. Щербаков, Н.В. Рослякова, З.С. Самашев, П.И. Шульга, П.К. Дашковский, В.А. Семенов, М.Е. Килуновская, П.В. Зайков, П.В. Хворов и др. (см. библиографию в конце статьи).

Объекты исследования

В статье использованы результаты анализов золотых предметов, хранящихся в Государственном Эрмитаже, из ряда памятников *разных культурно-хронологических этапов* (табл. 1 и 2; рис. 1 и 2):

– «раннескифского» времени, конец VIII – 1-я половина VII в. до н.э.: Чиликта-5, раскопки С.С. Черникова [1965] в 1960 г. (рис. 1 и 2.-1–3);

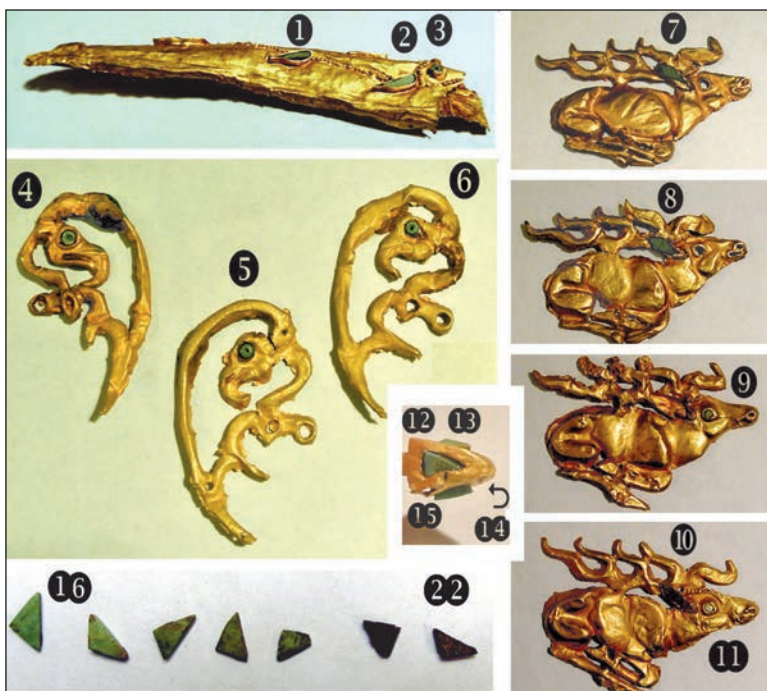

Рис. 1. Курган Чиликта-5. Фотографии золотых изделий, инкрустированных вставками из бирюзы (1–15), и отдельные вставки (16–22). Номера предметов даны в соответствии с таблицей 3, где представлены результаты анализов бирюзы. По материалам раскопок С.С. Черникова

– скифского времени, VI–III вв. до н.э.: Башадар-2, Пазырыки – раскопки С.И. Руденко [1953, 1960]; Башадар, курганы №9 и 10; Аржан-IV, курган №12; Аржан II, курган №7 – раскопки Л.С. Марсадолова в 1990-е гг. [1997, 2002, 2004] (рис. 2.-4–13);

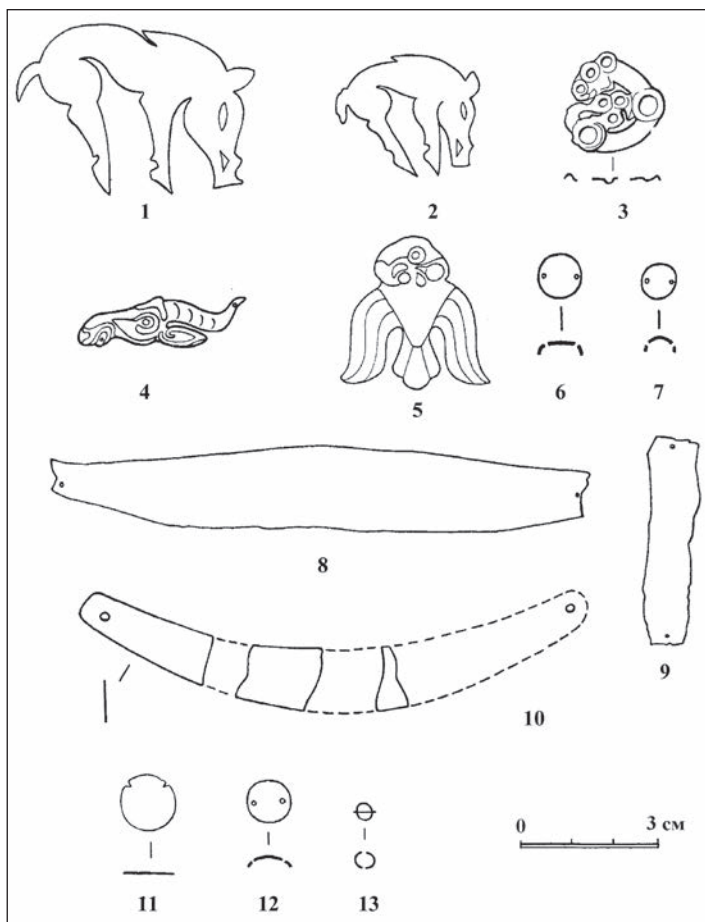

Рис. 2. Рисунки золотых изделий из курганов Казахстана и Саяно-Алтая, изученные при анализах проб:
 1–3 – Чиликта-5, Казахстан; 4, 8–9 – Башадар, курган №10, Алтай; 5–7 – Башадар, курган №9; 10–13 – Аржан IV, курган №12, Тува. *Функция предметов:*
 1–5 – бляшки с изображениями; 6–7, 11–12 – круглые бляшки-нашивки; 8 – налобник коня; 9 – нахвостник коня; 10 – фрагменты шейной пекторали; 13 – бусина. *По материалам раскопок:*
 1–3 – С.С. Черникова и 4–13 – Л.С. Марсадалова

В статье в таблицы 1 и 2 включены результаты анализов 100 проб золотых предметов из археологических памятников I тыс. до н.э.

Методы и результаты исследования

Существует множество аналитических методов определения состава (пробы) драгоценных металлов. В данном исследовании определение пробы изделий из золота проводилось двумя основными способами: методом натирки на пробирном камне и методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФЛА).

Кок-су-1, курганы №18 и 26; Курту-V, курган №7; Катонский, курган №5 – раскопки С.С. Сорокина в 1960-е гг. [1966, 1974]; курган Шибе – раскопки М.П. Грязнова в 1927 г. [Баркова, 1980];

– хуннуско-сарматского времени, I в. до н.э. – I в. н.э.: клад в Знаменке – раскопки М.Л. Подольского в 1978 г. [2002]; Иволгинский могильник, мог. №39 – раскопки А.В. Давыдовой в 1959 г. [1996].

Объектами исследования послужили золотые изделия *из разных регионов: Казахстана, Алтая, Тувы, Хакасии и Забайкалья* (табл. 1 и 2), принадлежавшие представителям *различных социальных групп (рангов)* [Марсадалов, 2005]: *вождям* (Чиликта-5, Башадар-2, Пазырыки, Шибе), *родственникам вождей* (Башадар, курганы №9 и 10; Аржан-IV и II), *рядовым кочевникам* (Кок-су-1, Курту-V, Катонский, Иволгинский) и даже мастеру-ювелиру (клад в Знаменке).

Исследование методом натирки на пробирном камне. В течение многих лет в Государственном Эрмитаже с помощью специалистов пробирных инспекций ведется опробирование золотых изделий традиционным и испытанным временем способом натирки на черном пробирном камне с последующим сравнением с общепринятыми эталонами (табл. 1). Этот метод при определенном опыте достаточно точен и мобилен.

Таблица 1

Результаты исследования золотых предметов
методом натирки на пробирном камне

№ п/п	Памятник, дата	Инв. №	Название	Кол-во	Проба
1	Чиликта-5 (Казахстан) (конец VIII – I-я пол. VII в. до н.э.)	2326/2	Бляшка в виде кабана	2	958
2		2326/2	Бляшка в виде кабана	1	900
3		2326/1	Бляшка в виде оленя	5	900
4		2326/4	Бляшка в виде свернувшегося хищника	2	900
5		2326/6	Пластина в форме рыбы	1	900
6	Аржан IV, к.12 (Тува) (VI в. до н.э.)	2830/25	Бляшка из фольги	2	958
7		2830/24	Бляшка из фольги	1	750
8		2830/26	Бусины из фольги	3	750
9		2830/1	Серьги	1	750
10		2830/37	Фрагменты пекторали		500
11					375
12					375
13	Башадар-2 (Алтай) (VI в. до н.э.)	1793/226, 247, 249, 1793/270, 272, 273	Бляшки	6	900
14		1793/328, 329, 1793/330, 331	Подвески	4	900
15		1793/274	Бляшка-розетка из фольги	1	833
16		1793/741, 742, 1793/743, 744	Бляха голова барана	4	600
17	Пазырык-2 (V в. до н.э.)	1634/156, 159	Фигурка оленя	1	750
18	Пазырык-1 (V в. до н.э.)	1295/415	Подвеска рыба	1	830
19		1295/400	Узда с бляхами	1	550
20	Пазырык-3 (V в. до н.э.)	1685/148	Узда с бляхами	1	833
21		1685/47	Узда с бляхами	1	750
22	Шибе (IV в. до н.э.)	4888/2	Рукоять ножа	1	750
23		4888/19/1-3	Головки тигров	3	750
24	Знаменка (Хакасия) (I в. до н.э. – I в. н.э.)	2715/3	Бляха литая	1	900
25		2715/1	Браслет	1	850
26		2715/11	Низка бисера	1	830
27		2715/22, 24	Булавки	2	750
28	Иволгинский могильник Забайкалье) (I в. до н.э. – I в. н.э.)	2822/115	Мелкие обрывки фольги	8	900

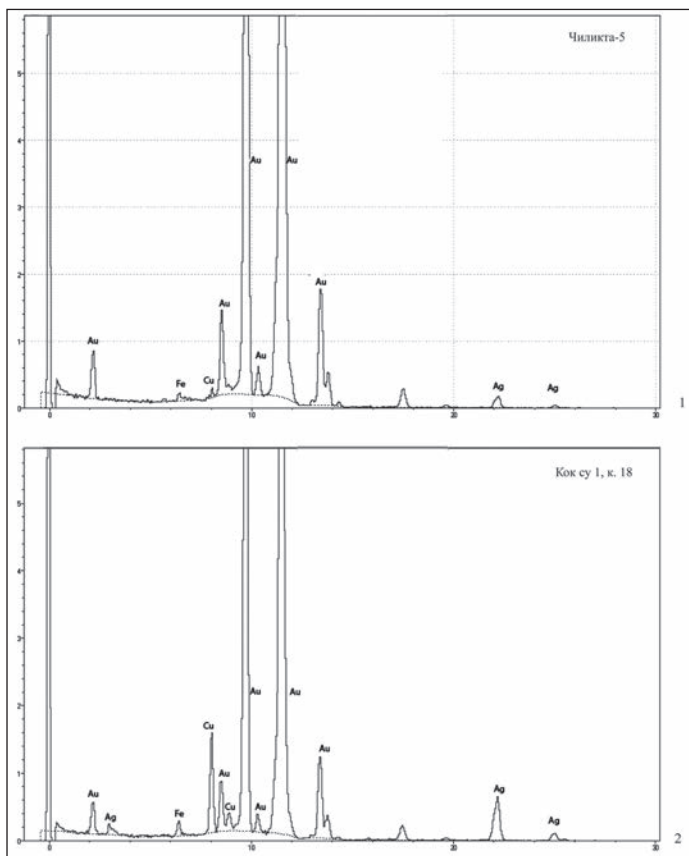

Рис. 3. Образцы спектров при анализе золотых изделий из курганов: 1 – Чиликта-5, пластина в форме рыбы (инв. №2326-6), высокопробное золото; 2 – Кок-су-1, курган №18, серьга (инв. №2813-63), низкопробное золото (Au), в образце больше серебра (Ag) и меди (Cu) лое число – к электрону (699 и ниже).

Наиболее высокопробное самородное золото было использовано при изготовлении предметов в большом кургане Чиликта-5, исследованном С.С. Черниковым в 1960 г. (табл. 1 и 2). В раскопанном в 2004–2006 гг. под руководством А.Т. Толеубаева в той же долине Шиликтинском (Чиликтинском) кургане с погребением «золотого человека» также было найдено цельнолитое золото 940–970 пробы. В 2008 г. геолог Т.М. Жаутиков нашел золото 995 пробы по реке Алтынказган, притоку р. Шаланоба, что, вероятно, указывает на добычу и обработку самородного золота в Чиликтинской долине [Самашев, 2011].

Исследование состава золотых изделий из алтайских курганов скифского времени V–III вв. до н.э. показало, что большинство предметов изготавливали из золота невысокой пробы, а в некоторых случаях даже из электра [Щербаков, Рослякова, 2000; Малахов и др., 2000; Дашковский, Тишкин, Хаврин, 2007; Хаврин 2007]. Хотя в то

Исследование поверхности предметов методом рентгенофлуоресцентного анализа проводилось на спектрометре ArtTAX (фирмы Bruker). Метод также мобилен и при наличии хороших эталонов может быть более точным, чем предыдущий (рис. 3). Кроме того, этот метод не наносит даже минимального ущерба экспонату*. Для более точного выявления состава металла анализ каждого изделия на спектрометре проводился в нескольких точках (табл. 2 и 3).

По общепринятой шкале пробности золота [Петровская, 1973] часть исследованных предметов из памятников Алтае-Саянской горной страны (табл. 2) относится к *высокопробным* (960–900), большинство исследованных изделий – к *средней пробе* (899–800) и *низкопробным* (799–700), а ма-

* Подробнее о методе написано в одной из статей [Тишкин, Хаврин, 2006, с. 74–76].

время были и отдельные изделия из высокопробного золота (Бугры, курган №4) [Тишкин, Хаврин, 2008] и др.

Среди ранее исследованных золотых изделий из памятников Тувы скифского времени также преобладает золото невысокой пробы (540–880 пробы). Изделия более высокой пробы редки (Догээ-Баары-II). Исключение составляют предметы из кургана Аржан-2, где преобладает высокопробное золото (900–940 пробы; результаты пока не опубликованы).

В ходе исследования золотых изделий из курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. особое внимание было обращено на шейную пектораль из кургана №12 могильника Аржан-IV в Туве (рис. 2.-10; инв. №2830/37). При раскопках этого кургана были найдены три фрагмента разломанной на части пекторали [Марсадалов, 2004]. В ходе раскопок первое впечатление о пекторали было таким, что она изготовлена из серебра, так как фрагменты имели серый цвет. В процессе опробирования методом натирки было установлено, что пектораль была изготовлена из «белого» золота с большим содержанием серебра (табл. 1).

Таблица 2

Результаты исследования золотых предметов
методом рентгенофлуоресцентного анализа

№ п/п	Памятник, дата	Инв. №	Название	Au (%)	Ag (%)	Cu (%)
1	Чиликта-5 (Казахстан) (конец VIII – I-я пол. VII в. до н.э.)	2326/9	Подвеска (основа)	95,1–95,6	4,2–4,8	0,1–0,3
2			Петля этой же подвески	94,6–95,0	4,6–5,0	0,3–0,4
3		2326/1-3	Бляшка в виде оленя	94,9–95,8	3,9–4,8	0,2–0,4
4		2326/1-1	Бляшка в виде оленя	92,7–93,3	6,5–7,0	0,2–0,4
5		2326/1-2	Бляшка в виде оленя	92,6–93,1	6,7–7,1	0,1–0,4
6		2326/1-6	Бляшка в виде оленя	92,4–93,2	6,5–7,4	0,1–0,4
7		2326/6	Пластина в виде рыбы	93,1–94,6	5,2–6,5	0,1–0,5
8			Зернь на этой пластине	86,5–92,3	6,7–11,9	0,8–1,6
9		2326/3	Бляшка орлиноголовая	89,4–91,4	8,4–10,4	0,1–0,4
10			Бляшка орлиноголовая	87,8–89,2	10,1–11,2	0,6–1,1
11			Бляшка орлиноголовая	89,1–89,9	9,7–10,4	0,3–0,6
12	Аржан-IV, к. 12 (Тува) (VI в. до н.э.)	2830/25	Бляшка из фольги	89,2–89,5	9,4–9,8	1–1,2
13			Бляшка из фольги	89,7–90,0	8,8–9,1	1–1,4
14		2830/27	Бусина из фольги	87,2–87,6	11,9–12,1	0,5–0,8
15		2830/37	Фрагменты пекторали	71,4–77,5	21,3–27,5	1–2,5
16	Аржан-II, к. 7	2830/1	Серьга-кольцо	85,9–87,2	11,8–13,1	0,9–1,1
17	Башадар-2 (Алтай) (VI в. до н.э.)	1793/422	Фольга от покрытия кожаного ремня	80–85	14–16	1–3
18		1793/743	Фольга – бляха в виде головы барана	65,7–66,3	31,9–32,5	1,5–1,9
19	Башадар, к. 9 (Алтай) (VI в. до н.э.)	2824/1	Бляшка в виде орла	81,2–82,0	15,6–16,3	2,3–2,7
20		2824/4	Бляшка в виде орла	81,3–81,7	15,8–16,3	2,3–2,7
21		2824/5	Бляшка в виде орла	82,1–82,4	14,8–15,7	2–2,8
22		2824/6	Бляшка полусферическая	65,1–69,3	28,2–32,2	2,1–2,7
23		2824/7	Бляшка плоская округлая	84,0–85,3	12,7–14,2	1,7–2

Продолжение таблицы 2

№ п/п	Памятник, дата	Инв. №	Название	Au (%)	Ag (%)	Cu (%)	
24	Башадар, к. 10 (Алтай) (VI в. до н.э.)	2824/16	Бляшка – голова сайги	80,2–80,8	17,6–18,0	1,6–2	
25			Бляшка – голова сайги	80,5–81,0	17,0–18,4	1,9–2,2	
26			Бляшка – голова сайги	81,0–81,6	16,8–17,2	1,6–2	
27			Бляшка – голова сайги	77,4–78,0	19,4–19,8	2,6–3	
28		2824/17	Бляшка – голова сайги	80,3–81,3	16,6–17,6	1,8–2,2	
29		2824/18	Бляшка полусферическая	82,6–82,9	15,3–15,6	1,7–2	
30			Бляшка полусферическая	81,5–81,9	15,7–16,1	2,2–2,6	
31			Бляшка полусферическая	82,4–82,7	15,4–15,7	1,8–2,1	
32			Бляшка полусферическая	83,2–83,6	14,7–15,3	1,5–1,8	
33		2824/20	Налобник коня	79,6–83,5	14,5–16,7	1,9–2,2	
34		2824/21	Нахвостник коня	85,8–86,6	11,6–12,1	1,8–2,4	
35		Кок-су-1, к. 26 (Алтай) (к. VI–V вв. до н.э.)	2813/42	Бляшка – голова антилопы	81,6–81,8	15,8–16,1	2,2–2,6
36		Кок-су-1, к. 18	2813/62	Серьга	79,7–81,9	17,2–19,5	0,7–1,1
37			2813/63	Серьга	73,4–76,9	22,3–23,9	0,4–0,8
38	Кок-су-1, к. 18	2813/67	Кольцо	79,1–79,3	19,0–19,5	1,2–1,8	
39	Курту-V, к. 7 (V–IV вв. до н.э.)	2810/4	Розетка 4-лепестковая	79,1–82,3	17,2–20,2	0,5–0,7	
40		2810/5	Розетка 4-лепестковая	75,8–77,2	21,7–23,0	1,1–1,3	
41	Катонский, к. 5 (Алтай) (V–III вв. до н.э.)	2811/28	Фольга – голова хищника	73,0–73,6	23,4–23,8	3–3,2	
42		2811/29	Фольга – голова хищника	74,7–75,1	22,6–22,8	2,3–2,6	

РФЛА-метод определил на пекторали меньшее содержание серебра (21,3–27%) и соответственно более высокое содержание золота. На этих фрагментах пекторали имеются пятна побежалости и методом РФЛА зафиксировано, что содержание золота там падает до 38–45%, а содержание серебра повышено до 54–61% (табл. 2). По-видимому, столь же низкопробное золото было использовано для изготовления пекторали, найденной в кургане №1 могильника Баян-Кол в Туве [Семенов, Килуновская, Чугунов, 1995, рис. 2.-10], поскольку цвет металла был близким к цвету меди. Зоны с повышенным содержанием меди имеются и на серьгах из кургана №18 могильника Кок-су-1 (табл. 2; рис. 3.-2; инв. №2813/62 – до 1,9% и 2813/63 – до 2,7%).

Со временем, вероятно, можно будет узнать маленькие хитрости мастеров по золоту. При анализе одинаковых по форме золотых предметов, изготовленных, вероятно, одним мастером, выявлено, что они были сделаны из золота разной пробы. Интересно отметить, что для обкладки четырех крупных деревянных фигурных седельных блях в виде головы барана из кургана Башадар-2 была использована низкопробная золотая фольга 600-й пробы, хотя многие предметы из этого памятника были изготовлены из более высокопробного золота (табл. 1 и 2). Следует отметить и относительно большое содержание меди (до 1,6 %) в золотых шариках зерни на тулове рыбы из Чиликты-5, чем на основной пластине (табл. 2; рис. 1.-1; инв. №2326/6), что не исключает, что более низкопробное золото с более высоким содержанием меди могло использоваться в качестве припоя для зерни, как более легкоплавкий материал (но эта проблема требует дополнительного специального исследования).

Анализы бирюзы из кургана Чиликта-5

Определение состава материалов для инкрустации золотых предметов из 5-го Чиликтинского кургана произвел Г.М. Ковнурко в начале 1960-х гг. Он определил, что большинство вставок было сделано из бирюзы и только две вставки в виде треугольников (рис. 1.-22), по-видимому, – искусственно изготовленная стеклянная паста [Ковнурко, 1965, с. 177].

Рентгенофлюоресцентный анализ фиксирует наличие в составе почти всех вставок на разнообразных предметах из кургана Чиликта-5 (рис. 1) таких элементов, как фосфор, кальций, железо, медь, стронций, кроме двух отдельных вставок №2326/25 (рис. 1.-21–22). Дополнительные данные по изученным предметам приведены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты анализов бирюзы из кургана Чиликта-5
методом рентгенофлюоресцентного анализа

№	Инв. №	Название	Особенности
1	2326/6	Пластина в виде рыбы	В двух вставках слабые следы цинка, во вставке «глаз» содержание цинка выше
2			
3			
4	2326/3	Бляшка орлиноголовая	В 1-й вставке высокое содержание цинка; во 2-й отмечено наличие бария, цинка и следов мышьяка; а в 3-й – следы селена
5		Бляшка орлиноголовая	
6		Бляшка орлиноголовая	
7	2326/1	Бляшка в виде оленя, ухо	Высокое содержание цинка, присутствуют хром и слабый калий
8		Бляшка в виде оленя, ухо	Слабые следы цинка и селена
9		Бляшка в виде оленя, ухо	Высокое содержание цинка
10		Бляшка в виде оленя, ухо	
11		Бляшка в виде оленя, глаз	
12	2326/9	Подвеска с петлей (четыре вставки)	В трех из четырех образцов – слабые следы цинка
13			
14			
15			
16	2326/25	Отдельные вставки	Слабые следы калия и цинка
17			
18			
19			
20			
21			
22			Не бирюза – содержит слабые следы меди; основные компоненты – железо, кальций, титан, стронций, калий, магний

Обогащение мышьяком обычно отмечается на участках, где бирюзоносные зоны совмещены с золоторудным полем [Менчинская, 1989, с. 167]. Что касается цинка, то он является характерным элементом бирюзоносных полей в Кызылкумах [Менчинская, 1989, с. 175].

Изучение бирюзы на предметах из Эрмитажа еще только начинается, но уже первые результаты анализов показали сложность структурного состава в разных вставках и на необходимость дальнейшего проведения рентгеноструктурного анализа на новых образцах.

На территории Евразии месторождения бирюзы известны в Казахстане, Средней Азии, Урале, Иране, на Синайском полуострове, в Китае и в других регионах. Ни в Туве, ни в Хакасии месторождений бирюзы пока не обнаружено. В Армении, Грузии, Афганистане, Монголии и на Алтае проявления бирюзы единичны и ассоциированы с рудными месторождениями. Проблема идентификации образцов бирюзы из археологических памятников Алтае-Саянской горной страны заключается в отсутствии базы данных проб, взятых из мест древних разработок, с которыми можно было бы произвести детальное сравнение [Гук, 2014].

В будущем планируется сопоставление спектра образцов бирюзы и золота из археологических памятников Южной Сибири со спектрами образцов месторождений из разных регионов мира, хранящихся в минералогических коллекциях музея ВСЕГЕИ в Санкт-Петербурге.

Проба золота как временной и социальный индикатор

Изучение разных объектов Саяно-Алтая позволяет предварительно наметить две *основные тенденции* в изменении пробности золотых изделий – *временную* и *социальную*.

Временная тенденция (рис. 4 и 5). Изделия из золота в самом раннем по времени кургане Чиликта-5 (конец VIII – 1-я половина VII в. до н.э.) были сделаны из высокопробного местного самородного золота (Аи-958–890-й пробы – табл. 1 и 2).

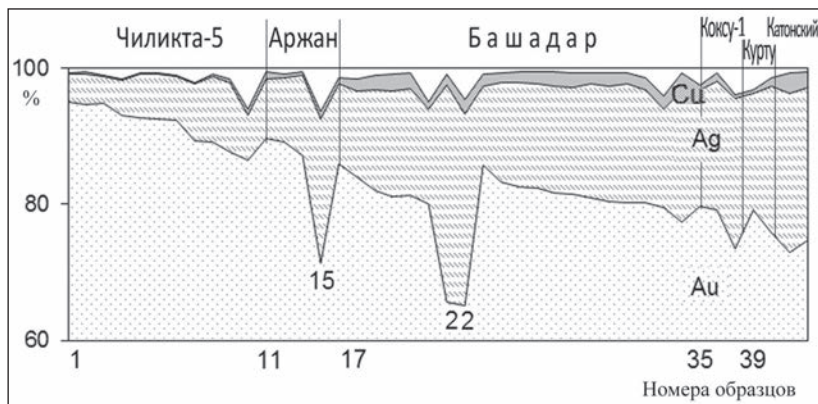

Рис. 4. График распределения золота (Au), серебра (Ag) и меди (Cu) в изученных образцах из археологических памятников (по минимальным значениям проб). Номера образцов даны в соответствии с таблицей 2 и расположены в хронологической последовательности объектов

Наблюдается временная тенденция постепенного уменьшения пробности золота: от *высокопробных* предметов с конца VIII в. до н.э. (Чиликта-5) к *среднепробным* с VI в. до н.э. (Башадар, курганы №2, 9 и 10; Аржан-IV, курган №12), к преобладанию *относительно низкопробных* изделий в V в. до н.э. (Пазырыки; Кок-су-1; Катонский могильник) и в IV в. до н.э. (Шибе), а затем *вновь увеличение высокопробного и среднепробного золота* на рубеже эр – в кладе ювелира из Знаменки в Хакасии и в Иволгинском могильнике в Забайкалье (табл. 1 и 2; рис. 4).

В Иволгинском могильнике в Забайкалье (I в. до н.э. – I в. н.э.), из раскопанных экспедицией А.В. Давыдовой более чем 200 погребений разных социальных рангов (многие из которых не были ограблены), только в одной могиле (№39) были найдены очень мелкие обрывки золотой фольги 900-й пробы.

В могильнике Яломан-II на Алтае, в курганах, относящихся к булан-кобинской культуре II в. до н.э. – I в. н.э., мелкие золотые предметы встречаются гораздо чаще, чем в Забайкалье, но в основном из золота 685–890-й пробы, хотя часть изделий сделана из золота 910–990-й пробы [Тишкин и др., 2013, с. 99–100].

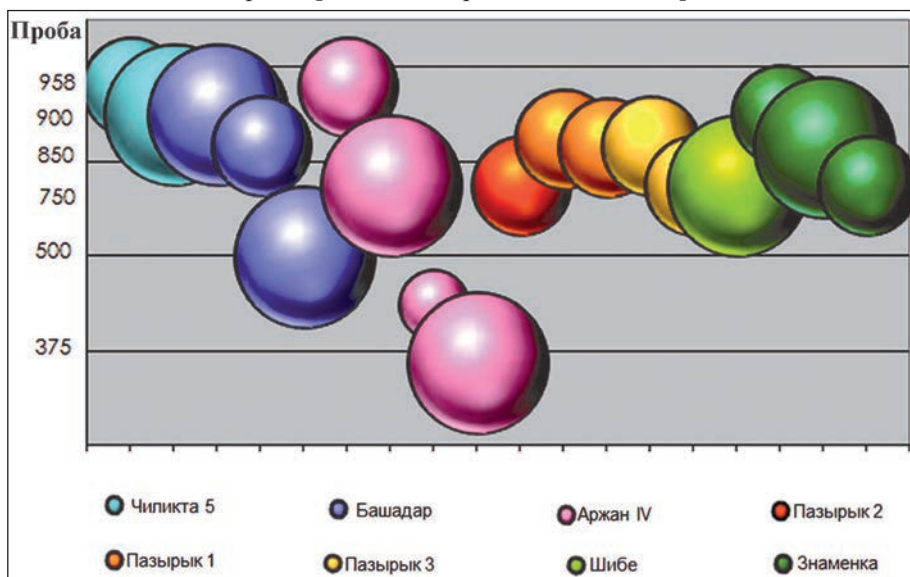

Рис. 5. График распределения проб золотых изделий из изученных археологических памятников.

Диаметр круга отражает число проанализированных образцов по таблице 1, а расположение объектов соответствует их хронологической последовательности

Социальные тенденции уменьшения проб золотых изделий можно выявить на основе изучения предметов из курганов разных рангов. В огромных курганах, особенно ранних (Чиликта-5 и Башадар-2), в целом проба золота на изделиях выше, чем в более поздних больших Пазырыкских и Шибинских курганах (табл. 1 и 2). В богатых больших курганах вождей и их родственников предметов из высокопробного золота значительно больше, чем в курганах рядовых кочевников.

Как отмечают многие археологи, шейные гривны у кочевников были знаком определенного общественного положения, своеобразного социального ранга. Например, в царском скифском кургане Толстая Могила массивная золотая гривна отличается особым сакральным и высокохудожественным исполнением, а в рядовых курганах кочевников Евразии простые по форме гривны были сделаны из бронзы или даже древесного прута, обложенных золотой фольгой. Не исключено, что при изготовлении гривен, предназначенных для вручения как отличительного социального знака для средних и низших слоев населения, вожди и знать использовали более низкопробное золото, что и было выявлено на пекторальных из Тувы – в Аржане-IV, курган №12 (инв. №2830/37) и в Баян-Коле, курган №1.

Заключение

Подводя предварительные итоги, следует отметить, что в ранних курганах Саяно-Алтая VIII – I-й половины VII вв. до н.э. высокопробные предметы из золота в основном известны в больших курганах вождей (Аржан-1, Чиликта-5) и почти не встречаются в рядовых практически безынвентарных погребениях. После походов в Переднюю Азию со 2-й половины VII в. до н.э. увеличивается число золотых изделий как в курганах вождей (Аржан-2), так в средних и малых курганах (Бойтыгем, Уйгарак, Тагискен и др.).

В скифское время, с VI–V вв. до н.э., в связи с общим демографическим подъемом численности населения резко возрастает как число предметов из золота в курганах разных социальных групп, так и увеличивается число изделий из более низкопробного золота (табл. 1 и 2).

В хуннуско-сарматское время предметы из золота и серебра отмечены преимущественно в очень богатых захоронениях (Сидоровка, Ноин-Ула, в курганах сарматских вождей и др.), хотя встречаются и в рядовых погребениях.

Вышеуказанные основные выводы о временной и социальной тенденциях изменения проб золотых изделий были проверены и подтверждены более обширным числом проб из археологических памятников кочевников Евразии скифо-сарматского времени, хранящихся в Эрмитаже и изученных методом натирки на пробном камне (более тысячи анализов проб), но из-за большого числа образцов временная тенденция может быть частично «завалуирована», поэтому для статьи были выбраны лишь основные археологические памятники разных исторических периодов.

Художественно-техническое исполнение и сакрально-семантическая нагрузка золотых изделий, а также их общее число очень зависели от социального положения кочевников, но это тема для специальной статьи.

Постепенно накапливается количество анализов проб золотых изделий кочевников Евразии, все более точными становятся методы изучения их структурного состава, что со временем приведет на качественно новый уровень научного обобщения.

Библиографический список

Баркова Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // АСТЭ. 1980. Вып. 21. С. 48–58.

Грязнов М.П. Золото Восточного Казахстана и Алтая // Археологические работы Академии наук на новостройках в 1932–33 гг.: Известия ГАИМК. М.; Л., 1935. Т. 2, вып. 10. С. 192–193.

Гук Д.Ю. Каменная бусина из пятого Пазырыкского кургана // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2014.

Давыдова А.В. Иволгинский могильник. Археологические памятники сунну. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. Вып. 2. 176 с.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Результаты спектрального анализа металлических изделий из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 202–206.

Киргизский героический эпос. Манас. М.: Наука, 1988. Т. 2. 540 с.

Ковнурко Г.М. Определение материалов инкрустаций золотых изделий кургана №5 // Черников С.С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. С. 177.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кузнецова Э.Ф., Мадина С.Ш. Исследование древнего золота Казахстана // Советская археология. 1990. №2. С. 136–148.

- Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы) // Археологические изыскания. СПб.: ИИМК РАН, 1993. Вып. 7. 94 с.
- Лелеков Л.А. О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 25–31.
- Малахов В.В., Власов А.А., Овсянникова И.А., Плясова Л.М., Краевская И.Л., Цыбуля С.В., Степанов В.Г. Вещественный состав находок из «замерзших» захоронений пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН., 2000. С. 162–175.
- Марсадалов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Com Mark Nord, 1997. Вып. 1. 56 с.
- Марсадалов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. ... дис. д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.
- Марсадалов Л.С. Курган VI–V вв. до н.э. около поселка Аржан в Туве // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 78–87.
- Марсадалов Л.С. Памятник Аржан-IV в Туве // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ. Изд-во Бурят. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 121–133.
- Марсадалов Л.С. Социогенез народов Сибири в контексте общей Евразийской истории I тыс. до н.э. // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. техн. ун-та, 2005. Ч. 1. С. 283–288.
- Менчинская Т. Бирюза. М.: Недра, 1989. 222 с.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: Триумф принт, 2012. 565 с.
- Петровская Н.В. Самородное золото (общая характеристика, типоморфизм, вопросы генезиса). М.: Наука, 1973. 347 с.
- Подольский М.Л. Знаменский клад в Хакасии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 229–234.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 334 с.
- Розен М.Ф. О коренных месторождениях золота в Горном Алтае // Сборник материалов по геологии цветных, редких и благородных металлов. М., 1961. Вып. 5. С. 21–37.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 403 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
- Самашев З. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Семенов В.А., Килуновская М.Е., Чугунов К.В. Археологические исследования на правобережье Улуг-Хема // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. СПб.: Наука, 1995. Вып. 24. С. 23–30.
- Семенов С.А. Технология ювелирного производства у ранних кочевников Казахстана (по данным микроанализа) // Черников С.С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. С. 156–176.
- Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 39–60.
- Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 63–91.
- Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 184–191.
- Тишкин А.А., Зайков П.В., Хворов П.В., Зайкова Е.В. Состав золотых изделий из памятника Яломан-II (Алтай) и проблема поиска древних источников золота // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 98–102.
- Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование рентгенофлуоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 74–85.

Тишкин А.А., Хаврин С. В. Рентгенофлюоресцентный анализ золотых изделий из памятника Бугры (северо-западные предгорья Алтая, скифо-сакское время) // Труды II Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: Ин-т археологии РАН, 2008. Т. II. С. 82–85.

Хаврин С.В. Металл памятников пазырыкской культуры из курганов Чуи и Урсула // Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 278–281.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 189 с.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери из долины царей. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2004. 16 с.

Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Состав золотых и бронзовых изделий, источники металлов и способы их обработки // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 179–187.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

L.S. Marsadolov, S.V. Khavrin, D.Yu. Guk

CUPELLING OF ANCIENT GOLD IN KAZAKHSTAN AND SAYAN-ALTAI AS TIME AND SOCIAL INDICATOR

The article describes the results of analyses of 100 gold objects from different regions (Kazakhstan, Altai, Tuva, Khakassia and Transbaikal) which are kept in the State Hermitage Museum. The cupelling of gold was conducted by two main methods: 1) rubbings on touchstones and 2) roentgenofluorescentic analysis. The results showed that gold items of a similar shape produced by the same master were made from the gold of different carats fine. The items found in barrow Chilikta-5 were made from high-carat gold. Much lower-carat gold was used for making pectoral crosses. High-carat gold items are characteristic of big barrows of the elite in the early burial complexes of the Sayan-Altai region dating the 8th – 7th centuries BC but they are rarely found in common grave sites. In the Scythian epoch (6th to 4th centuries BC) there was a rise in the number of gold items in the barrows of different social groups as well as of items made from lower-carat gold. In the Khunnusk-Sarmatian period of time gold and silver objects were characteristic of very rich grave sites though they were also found in common graves. The number of cupel analyses of gold items of Eurasian nomads have been collected steadily, and the methods of structural assay have been improved, which will soon allow us to examine and generalize the resultant information from a different perspective.

Keywords: Kazakhstan, Altai, Tuva, Khakassia, Transbaikal, gold, analysis, the State Hermitage, chronology, the Scythian time, barrows, elite, common graves.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ – Алтайский государственный университет (г. Барнаул).
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический университет.
ВОМК – Волгоградский областной краеведческий музей.
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГМВ – Государственный музей Востока.
ИА – Институт археологии.
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Изд. – издание.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МинОКН – Министерство образования, культуры и науки.
МЦАЭ – Международная Центрально-Азиатская археологическая экспедиция.
НАВ – Нижневолжский археологический вестник.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НМРА – Национальный музей Республики Алтай.
ОИАК – Отчет Императорской археологической комиссии.
РА – Российская археология.
РАН – Российская академия наук.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.
СМИКЭ – Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
ФЦП – Федеральная целевая программа.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горбунов Вадим Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211. Тел./факс: 8(3852)29-81-03. E-mail: gorbunov@hist.asu.ru

Гребенникова Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211. Тел./факс: 8(3852)29-81-03. E-mail: tanyagor29@mail.ru

Грушин Сергей Петрович – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211. Тел./факс: 8(3852)29-81-03. E-mail: gsp142@hist.asu.ru

Гук Дарья Юрьевна – кандидат филологических наук, Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, старший научный сотрудник, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Тел. служ. (812) 3121966. E-mail: hookk@hermitage.ru

Илюшин Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева, 650000, Кемерово, ул. Весенняя, 28. Тел. служ. 39-69-04. E-mail: ilushin1963@mail.ru

Ковтун Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, зав. лабораторией археологии Института экологии человека СО РАН; 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 5, кв. 79. Тел. 89235671050. E-mail: ivkovtun@mail.ru

Константинова Евгения Александровна – научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, аспирантка кафедры археологии и всеобщей истории. 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 10, кв. 14. Тел. 8-923-661-18-70. E-mail: shtanakova.evgenia@yandex.ru

Марочкин Алексей Геннадьевич – младший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека СО РАН, 650000, Кемерово, пр. Ленинградский, 10.

Марсадолов Леонид Сергеевич – доктор культурологии, Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, ведущий научный сотрудник. 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Тел. служ. (812) 710-95-07. E-mail: marsadolov@hermitage.ru

Мунхбаяр Чулуунбат Боролдой – аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (Россия); магистр, преподаватель Ховдского государственного университета (Монголия). 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211. Тел./факс: 8(3852)29-81-03. E-mail: munkh_boroldoi@yahoo.com

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, профессор Казанского государственного университета культуры и искусств. Казань, Адрес: 420059, Казань, Оренбургский тракт, 3, КГУКИ. Тел.: (843) 537-31-27. E-mail: murziha@mail.ru

Савинов Дмитрий Глебович – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. 190068, Санкт-Петербург, Кустарный пер., д. 4, кв. 7. Тел. (812)310-02-34

Серегин Николай Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ, каб. 211. Тел. 8(3852)298103; E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Соенов Василий Иванович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, г.н.с., доцент кафедры археологии и всеобщей истории. 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, д. 16, кв. 5. Тел. 8-913-697-88-12. E-mail: soynov@mail.gornyu.ru; soynov@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, проректор по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета. 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211. Тел./факс: 8(3852)29-81-03. E-mail: tishkin210@mail.ru

Хаврин Сергей Владимирович – заместитель заведующего Отделом научно-технологической экспертизы, Государственный Эрмитаж. 190000 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Тел. моб. 8 921 975 2560. E-mail: sergekhavrin@yandex.ru

Яценко Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6. E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

Правила оформления статей для журнала «Теория и практика археологических исследований»

Уважаемые коллеги!

С 2013 года традиционный сборник кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета решено издавать в формате журнала с периодичностью два номера в год. Для этого проведена работа по получению ISSN и включению журнала в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Редколлегия принимает к печати статьи в соответствии со следующей **основной тематикой**:

1. Теоретические и методические проблемы археологии.
2. Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.
3. Зарубежная археология.
4. Результаты изучения материалов археологических раскопок.
5. Социальные реконструкции в археологии.
6. История археологических исследований.
7. Новые археологические открытия.

Кроме этого, будут опубликованы аналитические обзоры, рецензии, заметки, хроника, сообщения, информация библиографического характера, сведения о персоналиях.

Предполагается осуществлять **тематические выпуски**.

Редколлегия обращает внимание авторов на важность соблюдения обязательных **требований к оформлению публикации**.

Объем статьи – до 1 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами). В исключительных случаях редколлегия принимает к рассмотрению работы большего объема (до 1,5 п.л.), если они содержат значимые и признанные научным сообществом результаты. Статья должна содержать резюме (аннотацию) и список ключевых слов на русском и английском языках, а также перевод названия статьи на английский язык. Объем резюме (аннотации) должен составлять не менее 1000 знаков (без пробелов).

Все текстовые материалы должны быть предоставлены в формате Word. Иллюстрации хорошего качества принимаются в размере, не превышающем формат В5 с учетом полей (не более 200x135 мм). Каждая иллюстрация должна иметь отдельную нумерацию и подпись. В тексте ссылки на них даются последовательно (примеры ссылок на рисунки и отдельные позиции изображений такие: (рис. 1; рис. 2–5; рис. 6.-3)). Графические иллюстрации принимаются в формате tif (разрешение не менее 300 dpi). К статье можно приложить не более четырех качественных фотографий, которые будут помещаться в отдельной вклейке с подписями или внутри текста. Все используемые таблицы должны иметь отдельную нумерацию со ссылками в тексте (например: (табл. 1)). Каждая таблица должна иметь собственное название.

Подрисуночные подписи и список сокращений прилагаются отдельными файлами.

Библиографические ссылки на публикации в тексте заключаются в квадратные скобки, внутри которых указывается фамилия одного или первого автора, год издания, страница, рисунок, таблица (например: [Потапов, 1961, с. 5, рис. 2.-8; Шишкин и др., 2011, с. 143–145, табл. 2]. В конце статьи помещается библиографический список в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства (если его

Hovd is given in the article. This territory is connected with east spurs of the Mongolian Altay. Considered finds come from funeral objects. The analysis of the received materials and results of radio-carbon dating allowed to carry out cultural and chronological attribution of the studied archaeological monuments, and also to reconstruct some elements of the production technology of stone capacities. Territorial distribution of similar finds allowed to designate areas of existence of traditions of production and use of the vessels made of stones. Design features of the studied funeral constructions and not numerous ware complex have compliances in materials of Xinjiang and the adjacent regions dated by early Bronze and united in a Chemurchek culture/community. Besides, similarities to other archaeological find from Kazakhstan and the South of Siberia are noted.

Keywords: the Mongolian Altay, early Bronze age, funeral constructions, radio carbon dating, stone vesse.

Образцы составления библиографического описания

Монография:

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Статья в сборнике:

Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 132–149.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Статья в журнале:

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3. С. 63–77.

Автореферат:

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.

Полная версия правильно оформленной статьи высылается по электронной почте на указанные ниже адреса не позднее 15 апреля (для первого номера каждого года) и не позднее 15 сентября (для второго). В течение двух месяцев после получения редколлегией проводится обязательное рецензирование, а затем извещает автора(ов) о решении и сделанных замечаниях. Если решение в целом положительное, то автору(ам) дается месяц на доработку текста. После этого в редколлегию высылается законченная электронная версия статьи, а также подписанный автором (авторами) печатный вариант работы.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом), контактный телефон, адрес электронной почты.

Просьба присылать статьи и материалы одновременно на следующие электронные адреса: tishkin210@mail.ru; kuzmar@hist.asu.ru

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№2 (8)

2013

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

*Подготовлен при финансовой поддержке ФЦП
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»,
проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии
(древность, средневековье, современность)» (шифр 2012-1.1-12-000-3001-017)*

Подписано в печать 22.11.2013. Печать ризографическая.
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 13,0. Тираж 300 экз. Заказ №818.

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а